

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2022 № 2

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцева (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прохогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
В.С. Окулов, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2022 № 2

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title
“Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision
of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute
of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic
Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams
University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; V.S. Okulov, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Лузянин С.Г.** Российско-китайские «границы» безопасности. Что означает пекинское послание В.В.Путина и Си Цзиньпина? **5**

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Мельянцев В.А.** Влияние накопления, человеческого капитала и институтов на рост производительности в развитых и развивающихся странах **14**

- Тимакова О.А.** Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня» **29**

- Денисова Т.С., Костелянец С.В.** Южный Судан: последствия отделения **38**

Ислам, исламизм и экстремизм

- Пономарев И.В.** Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период второй: 2016-2021. Окончание **47**

- Заболоцкая В.В.** (Краснодар). Малый и средний бизнес в Южной Корее и Сингапуре в условиях пандемии COVID-19 **56**

- Лиюкумович Я.Б., Ахматшина Э.К.** (Санкт-Петербург). «Авраамовы соглашения» между Израилем, ОАЭ и Бахрейном: изменения геополитической реальности Ближнего Востока **64**

- Кашина А.А.** Гендерный вопрос в Тунисе: от политики к практике **69**

РЕЦЕНЗИИ

- Нежданов В.Л.** (Тюмень). Китай в глобализированном мире: новая эра политики реформ и открытости **77**

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2022

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495-697-95-66, 691-02-70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

CONTENTS

TOP PROBLEM

- Sergey G. Luzyanin.** Russian-Chinese “borders” of security. What does the Beijing’s message of V.V.Putin and Xi Jinping mean? **5**

POLITICS, ECONOMICS

- Vitalii A. Meliantsev.** The impact of accumulation, human capital and institutions on productivity growth in the advanced economies and developing countries **14**

- Olga A. Timakova.** European Union interaction with South-Eastern Mediterranean: From “Ring of friends” to “Ring of fire” **29**

- Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets.** South Sudan: Consequences of the secession **38**

Islam. islamism and extremism

- Ilia V. Ponomarev.** Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The second stage: 2016-2021. Ending **47**

- Victoria V. Zabolotskaya** (Krasnodar). Small and medium businesses in South Korea and Singapore in the context of the COVID-19 pandemic **56**

- Yakov B. Liokumovich, Enesh K. Akhmatshina** (St. Petersburg). The Abraham Accords between Israel, UAE and Bahrain in the context of changing of the geopolitical reality in the Middle East **64**

- Anna A. Kashina.** Gender Issue in Tunisia: From politics to practice **69**

BOOK REVIEW

- Vladimir L. Nezhdanov** (Tyumen). China in the globalized world: A new era of reform and opening-up policy **77**

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2022

The authors opinions may not coincide with position of the editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 495-697-95-66, 691-02-70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

Российско-китайские «границы» безопасности. Что означает пекинское послание В.В. Путина и Си Цзиньпина?

© Лузянин С.Г.^a, 2022

^a НИУ «Высшая школа экономики» Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме: Подписание 4 февраля 2022 г. в Пекине совместного российско-китайского заявления «О международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии», а также блока двусторонних торгово-экономических и энергетических соглашений означает качественное расширение рамок стратегического партнерства двух стран. Россия и Китай политически позиционируют себя не только как глобальный и региональный центр силы и безопасности, но и как державы, предлагающие миру развитие общих человеческих ценностей и концепций - демократии, неделимой безопасности, открытости и равенства, выступают против политизации спорта, за расширение анти-пандемических мер борьбы с общим злом *COVID-19*.

Китай поддержал выдвинутые Россией предложения о ее гарантиях безопасности в Европе, что помогает дальнейшему формированию общего стратегического пространства евразийской безопасности от западной части Тихого океана до восточно-европейской условной черты «Черное море - Белоруссия». Не существует пока необходимости реформирования российско-китайского стратегического партнерства в военный союз или иную союзническую форму отношений.

Экономический блок кооперации базируется на системном и взаимовыгодном энергетическом сотрудничестве, которое реализуется в успешных газовых контрактах, включая сделки по продаже сжиженного (СПГ) и трубопроводного газа, нефтяных проектах и продажах, строительстве Россией новых энергоблоков на китайских атомных электростанциях (АЭС), расширении поставок угля и др.

В условиях значительного роста объемов российско-китайской торговли в 2021 г. на треть по сравнению с 2020 г., дополнительное значение приобретает расширение практики расчетов в национальных валютах (рубль - юань), минуя доллар. В условиях американских угроз отключения международной платежной системы *SWIFT* актуальным становится создание независимой российско-китайской платежной системы для транзакций, обеспечивающей не только энергетические сделки, но и весь спектр двусторонних торгово-экономических и межбанковских операций.

Формирование Большого евразийского партнерства предполагает широкий спектр торгово-экономических, инвестиционных, транспортных и институциональных мер по углублению евразийской кооперации. Ключевым компонентом на данном направлении является повышение эффективности процесса сопряжения между проектами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативой «Один пояс и один путь», реализация совместных взаимовыгодных инфраструктурных проектов.

Ключевые слова: Россия и Китай, неделимая безопасность, демократия, многополярность, «сообщество единой судьбы», экономика, торговля, энергетика, Большое евразийское партнерство

Для цитирования: Лузянин С.Г. Российско-китайские «границы» безопасности. Что означает пекинское послание В.В.Путина и Си Цзиньпина? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750018790-1

Russian-Chinese “borders” of security. What does the Beijing’s message of V.V. Putin and Xi Jinping mean?

© Sergey G. Luzyanin^a, 2022

^a HSE University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Abstract. The signing on February 4, 2022 in Beijing of a joint Russian-Chinese statement "On international relations entering a new era and global sustainable development" and a block of bilateral trade, economic and energy agreements means a qualitative expansion of the scope of the strategic partnership between the two countries. Russia and China politically position themselves not only as a global and regional center of power and security, but also as powers that offer the world the development of common human values and concepts - democracy, indivisible security, openness and equality, oppose the politicization of sports, for the expansion of anti-pandemic measures to combat the common evil of *COVID-19*.

China supported the proposals put forward by Russia on its security guarantees in Europe, which helps to further form a common strategic space of Eurasian security from the western part of the Pacific Ocean to the Eastern European conditional line "Black Sea - Belarus". There is no need to reformat the Russian-Chinese strategic partnership into a military alliance in modern conditions.

The economic block of cooperation is based on systemic and mutually beneficial energy cooperation, which is implemented in the increase in successful gas contracts, including transactions for the sale of liquefied natural gas (LNG) and pipeline gas, oil projects and sales, the construction of new power units by Russia at Chinese nuclear power plants (NPPs), and the expansion of supplies coal, etc.

In the context of a significant increase in the volume of Russian-Chinese trade in 2021 by a third compared to 2020, the expansion of the practice of settlements in national currencies (ruble - yuan), bypassing the dollar, acquires additional importance. In the face of American threats to shut down the SWIFT international payment system, it is relevant to create an independent Russian-Chinese payment system for transactions that provides not only energy transactions, but also the entire range of bilateral trade, economic and inter-bank transactions.

The formation of the Greater Eurasian Partnership involves a wide range of trade, economic, investment, transport and institutional measures to deepen Eurasian cooperation. The key component in this area is to increase the efficiency of the process of interface between the projects of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Chinese initiative "One Belt and One Road", the implementation of joint mutually beneficial infrastructure projects.

Keywords: Russia and China, indivisible security, democracy, multipolarity, "community of common destiny", economy, trade, energy, Greater Eurasian Partnership

For citation: Luzyanin S.G. Russian-Chinese "borders" of security. What does the Beijing's message of V.V. Putin and Xi Jinping mean? *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 5-13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018790-1

ВВЕДЕНИЕ

Современная «ковид-конфронтационная» эпоха обновляет не только ключевые двусторонние отношения и международную архитектуру, сложившуюся в 1990-е годы, но и подходы к таким понятиям, как общечеловеческие ценности, демократия, безопасность, альянсы и союзы. На фоне системного противостояния России и США, Китая и США, развития и расширения «конфликтной карты» в Восточной Европе, Азиатско-Тихоокеанском и Индо-Тихоокеанском регионах, укрепления старых и создание новых антироссийских и антикитайских блоков, западного санкционного давления, Россия и Китай не просто сближаются, но и формулируют свое, новое прочтение вечных политических, международных и гуманитарных смыслов человеческого развития.

Ярким проявлением такого расширенного толкования современности стало совместное заявление российского президента В.В.Путина и китайского руководителя Си Цзиньпина «О международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии», подписанное в олимпийском Пекине 4 февраля 2022 г., в котором фактически изложена не только дальнейшая «логистика» расширения взаимного двустороннего партнерства, но и даны новые концептуальные смыслы и идеи существования всего человечества.

В статье делается попытка анализа геополитических и экономических реалий, включая старые и новые вызовы и угрозы, общие «красные линии» для России и Китая, дилеммы «союза» или партнерства двух держав, а также другие вопросы, актуальные не только для России и Китая, но и остального мира.

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ. ИМЕЕТ ЛИ ЗАПАД ПРАВО ВНЕДРЯТЬ СВОЮ ДЕМОКРАТИЮ?

В иерархии общечеловеческих ценностей понятие демократии стоит на одном из первых мест. Особенностью ее современного толкования являются попытки ряда западных стран представить демократию, как некое универсальное идеологическое оружие для гуманитарных интервенций, вмешательства во внутренние дела и насаждения своих стандартов и стереотипов. При этом, само понятие демократии представляется, как продукт, якобы, исключительно западных цивилизаций.

Россия и Китай, своим заявлением серьезно скорректировали эти подходы. Соглашаясь с тем, что это, действительно, общечеловеческая ценность (раздел 1), стороны подчеркнули, что развитие демократии «...не привилегия отдельных государств, а ее продвижение и защита - общая задача всего мирового сообщества», что у США и их союзников нет монополии на использование этого общечеловеческого ресурса, каждая цивилизация, народ, государство имеет свои варианты и модели демократии¹. Англо-саксонские версии демократии не могут и не должны силой или иными средствами навязываться и внедряться в чужеродную для Запада среду со своими стандартами и особенностями культуры.

Россия и Китай, являющиеся мировыми державами с богатым культурным и историческим наследием, имеют глубокие традиции демократии, основанные на тысячелетнем опыте развития. Действительно, специфика отдельных китайских династий и опыт славянских народных (новгородских и др.) вече, культурные традиции и историческая память русской и китайской цивилизаций содержат эти демократические элементы. Пусть и в своей, специфической форме, но имеющей право на самобытность и этнопсихологическую специфику.

В приоритетный ряд вошла и проблема борьбы с пандемией *COVID-19*, игнорировать которую, конечно, лидеры двух великих государств не могли. К ключевым положениям, обозначенным в документе, относятся:

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 4 февраля 2022 г. <http://kremlin.ru/supplement/5770>

- соблюдение инклюзивного подхода при научной кооперации в изучении вируса, создании вакцин, обмен знаниями, опытом борьбы с эпидемией и медицинскими технологиями;

- борьба против политизации проблемы ковид-пандемии и «вакцинной дипломатии».

Очевидно, что на сегодняшний день китайский опыт борьбы с пандемией как в сфере экономического восстановления, так и административно-медицинских мероприятий, несмотря на критику отдельных западных СМИ, является одним из самых эффективных в мире. Учитывая, что в стране уже началась подготовка к XX съезду КПК, который пройдет осенью этого года, скорее всего, успехи анти-ковидной борьбы, наряду с социально-экономическими достижениями, будут преобразованы в дополнительное политико-идеологическое качество эффективности модели «социализма с китайской спецификой».

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ГДЕ ПРОХОДЯТ «КРАСНЫЕ ЛИНИИ»?

Ключевой проблемой заявления является представленный Россией и Китаем взгляд на глобальную и региональную безопасность, которую можно определить в следующих условных проекциях:

- неразрывность безопасности одного государства с общей (мировой и региональной) безопасностью;

- желание России и Китая бороться против подрыва стабильности и вмешательства во внутренние дела внешних сил в «сопредельных регионах» и «цветных революций»;

- противодействие расширению НАТО, другим союзам и коалициям, включая трехсторонний блок США, Великобритании и Австралии (AUKUS);

- критика США за выход из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), за подрыв стратегической стабильности в Европе и Азии;

- прекращение гонки вооружений в космическом и киберпространстве;

- необходимость укрепления режима запрещения и разработки бактериологического (химического) оружия².

Анализируя данные направления, первостепенное внимание следует обратить на сформулированный сторонами посыл Западу о том, что «красные линии» в Восточной Европе для России теперь становятся таковыми и для Китая. «Китайская сторона, - говорится в заявлении, - поддерживает выдвинутые Российской Федерацией предложения по формированию долгосрочных ...гарантий безопасностей в Европе»³.

Данная констатация означает, что тема расширения НАТО о гарантиях российской безопасности в Европе за счет поддержки Китая превратилась в общую российско-китайскую озабоченность и единую повестку безопасности. Сегодня Пекин полностью разделяет с Москвой все западные/европейские вызовы - от угроз из сопредельных восточно-европейских стран до опасностей визитов враждебных России кораблей в Черное море и создания военных баз на ее границах. Российские «красные линии» стали таковыми и для Китая. Налицо сложившаяся российско-китайская евразийская зона стратегической обороны и безопасности от западной части Тихого океана до восточно-европейской условной черты «Черное море - Белоруссия».

РОССИЯ - КИТАЙ: 2022. СОЮЗ ИЛИ ПАРТНЕРСТВО?

Очевидно, что проблема безопасности вольно или невольно затрагивает другой чувствительный вопрос, который косвенно вытекает из официального документа. Возможен или нет полноценный российско-китайский военно-политический союз? Какие выгоды и риски может получить Россия от этого «союза» и какие возможности или риски могут прийти от дальнейшего углубления стратегического партнерства с Поднебесной?

Данная проблема не первый год обсуждается в экспертной литературе, включая идею минимизации («хеджирования») потенциальных рисков и вызовов от Китая в условиях существующей экономической асимметрии в пользу КНР [1; 5; 6; 7; 9]. Российско-китайское заявление 4 февраля 2022 года несомненно подстегнет дальнейшее развитие этой дискуссии.

На сегодняшний день, на наш взгляд, в идее глубокой российско-китайской интеграции преобладают следующие, ключевые компоненты:

а) Военно-технический. Текущая «предвоенная атмосфера», сгущающаяся вокруг России и Китая, активно заставляет обе стороны идти на небывалую военно-политическую интеграцию и координацию национальных стратегий безопасности. Очевидно, что она (координация) не может быть простым механическим сложением военных потенциалов двух стран. Речь, скорее, идет об уже сложившемся механизме взаимного дополнения военно-технических ресурсов, в котором Россия имеет явное превосходство в военно-стратегическом компоненте, а Китай - в плане общих экономико-технологических возможностей.

² Там же.

³ Там же.

Россия, в свое время оказала помощь Китаю в создании Системы предупреждения ракетного нападения (СПРН), подписана и работает между министерствами обороны двух стран «Дорожная карта» военного сотрудничества на 2021-2025 гг., регулярно проходят военные сухопутные и морские учения, а также совместные патрулирования стратегической авиацией и военно-морскими силами наиболее уязвимых западно-тихоокеанских зон и пр. При этом стороны понимают, что оборонно-стратегическая сфера - одна из самых чувствительных и закрытых областей для взаимной транспарентности, границы которой определяются высшим руководством в зависимости от текущей и долговременной ситуации и, независимо от степени доверия и уровня внешнего давления, часть систем обороны останутся абсолютно не транспарентными и закрытыми для любой кооперации.

б) Ядерный компонент. В заявлении справедливо отмечено желание сторон соблюдать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и требовать сокращения ядерных потенциалов пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН - РФ, США, КНР, Великобритании и Франции. За этой констатацией скрывается ряд «стыковых», чувствительных тем, обсуждаемых в основном на экспертном уровне. Одна из них - специфика отношений в стратегическом «ядерном» треугольнике «Россия - США - Китай», которая определяется, с одной стороны, текущим российско-американским Договором о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-3), продленным в 2021 г. президентами Д.Байденом и В.Путиным, а с другой, полной не вовлеченностью Китая в данную систему взаимного сдерживания и нераспространения. В экспертной литературе пока нет единого подхода по вопросу о необходимости вовлечения или, наоборот, сохранения не вовлеченности Китая в стратегический переговорный процесс с учетом его более низкого уровня потенциала по сравнению с США и РФ. При этом быстрое развитие Китаем собственного ядерного компонента в среднесрочной перспективе может нивелировать его отставание от ведущих ядерных держав [4; 8].

Проблема вовлечения Китая в российско-американский стратегический переговорный формат, на наш взгляд, в настоящее время не является приоритетной и не входит в текущую повестку. Это вопрос будущего глобальной безопасности и основное внимание сегодня сосредоточено на повышении текущей эффективности российско-китайского военного диалога.

в) Военный союз или партнерство. Расширение спектра российско-китайского стратегического партнерства, которое происходит в настоящее время по всем практически направлениям, объективно позволяет России и Китаю де-факто позиционировать себя как новый «блоковый» центр силы в эпоху глобализации и нарастания западных санкций. В российских и китайских правящих элитах сохраняется общий подход, основанный на том, что несмотря на усиление конфронтации с США и их союзниками в настоящее время нет никакой необходимости в оформлении «классических» союзнических отношений между нашими странами. При этом есть общее понимание в возможности определенной модернизации базового Договора от 4 июля 2001 г. «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», продленного 17 июня 2021 г. на пять лет. Речь идет о ст. 9, в которой говорится, что «...в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из договаривающихся сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы её безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из договаривающихся сторон, договаривающиеся стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»⁴. Очевидно, что при возникновении форс-мажорных обстоятельств стороны не ограничатся только консультациями, а используют более широкий набор средств для собственной безопасности.

При этом даже расширенная и более жесткая версия этой и других статей договора не создают юридических переходов в новое союзническое качество отношений. Известный политолог и военный эксперт Василий Кашин справедливо считает, что старые союзы, которые строились вокруг общей цели (общего врага) на определенное время и не исключали разности интересов по второстепенным целям, сегодня заменяются новыми более гибкими формами. При этом, качественный сдвиг в российско-китайских отношениях в военно-политической сфере произошел в 2018-2019 гг. и окончательная формализация союзнических отношений, по его мнению, не нужна России и Китаю, поскольку она мало, что изменит в сложившемся балансе сил и достигнутый неформальный «полу-союзнический» уровень полностью обеспечивает необходимую безопасность [2].

На наш взгляд, чисто гипотетически такой союз может возникнуть только при крайних форс-мажорных обстоятельствах, каким является, например, прямое и полномасштабное военное столкновение России с США или Китая с США. Любые иные конфликтные варианты на Украине, в Центральной Азии, в Южно-Китайском море или вокруг Тайваня исключают подобный сценарий.

Таким образом, картина возможности или невозможности создания «классического» союза Москвой и Пекином сознательно остается недорисованной и недосказанной, но при этом авторы сознательно сохра-

⁴ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16 июля 2001 года. <http://kremlin.ru/supplement/3418/>

няют ее незаконченность, оказывая сильное эмоциональное и психологическое воздействие на своих противников.

ГЕОПОЛИТИКА. МОЖНО ЛИ СОВМЕСТИТЬ МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И «СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ»?

В геополитических частях заявления стороны, с одной стороны, обозначили свои традиционные приоритеты институтам глобального управления (СБ ООН, «Группа двадцати» и др.), а также общим проектам и инициативам - ШОС, БРИКС, РИК (Россия - Индия - Китай), АТЭС, сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Инициативы «Один пояс и один путь» (ОПОП) при формировании Большого евразийского партнерства и пр.

С другой стороны, в документе просматриваются новые акценты и интерпретации многополярности, которая остается очевидным приоритетом обеих сторон, но в ее структуру осторожно вводится китайский концепт - «Сообщество единой судьбы человечества». В заявлении говорится: «Российская сторона отмечает позитивное значение концепции китайской стороны о построении «сообщества единой судьбы человечества» для укрепления солидарности мирового сообщества и объединения усилий в реагировании на общие вызовы. Китайская сторона отмечает позитивное значение усилий российской стороны по формированию справедливой многополярной системы международных отношений»⁵.

Другими словами, Россия, продвигая идею многополярности, не возражает против китайской концепции «единой судьбы человечества», а Китай поддерживает российский вариант многополярности. Пока точного научного и независимого анализа понятия «единая судьба человечества» нет. Ни в китайских, ни в российских, ни тем более в западных экспертных исследованиях не обозначены временные и географические границы «сообщества», не проведен анализ содержательных компонентов этого понятия. В англо-американских изданиях все сводится к утверждениям о, якобы, новом китайском глобальном экспансионизме, а в китайских преобладают идеологические оценки, связанные с исключительной полезностью, инклюзивностью и общей взаимной выгодой для всех в мире при реализации этой идеи.

На наш взгляд, данный китайский нарратив пока чисто теоретически вбирает проблематику многополярности, но по замыслу эта идея шире понятия многополярность. При этом китайские теоретики не отвергают ключевые вопросы формирования современной архитектуры мира и ее институтов развития, но рассматривают все это исключительно в китайской цивилизационной и идеологической проекциях. Очевидно, что на экспертном уровне необходим анализ новых китайских идей с различных позиций.

Китайские эксперты и обозреватели также дали свою оценку совместному заявлению, выделив четыре, по их мнению, ключевых компонента.

Во-первых, идею о том, что демократия является общей ценностью всего человечества, а не «патентом» США и ее союзников, что защита демократии - дело всего международного сообщества, включая Китай и Россию, а не одних США.

Во-вторых, во всех китайских изданиях подчеркивается, что Россия и Китай ставят во главу угла не войну, а мир, развитие и сотрудничество, что и является ключом к достижению благосостояния всех людей.

В-третьих, обыгрывается идея о том, что ни одна страна в мире не может добиваться собственной безопасности в ущерб безопасности других, что Россия и Китай обеспокоены серьезными вызовами, которые идут от ряда западных стран.

В-четвертых, мощный акцент делается на необходимость двум государствам бороться за сохранение нынешней международной структуры мира, институтов глобального управления, включая центральную роль ООН, сложившийся международный правовой порядок, многополярность и совместное продвижение «сообщества единой судьбы человечества» [13; 14; 17].

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАКЕТ. ВЫЙДУТ ЛИ РОССИЯ И КИТАЙ НА \$200 МЛРД ТОВАРООБОРОТА?

Переговоры в Пекине кроме совместного политического заявления ознаменовались подписанием большого пакета экономико-технологических соглашений и контрактов из 15 документов. По китайским данным это:

1. Соглашение о сотрудничестве между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации в области обеспечения соблюдения антимонопольного законодательства и конкурентной политики.

2. План консультаций на 2022 год между МИД КНР и МИД РФ.

⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики...

3. Совместное заявление Министерства коммерции КНР и Министерства экономического развития РФ о завершении разработки Дорожной карты качественного развития китайско-российской торговли товарами и услугами.

4. Меморандум о взаимопонимании между Министерством коммерции КНР и Министерством экономического развития РФ о содействии инвестиционному сотрудничеству в области устойчивого (зеленого) развития.

5. Договоренность Главного таможенного управления КНР и Федеральной таможенной службы России о взаимном признании «Аттестованных операторов».

6. Соглашение о приграничном санитарно-карантинном сотрудничестве между Главным таможенным управлением КНР и Бюро по надзору за соблюдением прав потребителей и общественным благополучием РФ.

7. Дополнительные пункты к Протоколу Главного таможенного управления КНР и Министерства сельского хозяйства РФ о фитосанитарных требованиях к пшенице, экспортируемой в Китай из России.

8. Дополнительные статьи к Протоколу Главного таможенного управления КНР и Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору России о фитосанитарных требованиях к ячменю, вывозимому в Китай из России.

9. Протокол Главного таможенного управления КНР и Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору РФ об инспектировании и карантинных требованиях к российской траве люцерны в Китай.

10. Совместное заявление Главного управления спорта Китайской Народной Республики и Министерства спорта Российской Федерации о проведении Китайско-Российского спортивного обмена на 2022-2023 гг.

11. Соглашение о сотрудничестве между Комитетом по спутниковой навигационной системе Китая и Роскосмосом по временной совместимости глобальных навигационных спутниковых систем *BeiDou* и ГЛОНАСС.

12. «Договор купли-продажи природного газа *CNPC* и «Газпром Дальний Восток»»

13. Дополнительное соглашение 3 к «Договору купли-продажи сырой нефти, гарантирующему поставку нефти на НПЗ в Западном Китае».

14. Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области низкоуглеродной разработки между Китайской национальной нефтяной корпорацией и Роснефтью.

15. Соглашение о сотрудничестве в области информатизации и цифровизации [13].

Очевидно, что из представленного перечня для дальнейшего развития двусторонней торгово-экономической кооперации особое значение имеет «Дорожная карта» (документ № 3) о качественном развитии китайско-российской торговли товарами и услугами, объем которой в 2021 г. достиг \$146,887, увеличившись в годовом исчислении на 35,8% и установив своеобразный рекорд [14].

Скорее всего, часть быстрого прироста объясняется повышением мировых цен на ряд ключевых товаров российского экспорта (углеводороды и др.) и китайского импорта. Но, при этом, по отдельным опциям мы наблюдаем и рост физических объемов, включая увеличение экспорта российской сельско-хозяйственной продукции, угля и др. Исходя из нарастающей тенденции увеличения товарооборота, включая дополнительные российские поставки углеводородов и других товаров, просматривается реальная перспектива выхода двух государств к 2025 г. на запланированный уровень в \$200 млрд товарооборота.

Возможно, что данный тренд поможет начать общее изменение российско-китайской модели, сложившейся в 1990-е - начале 2000-х гг., в основном, как асимметричной, с акцентом на более продвинутую политическую часть и отставанием в торгово-экономических опциях. Подобная диспропорция определялась выражением российских и китайских ученых и политиков, как «горячо сверху (в политике), но холодно внизу (в экономике)». Возможно, что в будущем температура на обоих этажах будет постепенно выравниваться.

КАК СКЛАДЫВАЕТСЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС?

Вторыми по значимости из коммерческого блока идет группа контрактов и соглашений по энергетическому сотрудничеству. По китайским данным, в соответствии с соглашением о купле-продаже дальневосточного природного газа Россия будет ежегодно увеличивать его поставки по действующему трубопроводу «Сила Сибири» в Китай на 10 млрд куб. м. С добавлением трубопровода «Сила Сибири-2», который пройдет через Монголию, ежегодный объем поставок газа в Китай, по мнению китайских экспертов, увеличится на 29,7% [15].

Наряду с долгосрочными российскими поставками углеводородов в Китай реализуется целый ряд крупных российских совместных проектов - сооружение с участием госкорпорацией «Росатом» на китайских АЭС 4-х новых энергоблоков, строительство которых началось в 2021 г. Как отметил в своем интер-

вью 3 февраля 2022 г. агентству «Синьхуа» В.В.Путин, «между нашими странами складывается взаимовыгодный энергетический альянс»⁶.

Контракт купли-продажи сырой нефти предусматривает, что Россия продолжит поставлять 100 млн т сырой нефти в Китай через Казахстан в течение 10 лет. По состоянию на январь 2022 г., *PetroChina* импортировала из России более 300 млн т трубопроводной сырой нефти и более 15 млрд м³ природного газа. При этом китайские эксперты отмечают, что российско-китайское энергетическое сотрудничество позволяет Китаю создавать у себя чистую, низкоуглеродную, безопасную и эффективную энергетическую структуру.

По подсчетам китайских экономистов, в 2019 г. на потребление природного газа в мире приходилось 24,2% потребленной первичной энергии, тогда как в Китае — 8,1%. В 2017 г. национальная комиссия по развитию и реформам Госсовета КНР опубликовала прогнозы использования природного газа в КНР. В документе отмечалось необходимость постепенного превращения природного газа в один из основных источников энергии Китая. В 2020 г. доля природного газа в структуре китайского потребления составляла около 10%, до 2025 г. предполагается его увеличение до 39,5% [15].

ФИНАНСЫ. КАК ОБОЙТИ ДОЛЛАР?

Расширенная версия энергетической кооперации позволит двум государствам ослабить эффект финансово-валютных санкций США. Китай и Россия ежегодно увеличивают объем платежных средств за импорт нефти и газа в евро, юанях и рублях. Если в 2015 г. почти 90% китайско-российских торговых расчетов осуществлялись в долларах США, то в 2020 г. этот показатель упал до 46%. Соответственно, доля расчетов в евро выросла до 30%, в юанях - 17% и в рублях - 7%. На 2022 г. юаневую долю планируется довести до 19,5%, а рублевую - до 10,3% [15].

В условиях американских угроз отключения международной платежной системы *SWIFT* особенно актуальным для России является создание независимой российско-китайской платежной системы для транзакций, обеспечивающей не только энергетические сделки, но и весь спектр двусторонних торгово-экономических и межбанковских операций. По мнению китайского эксперта, профессора Ли Синя в рамках углубления общей тенденции де долларизации, следует завершить процесс «стыковки» китайской системы трансграничных межбанковских платежей (*CIPS*), запущенной еще в 2015 г. на основе юаня и разрабатываемой с 2014 г. российской системой обмена финансовыми сообщениями *SPFS* [3].

На пекинских переговорах была затронута тема расширения практики расчетов в национальных валютах в контексте нивелирования негативного влияния односторонних западных санкций. Стороны обратили внимание на необходимость более активной реализации, подписанного в 2019 г. межправительственного российско-китайского соглашения о расчетах и платежах.

ЕВРАЗИЙСКОЕ СОПРЯЖЕНИЕ. РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Ключевым в российско-китайском евразийском сотрудничестве остается формирование Большого евразийского партнерства, что также было отмечено в совместном заявлении. Данный проект, как известно, реализуется на основе сопряжения китайской инициативы «Один пояс и один путь» (ОПОП) и проектов российских и других членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) строительства путей и коридоров в Евразии. Как известно, в отличие от ЕАЭС китайская инициатива не является институализированной организацией. Она подразумевает комплексное продвижение на континенте китайских товаров, услуг, капиталов, создание новой и обновление старой транспортной инфраструктуры, ориентированной на развитие КНР и сопредельных стран и регионов. Существует морская версия «Одного пояса - одного пути», охватывающая южные моря Китая и Индийский океан, также относительно новая северная версия - «Ледяной Шелковый Путь», предполагающая освоение Китаем совместно с Россией маршрутов российского Северного Морского Пути (СМП), идущего в Северную Европу [16].

Большинство западных и часть российских экспертов считают, что китайская инициатива ОПОП - это некий завуалированный вариант установления китайского экономического господства в Евразии. В частности, многие эксперты ссылаются на возникшую финансовую зависимость отдельных государств (Таджикистан, Греция, Шри Ланка, Черногория, Джибути и др.), попавших в «кредитную ловушку» Поднебесной и являющихся активными реципиентами данной китайской инициативы.

На наш взгляд, для России пока не существует подобных рисков и угроз. При определении изначальных позиций российско-китайского евразийского взаимодействия на высшем уровне были сформулирова-

⁶ В.В. Путин. Россия и Китай: стратегическое партнерство, ориентированное в будущее. 3 февраля 2022 года. <http://kremlin.ru/events/president/news/67694>

ны и согласованы общие политические принципы абсолютного равенства двух проектов - ЕАЭС и ОПОП в рамках известного российско-китайского соглашения о сопряжении двух государств, подписанного 8 мая 2015 г. [12]. Россия, не являясь реципиентом китайской инициативы, строит и реализует свою евразийскую стратегию, которая в каких-то частях полностью совпадает с китайской, а в каких-то, частично. При этом разное тактическое видение направлений, маршрутов и транспортной логистики не влияет на общий характер российско-китайской кооперации в Евразии, включая Центральную Азию.

Отношения ЕАЭС и Китая строятся на не преференциальной основе, что было формализовано и подтверждено в соглашении от 17 мая 2018 г. о развитии торгово-экономического сотрудничества между Евразийским экономическим союзом и КНР. Для России создание зоны свободной торговли (ЗСТ) с КНР, - пока преждевременный шаг в условиях сохраняющейся экономической асимметрии российского и китайского потенциалов в пользу Поднебесной [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, пекинские переговоры и итоговые документы уточнили картину современного мира, место России и Китая в нем. Запад не может навязывать мировому сообществу свои ценности, стандарты и каноны своей демократии. При этом США и ее союзники не обладают и монополией на услуги безопасности. Российско-китайское стратегическое партнерство, трансформировавшееся в новый, глобальный центр силы, развивает свою повестку поддержания стабильности в мире, собственной безопасности и сдерживания противостоящих старых и новых блоков и альянсов в Европе и Азии.

Возможность создания «классического» союза Москвы и Пекина пока мала, сложившийся формат обеспечивает необходимый уровень защиты глобальных, региональных и двусторонних интересов двух стран. Однако теоретическая возможность реформативного партнерства в новое качество, параметры которого пока неведомы наблюдателям, в настоящее время создают для противников России и Китая эффект напряженности и политического дискомфорта.

Пекин и Москва, исходя из многополярной основы, пытаются найти новые, более широкие формы международной архитектуры, обновить ее содержание за счет китайских инициатив («Сообщество единой судьбы», «Китайская мечта», «Один пояс и один путь» и др.). Для России, при всей близости позиций с Китаем, есть два сценария: 1) либо она безоговорочно встраивается в китайское видение мира, 2) либо отстаивает и предлагает свои глобальные и региональные концепты и стратегии позиционирования русской цивилизации и «русского мира».

Очевидно, что второй вариант более сложный, предполагающий возможные компромиссы с Китаем, а также «параллельное» развитие нарративов и концепций. В любом случае, данный подход позволяет России сохранять независимость, гибкость и тактическую вариативность, не нарушая при этом сложившегося высокого формата российско-китайского партнерства.

На данный сценарий работает также существующий общий баланс между российским военно-стратегическим доминированием и китайским экономико-технологическим лидерством в партнерстве, что на ближайшую и среднесрочную перспективу исключает базовое неравенство и зависимость одного от другого. Пока российско-китайским отношениям не грозит эффект «старшего» и «младшего» брата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисов И.Е., Лукин А.В. Коррекция и хеджирование. *Россия в глобальной политике*. № 4. 2021, июль/август. <https://globalaffairs.ru/articles/korrekcziya-i-hedzhirovanie/> DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-154-172 (accessed 10.02.2022)
2. Кашин В.Б. Россия и Китай: союз или стратегическая неопределённость. *Некоммерческое партнёрство "Российский совет по международным делам"*. 2019. 19 августа. <https://russiancouncil.ru/vasily-kashin/> (accessed 10.02.2022)
3. China and Russia to establish independent financial systems: Russian media. December 17, 2021. <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1241715.shtml?id=12> (accessed 10.02.2022)
4. Крашенинникова Л.С. Зарождение и эволюция ракетно-ядерного сдерживания между США и КНР. *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 6. С. 16-26.
5. Ломанов А.В. Россия и Китай в «новую эпоху»: вызовы и перспективы/ <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kitay-v-novuyu-epoxy-vyzovy-i-perspektivy/viewer> DOI: 10.24411/26186888202010002 (accessed 10.02.2022)
6. Лузянин С. Г. «Россия - Китай» или «Великая Америка». Будет ли конец истории? *Азия и Африка сегодня* 2019. № 8. С. 2-4. DOI: 10.31857/S032150750005765-3
7. Лузянин С.Г. Настоящее и будущее российско-китайских отношений. *Вестник Российской академии наук*, 2020, № 2. С. 113-119. DOI: 10.31857/S0869587320020085
8. Лузянин С.Г., В.Б. Кашин В.Б. Россия - Китай - США: ракетно-ядерное измерение безопасности в Восточной Азии. *Обозреватель - Observer*. 2019. № 10. С. 42-52.
9. Лукин А.В. Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху // *Россия в глобальной политике*. 2020. № 3(103), май/июнь. <https://globalaffairs.ru/articles/pik-minoval/> (accessed 10.02.2022)
10. Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / Под ред. А.В.Лукина, В.И.Якунина. М.: Изд-во "Весь Мир", 2019.

11. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 4 февраля 2022 г. <http://kremlin.ru/supplement/5770> (accessed 10.02.2022)
12. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. 8 мая 2015 года. <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 10.02.2022)
- 13.中俄签署一系列合作文件。(China and Russia signed a number of cooperation documents) (In Chin.). <https://news.cnstock.com/news/bwxx-202202-4822729.htm> (accessed 10.02.2022)
14. 封怀诚. 普京访华, 五个细节值得关注! 美国警告: 帮助俄罗斯后果严重. (Five details of Putin's visit to China deserve attention! The United States warns that Russian aid is fraught with serious consequences). Feng Huaichen (In Chin.). <https://www.163.com/dy/article/GVCPG0BA0543OQGL.html> (accessed 10.02.2022)
15. 王宪举: 能源合作彰显中俄“背靠背”决心. (Wang Xiangju: Energy cooperation shows the determination of China and Russia to go "back to back". February 07, 2022). (In Chin.). http://views.ce.cn/view/ent/202202/07/t20220207_37309321.shtml (accessed 10.02.2022)
16. 盘点《冰上丝绸之路》上的项目. (Ice Silk Road Project Inventory) (In Chin.). <https://chinadialogueocean.net/12569-a-review-of-chinas-arctic-silk-road-projects/?lang=zh-hans> (accessed 10.02.2022)
17. 美国就这么看中中俄联合声明? (How does the United States perceive the Sino-Russian joint statement?) (In Chin.). <https://news.sina.com.cn/w/2022-02-06/doc-ikyamrmz9250949.shtml> (accessed 10.02.2022)

REFERENCES

1. Denisov I.E., Lukin A.V. Correction and hedging. *Russia in global politics*. 2021. № 4. July/August. (In Russ.). <https://globalaffairs.ru/articles/korrekcziya-i-hedzhirovanie/> DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-154-172 (accessed 10.02.2022)
2. Kashin V.B. Russia and China: alliance or strategic uncertainty? *Non-commercial partnership "Russian International Affairs Council"*. 2019. August 19 (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/vasilij-kashin/> (accessed 10.02.2022)
3. China and Russia create independent financial systems: Russian media. December 17, 2021. <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1241715.shtml?id=12> (accessed 10.02.2022).
4. Krashenninnikova L.S. The origin and evolution of nuclear missile deterrence between the USA and China. *Problems of the Far East*. 2017. № 6. Pp. 16-26. (In Russ.)
5. Lomanov A.V. Russia and China in the "new era": challenges and prospects (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kitay-v-novuyu-epohu-vyzovy-i-perspektivy/viewer> DOI: 10.24411/26186888202010002 (accessed 10.02.2022)
6. Luzyanin S.G. "Russia - China" or "Great America". Will there be an end to the story?. *Asia and Africa today*. 2019. № 8. Pp. 2-4. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750005765-3
7. Luzyanin S.G. The present and future of Russian-Chinese relations. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2020, № 2. Pp. 113-119 (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869587320020085
8. Luzyanin S.G., V.B. Kashin V.B. Russia-China-USA: Nuclear and Missile Security Dimension in East Asia. *Observer*. 2019. № 10. Pp. 42-52 (In Russ.)
9. Lukin A.V. Has the peak passed? Russian strategy towards China in the new era. *Russia in global politics*. 2020. № 3(103), May/June (In Russ.). <https://globalaffairs.ru/articles/pik-minoval/> (accessed 10.02.2022)
10. Ways and belts of Eurasia. National and international development projects in the Eurasian space and prospects for their conjugation / Ed. A.V. Lukina, V.I. Yakunin. Moscow, 2019. (In Russ.)
11. Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on international relations entering a new era and global sustainable development. February 4, 2022 (In Russ.). <http://kremlin.ru/supplement/5770> (accessed 10.02.2022)
12. Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on cooperation in linking the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. May 8, 2015 (In Russ.). <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 10.02.2022)
- 13.中俄签署一系列合作文件。(China and Russia signed a number of cooperation documents) (In Chin.). <https://news.cnstock.com/news/bwxx-202202-4822729.htm> (accessed 10.02.2022)
14. 封怀诚. 普京访华, 五个细节值得关注! 美国警告: 帮助俄罗斯后果严重. (Five details of Putin's visit to China deserve attention! The United States warns that Russian aid is fraught with serious consequences). Feng Huaichen. (In Chin.). <https://www.163.com/dy/article/GVCPG0BA0543OQGL.html> (accessed 10.02.2022)
15. 王宪举: 能源合作彰显中俄“背靠背”决心. (Wang Xiangju: Energy cooperation shows the determination of China and Russia to go "back to back". February 07, 2022. (In Chin.). http://views.ce.cn/view/ent/202202/07/t20220207_37309321.shtml (accessed 10.02.2022)
16. 盘点《冰上丝绸之路》上的项目. (Ice Silk Road Project Inventory) (In Chin.). <https://chinadialogueocean.net/12569-a-review-of-chinas-arctic-silk-road-projects/?lang=zh-hans> (accessed 10.02.2022)
17. 美国就这么看中中俄联合声明? (How does the United States perceive the Sino-Russian joint statement?) (In Chin.). <https://news.sina.com.cn/w/2022-02-06/doc-ikyamrmz9250949.shtml> (accessed 10.02.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, Департамент зарубежного регионоведения НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Sergey G. Luzyanin, Dr.Sc. (History), Professor, School of International Regional Studies, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 13.01.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 08.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.02.2022

Влияние накопления, человеческого капитала и институтов на рост производительности в развитых и развивающихся странах

Мельянцев В.А.^a

^a ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Резюме. Согласно авторским расчетам, такая важная детерминанта экономического прогресса, как доля совокупных вложений (СВ) в физический и человеческий капитал (ФК и ЧЛК) в ВВП, достигавшая в целом по миру на этапе 1-й и 2-й промышленных революций (ПР) в 1800-1950 гг. 12-14%, увеличившись в 2016-2020 гг. (этап перехода от 3-й к 4-й ПР) в 3,5 раза, превысила 2/5 мирового ВВП. По этому ключевому параметру развивающиеся страны (РС) в целом уже перегнали развитые государства (РГ; в 2016-2020 гг. 45% vs 43% ВВП). Однако доля вложений в ЧЛК в СВ по РС вдвое меньше, чем в РГ (1/4 vs 1/2).

Расчеты и модели, сделанные по РГ, основным регионам и ряду крупных РС выявили, что (1) в долгосрочном плане повышение доли СВ значимо и существенно повлияло на динамику их подушевого ВВП (ПВВП), производительности труда (ПТ) и совокупной факторной производительности (СФП). (2) Более высокие темпы прироста ПТ в РС по сравнению с РГ в 2000-2020 гг. вызваны, соответственно, на 2/5 и 1/4 более существенным повышением у первых доли СВ в ВВП, а также эффективности госуправления и институтов. (3) Почти четырехкратное превосходство РГ над РС по ПВВП определяется на 1/3; 2/5 и 1/5, соответственно, более высокими значениями у первых показателей технологической развитости, образованности населения и верховенства закона.

Ключевые слова. Развитые и развивающиеся страны, накопление физического и человеческого капитала, совокупная факторная производительность, эффективность госуправления, институты, неравенство в распределении доходов

Благодарность. Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

Для цитирования: Мельянцев В.А. Влияние накопления, человеческого капитала и институтов на рост производительности в развитых и развивающихся странах. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 14-28. DOI: 10.31857/S032150750018791-2

The impact of accumulation, human capital and institutions on productivity growth in the advanced economies and developing countries

© Vitalii A. Meliantsev^a

^a Institute of Asian and African Studies, MSU, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Abstract. According to the authors' calculations, such an important determinant of economic progress as the share of total investments (TIs) in physical and human capital (PK and HK) in GDP, having amounted for the whole world at the stage of the 1st and 2nd industrial revolutions (IR) in 1800-1950 to 12 to 14%, increased by 2016-2020 (stage of transition from the 3rd to the 4th IR) 3.5 times, exceeding 2/5 of the world GDP. By this key parameter, developing countries (DCs) as a whole have already surpassed the advanced economies (AEs; in 2016-2020 45% vs 43% of GDP). However, the share of investments in HK in TIs in the DCs is on the whole only half of that in the AEs (1/4 vs 1/2).

Calculations and models, made for the AEs, the main regions and a number of large DCs, revealed that (1) in the long term, an increase in the share of their TIs significantly and markedly affected dynamics of their per capita GDP (PCGDP), labor productivity (LP) and total factor productivity (TFP). Higher growth rates of LP in large DCs compared to large AEs in 2000-2020 were due respectively by 2/5 and 1/4 to much more substantial increase in the former of their TIs in GDP, as well as to the increase of their government effectiveness and the quality of institutions. (3) Almost fourfold superiority of the AEs over DCs in terms of PCGDP is brought about by 1/3; 2/5 and 1/5, respectively, by higher values in the former of their indicators of technological development, educational attainment of the population and the rule of law.

Keywords: advanced economies and developing countries, accumulation of physical and human capital, total factor productivity, government effectiveness, institutions, income inequality

For citation: Vitalii A. Meliantsev. The Impact of Accumulation, Human Capital and Institutions on Productivity Growth in the Advanced Economies and Developing Countries. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 14-28. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750018791-2

ВВЕДЕНИЕ

Одна из наиболее актуальных, но далеко не исчерпанных тем экономических исследований - выявление долгосрочных и среднесрочных траекторий, факторов и последствий современного (интенсивного) экономического роста (СЭР; о сути феномена см. [1]). Между тем, несмотря на углубление научно-технического прогресса (НТП) и международного разделения труда (МРТ), происходящее в последние десятилетия обострение многих глобальных (финансовых, экологических, эпидемических, демографических, социальных, геополитических и других) проблем, как представляется, стало сильно сдерживать раскрытие потенциала СЭР как в развитых государствах (РГ), так и в десятках развивающихся стран (РС).

При этом первые, не без борьбы и сопротивления, все еще сохраняя определенную экономическую мощь, в тенденции - и это становится все более очевидным - сдают свои позиции в мировом хозяйстве (см. напр.: [2; 3]). Фокус внимания аналитического сообщества в поисках драйверов роста мировой экономики все больше перемещается в сторону РС. Хотя они сильно дифференцированы по многим характеристикам, факторам конкурентоспособности и производительности, на них, в целом, на начало 2022 г. приходилось, подчеркнем, не только почти 9/10 общей численности населения, но и уже 2/3 совокупных расходов на формирование физического и человеческого капитала (ФК и ЧЛК) и свыше 3/5 ВВП (в ППС) мира¹.

Собрав, верифицировав и систематизировав немалый объем данных, содержащихся по обозначенной теме в материалах международной статистики, аналитических центров, разработок ряда российских и зарубежных ученых (см. напр.: [4-9] и [10-21]), автор, развивая тему своих исследований (см. напр.: [22-25]), (а) рассчитал, применив в т.ч. методы реконструкции, взвешивания и агрегирования, ряд обобщающих параметров и композитных индексов развития и моделей, (б) выявил/уточнил в целом по миру, группе ныне РГ и РС траектории долговременного изменения подушевого ВВП (ПВВП), доли в нем совокупных вложений (СВ) в ФК и ЧЛК, индекса человеческого развития (ИЧР), совокупной факторной производительности (СФП) за период по ряду стран и групп стран, охватывающий 200 и более лет, (в) статистически оценил влияние накопления, ЧЛК, ряда ключевых институтов на динамику ПВВП, СФП и производительности труда в РГ и РС.

Не претендуя на окончательные выводы, хотелось бы надеяться, что проведенное исследование будет способствовать более четкому определению масштабов и пропорций СЭР в РГ и РС, вклада его экстенсивных/интенсивных факторов, социальных последствий, возникших проблем и противоречий.

ВАЖНЕЙШИЕ ТРЕНДЫ ПАРАМЕТРОВ НАКОПЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

В последние два с лишним столетия в результате того, что в мире произошло три-четыре крупных промышленных революций (ПР), большинство стран (РС - в основном после деколонизации) осуществило многофазовую модернизацию своих экономик и перешло в той или иной мере на путь СЭР, масштабно вырос ряд ключевых параметров накопления ФК и ЧЛК в РГ и РС (см. *диагр. 1-4*)².

По нашим расчетам и оценкам, в целом по миру доля СВ в ФК и ЧЛК (далее - доля СВ) в ВВП выросла по сравнению с доиндустриальной эпохой, по меньшей мере, втрое в период первых двух ПР (1800-1950 гг.) до 12-14%. В ныне РГ, в которых формирование фонда накопления основывалось, помимо прочего³, на эксплуатации не только своего населения, но и в немалой мере колоний и зависимых стран⁴, рассматриваемый параметр оказался на треть выше (в среднем, 16-18% ВВП). В колониальных и зависимых странах экономическая модернизация, как известно, была в целом крайне ограничена. В них, в среднем, доля СВ, хотя и выросла (до ~ 8-10% их ВВП), но была вдвое меньше, чем в целом по РГ. И в немалой мере эти расходы шли на нужды колониальной администрации и верхушки компрадорской буржуазии.

После Второй мировой войны развертывание в мире 3-й и (в последнее время) 4-й ПР, завоевание политической независимости десятками стран Востока и Юга, углубление МРТ, интенсификация процессов модернизации и повышение качества госрегулирования в РГ и многих РС способствовали росту инвестиций в ФК и ЧЛК, общая доля которых в ВВП выросла в мире более чем втрое по сравнению 1800-1950 гг., достигнув в 2016-2020 гг. рекордных 43-45% ВВП. В целом РС, возможно, даже перегнали (!) РГ по этому

¹ Рассчитано по: World DataBank. <http://databank.worldbank.org> (accessed 27.01.2022); The World Bank. Global Economic Prospects. Washington, D.C. 2022, January. P. 4.

² Речь идет о валовых капиталовложениях как в физические активы (техника, машины, оборудование, здания, инфраструктура), так и в образование, здравоохранение и науку.

³ В условиях СЭР, в т.ч. в период первых двух ПР, рост производительности, базировавшийся на внедрении технологических и управленческих инноваций, а также росте ЧЛК, в немалой мере способствовал увеличению фонда накопления.

⁴ По нашим расчетам и оценкам, в 1800-1950 гг. на долю внешних источников финансирования, в т.ч. связанных с ограблением колоний и зависимых стран, приходилось, в среднем, 10-20% валовых капиталовложений ныне РГ (см.: [22, с. 113-116, 37, 164-165, 236]).

параметру. При этом в них (РС) он практически утроился в 1950-1980 гг. по сравнению с периодом 1800-1950 гг., а затем вырос еще на 2/3 к концу 2010-х гг. (см. *диагр. 1*).

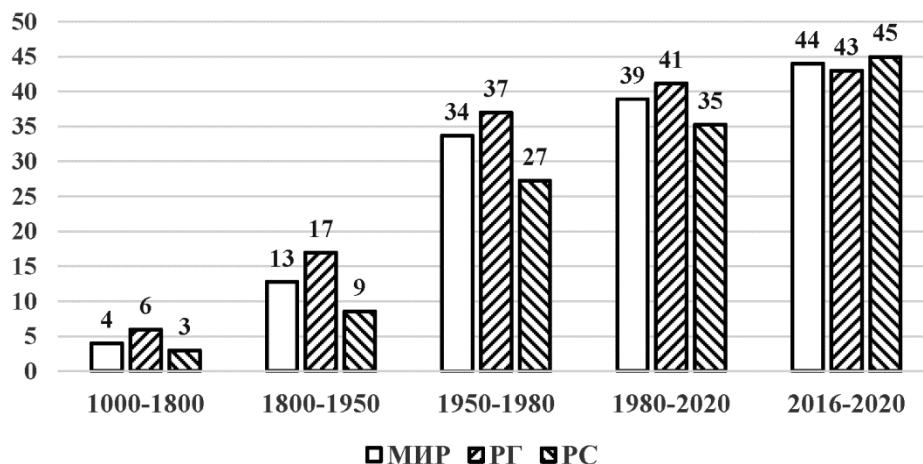

Диаграмма 1. Динамика доли совокупных вложений (СВ) в физический и человеческий капитал (ФК и ЧЛК) в ВВП в целом по миру, в ныне развитых государствах (РГ) и развивающихся странах (РС) в 1000-2020 гг., %.

Diagram 1. Dynamics of the share of total investments (TIs) in physical and human capital (PK and HK) in GDP as a whole in the world, now advanced economies (AEs) and developing countries (DCs) in 1000-2020, %.

Примечания. 1. Все данные (в *диагр. 1-4*) округлены. 2. В целях методологического упрощения за весь рассматриваемый период к РГ отнесены страны Запада и Япония, к РС - все другие страны и регионы мира.

Диагр. 1-4 рассчитаны автором по: The World Bank. DataBank. <https://databank.worldbank.org>; IMF Data. <http://www.imf.org/external/data.htm>; OECD. StatExtracts. <http://stats.oecd.org>; UNDP. Data. <http://hdr.undp.org/en/data>; [10, p. 379]; [22, с. 114, 118, 165-166, 180-184]; [23, с. 204]; Мельянцев В.А. Анализ важнейших трендов глобального экономического роста. М., 2013. С. 18-21.

С учетом того, что РС ныне, в среднем, в 4-5 раз беднее РГ (по критерию ПВВП в ППС)⁵, выявленный весьма крутой долговременный тренд роста важнейшего параметра экономического потенциала стран Востока и Юга позволяет с немалым оптимизмом смотреть на перспективы их догоняющего и в ряде сфер современной экономики перегоняющего (по отношению к странам Запада) развития.

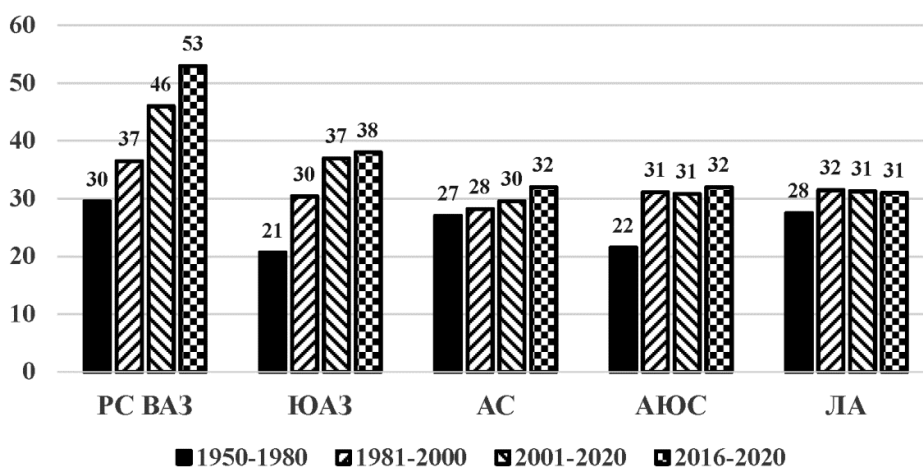

Диаграмма 2. Динамика доли совокупных вложений (СВ) в физический и человеческий капитал (ФК и ЧЛК) в ВВП в основных регионах РС, 1950-2020 гг., %.

Diagram 2. Dynamics of the share of total investments (TIs) in physical and human capital (PK and HK) in GDP in the main regions of DCs, 1950-2020, %.

Примечания. ВАЗ - Восточная Азия, ЮАЗ - Южная Азия, АС - арабские страны, АЮС - Африка южнее Сахары, ЛА - Латинская Америка.

⁵ А раньше разрыв между РГ и РС был намного больше.

Однако, справедливости ради, стоит заметить, что РС, имеющие далеко не одинаковые по качеству, продуктивности и стабильности социально-политические институты, осуществлявшие разные по масштабам и эффективности экономические реформы, сильно дифференцированы по общей доле СВ в ФК и ЧЛК. В целом по АС, АЮС и ЛА, в течение долгого времени проводивших экспортоориентированную политику с акцентом на сырьевые товары⁶, рост их экспортных доходов, как правило, характеризовался повышенной нестабильностью. В результате в них доля СВ в 2016-2020 гг. по сравнению с 1950-1980 гг. выросла меньше⁷, чем в других регионах РС и не превысила 30-31% их ВВП. Иная картина в ЮАЗ и РС ВАЗ.

По каждому из этих двух крупнейших регионов РС⁸ показатель увеличился ~ на 4/5. Примечательно то, что такие государства, как КНР, Индия, азиатские НИС, во многом благодаря проведению в целом грамотной политики экспортоориентированного импортозамещения с постепенным увеличением сложности экспортируемых товаров и услуг, добились немалого. Мобилизуя главным образом свои собственные финансовые ресурсы, они сумели, сильно не наращивая размеры внешней задолженности⁹, повысить долю СВ до высокой отметки. Страны ЮАЗ, в которых ПВВП почти в 2,5 раза меньше, чем в АС и ЛА, во второй половине 2010-х гг. почти 2/5 своего ВВП расходовали на цели развития, что на 1/5 выше, чем у последних. РС ВАЗ (с Китаем во главе), обогнав практически всех, нарастили к началу 2020-х гг. долю СВ до уровня (53% ВВП), который на 2/5 выше, чем в ЮАЗ и почти на 1/4 выше, чем в среднем по миру.

Не пытаюсь объять необъятное, поскольку тема накопления многоаспектна, сфокусируем внимание только еще на одной важной пропорции. Чтобы добиться увеличения эффективности своих экономик, повысить уровень благосостояния, качество образования и здоровья населения, без чего догнать РГ затруднительно, РС предстоит не только наращивать долю вложений в физический капитал в ВВП, что ряду из них, в т.ч. в ВАЗ и ЮАЗ, в целом, удастся, но и заметно поднять долю в ВВП расходов на формирование ЧЛК.

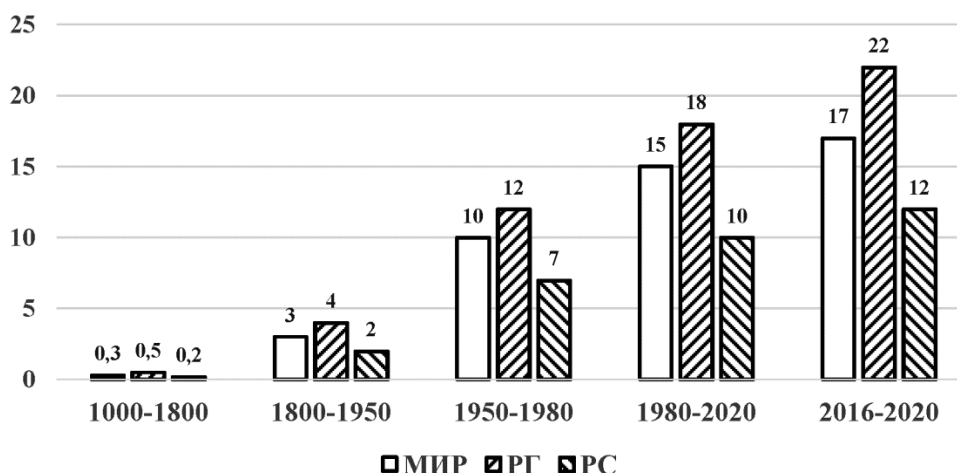

Диаграмма 3. Динамика доли вложений в человеческий капитал (ЧЛК) в ВВП в целом по миру, в ныне РГ и РС в 1000-2020 гг., %.

Diagram 3. Dynamics of the share of investments in human capital (HK) in GDP in the whole world, now advanced economies (AEs) and developing countries (DCs) in 1000-2020, %.

Примечание. Вложения в ЧЛК - совокупные расходы на образование, здравоохранение и науку.

Этот, быть может, ключевой параметр капиталонакопления в целом по миру сильно вырос со становлением СЭР ~ с 2-4% ВВП в 1800-1950 гг. до 9-11% в 1950-1980 гг. и 16-18% в 2016-2020 гг., в т.ч. по ныне РГ

⁶ Если по ЮАЗ доля готовых изделий в их товарном экспорте в 2000-2020 гг. достигала, в среднем, 3/4, а в РС ВАЗ превышала 4/5, то в ЛА она, в среднем, была ниже 1/2, в АЮС составляла ~ 1/4, а в целом по АС - немногим более 1/10. Рассчитано по источникам к *диагр. 1*.

⁷ В ЛА она увеличилась ~ на 1/10; в АС, несмотря на солидные доходы от экспорта углеводородов (в 2001-2019 гг. 9-11% их ВВП, что в 3,5 раза больше, чем в среднем по РС), - всего на 1/5. В АЮС показатель, в итоге, вырос (с низкого уровня) несколько больше ~ на 2/5, но практически не изменился за последние 20 лет.

⁸ На них на начало 2022 г. приходилось свыше 3/5 численности населения и ВВП (в ППС) РС.

⁹ Если в целом по странам Ближнего Востока и Северной Африки, АЮС и ЛА их внешний долг, отнесенный к валовому национальному доходу (ВНД) в 2010-2020 гг. вырос значительно (соответственно, с 17 до 37%, с 24 до 44% и с 23 до 49%), то по ЮАЗ и РС ВАЗ - не намного (с 20 до 24% и с 16 до 19%). По двум последним регионам показатель оказался существенно меньше, чем в среднем по РС (в 2020 г. 29%). См.: The World Bank. International Debt Statistics, 2022. Washington, D.C., 2021. Рр. 33-39.

весьма круто - соответственно? с 3-5% до 11-13 и 21-23%, превысив, в среднем, 1/5 их ВВП. Многократно увеличился показатель и по РС: с минимальных значений в 1-3% ВВП в период их колониальной зависимости до 6-8% в первые три послевоенные десятилетия и почти вдвое большей величины в 11-13% (в РС ВАЗ и ЛА 12-14%, в ЮАЗ, АС и АЮС 10-11%) ВВП в 2016-2020 гг. (см. *диагр. 3 и 4*).

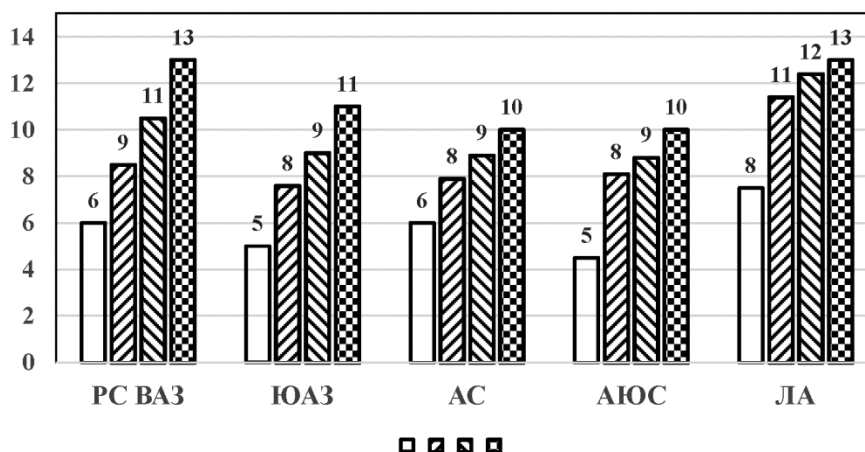

Диаграмма 4. Динамика доли вложений в человеческий капитал (ЧЛК) в ВВП в основных регионах РС в 1950-2020 гг., %.

Diagram 4. Dynamics of the share of investments in human capital (HK) in GDP in the main regions of the DCs in 1950-2020, %.

Однако трудно не заметить, что в целом отставание в значениях рассматриваемого параметра РС от РГ выросло вдвое ~ с 5 проц. пунктов в 1950-1980 гг. до 10 п.п. в 2016-2020 гг. При этом, что характерно, доля расходов на ЧЛК от СВ в целом по миру, увеличившись ~ с 1/4 в 1800-1950 гг., достигла в 2016-2020 гг. почти 2/5. По РГ она в 1950-1980 гг. уже составила 1/3 и превысила 1/2 в 2016-2020 гг. Подобной эволюции не произошло в целом по группе РС. В них эта доля, составлявшая немногим более 1/5 в 1800-1950 гг., в последние 70 лет практически «застыла» на уровне, едва ли сильно превышавшем 1/4.

Проведенный на региональном уровне анализ показал, что выявленная выше общая закономерность по РС во многом определялась значениями доли вложений в ЧЛК в СВ по РС ВАЗ и ЮАЗ (в 2016-2020 гг. 25-29%), которые демонстрировали феноменальный рост доли вложений в ЧЛК в ВВП (что само по себе важно для роста экономики) - соответственно, с 23-25% и 15-17% в 1950-1980 гг. до 39-41 и 26-28% в 2016-2020 гг. Более высокие доли вложений в ЧЛК в СВ в 2016-2020 гг. в АС и АЮС (по 30-32%) и ЛА (41-43%) объяснялись главным образом низкой динамикой в них вложений в ЧЛК в ВВП. В АЮС этот показатель вырос, но ненамного - с 16-18% в 1950-1980 гг. до 21-23% ВВП в 2016-2020 гг. В АС он практически стагнировал на уровне 21-22% ВВП, а по ЛА - сократился (!) - с 19-21% в 1950-1980 гг. до 17-19% в 2016-2020 гг. (рассчитано по данным *диагр. 2 и 4*).

ВЛИЯНИЕ НАКОПЛЕНИЯ НА РОСТ ПОДУШЕВОГО ВВП И ДИНАМИКУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

Рассматривая, прежде всего, сверхкрупные (доиндустриальный, индустриальный и во многом уже постиндустриальный) периоды развития мировой экономики, можно обнаружить, что повышение (а) доли капиталовложений (КВ) в ЧЛК в ВВП, (б) доли КВ в ЧЛК в ВВП, а также (в) доли совокупных вложений (СВ) в ЧЛК и ЧЛК в ВВП в целом по миру, по ныне РГ и РС весьма тесно связаны (коэффициенты корреляции (r) равны 0,96-0,98, коэффициент значимости (p) < 0,001) с динамикой их ПВВП (см. *табл. 1*).

Таблица 1. Взаимосвязь динамики доли совокупных вложений (СВ) в физический и человеческий капитал (ФК и ЧЛК) в ВВП и динамики подушевого ВВП, %

Table 1. Correlation between the dynamics of the share of total investments (TIS) in physical and human capital (PK and HK) in GDP and dynamics of per capita GDP (PCGDP), %

Страны	Параметры	1000-1800	1800-1950	1950-2020
МИР	СВ ФКЧЛК	4	13	37
	КВ ФК	3,7	10	24
	КВ ЧЛК	0,3	3	13
	СГТП ПВВП	0,04	0,9	2,4

Страны	Параметры	1000-1800	1800-1950	1950-2020
РГ	СВ ФКЧЛК	6	17	39
	КВ ФК	0,5	4	15
	КВ ЧЛК	5,5	13	25
	СГТП ПВВП	0,1	1,1	2,3
РС	СВ ФКЧЛК	3	9	31
	КВ ФК	2,8	7	22
	КВ ЧЛК	0,2	2	9
	СГТП ПВВП	0,02	0,3	2,6

Примечания. 1. СВ ФКЧЛК - совокупные вложения в физический и человеческий капитал в ВВП; КВ ФК - капиталовложения в физический (основной) капитал в ВВП; КВ ЧЛК - капиталовложения в человеческий капитал в ВВП. СГТП - среднегодовой темп прироста. ПВВП - подушевой ВВП. 2. Все данные округлены.

Составлено и рассчитано автором по данным *диагр.* 1, 3, а также: [24, с. 206].

Однако, как говорится, есть нюансы. Если дезагрегировать сводные данные, учитывая в т.ч. (а) более короткие периоды и (б) региональные/страновые показатели, не исключено, что на выявленную взаимосвязь могут немалое влияние оказать многие экономические, социально-политические и иные факторы, в результате чего она *не обязательно* будет столь сильной и значимой, как та, что была установлена выше.

Так, несмотря на повышение доли СВ и доли КВ в ЧЛК в ВВП в целом по миру, в РГ и РС, а также доли КВ в ФК в ВВП в РС в последние три-четыре десятилетия по сравнению с первыми тремя послевоенными десятилетиями (см. *диагр.* 1, 3), в 1980-2020 гг. в глобальной экономике, в которой после 3-й ПР стала набирать обороты 4-я ПР, в целом обнаружилось существенное - и до известной степени - парадоксальное торможение роста ПВВП (и ВВП¹⁰) и совокупной факторной производительности (СФП, см. *диагр.* 5).

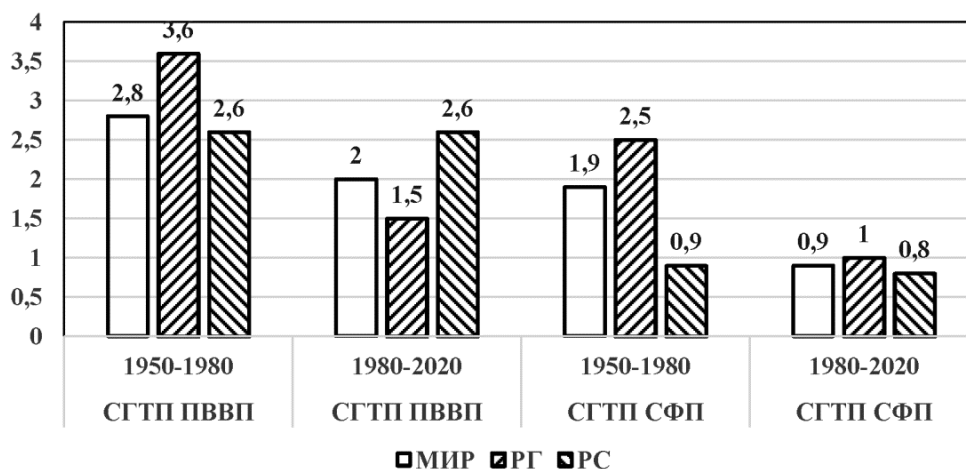

Диаграмма 5. Торможение роста подушевого ВВП (ПВВП) и совокупной факторной производительности (СФП) в целом по миру, в РГ и РС в 1980-2020 гг. по сравнению с 1950-1980 гг., %.

Diagram 5. Slowdown in per capita GDP (PCGDP) and total factor productivity (TFP) growth for the world as a whole, AEs and DCs in 1980-2020 compared to 1950-1980, %.

Примечание. 1. СГТП - среднегодовой темп прироста. 2. СГТП СФП получен вычитанием из СГТП ВВП взвешенных по доле в ВВП значений СГТП затрат труда и физического капитала.

Составлено автором по: [24, с. 206].

Отмеченный феномен, при все его важности, еще недостаточно хорошо исследован¹¹. Если приведенные данные дезагрегировать - прежде всего, по РС - до уровня макрорегионов (см. данные и обозначения в *табл.* 2), можно обнаружить три важных момента.

Первый. По меньшей мере в рамках периода 1950-1980 гг. связь между долей совокупного капиталонакопления в ВВП и ростом СФП (как обычного - СФП1, так и скорректированного на вклад ЧЛК - СФП2) оказалась слабой и незначимой (см. регрессионные уравнения (1) и (2)).

¹⁰ В РС среднегодовой темп прироста ВВП сократился с 4,8% в 1950-1980 гг. до 4,2% в 1980-2020 гг.

¹¹ См.: Мельянцев В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально- экономического развития в странах Западной и Восточной Азии в начале XXI в. *Восток (Oriens)*. 2017. № 3. С. 162-180.

Таблица 2. Динамика доли совокупных вложений (СВ) в физический и человеческий капитал (ФК и ЧЛК) в ВВП и совокупной факторной производительности (СФП) в целом по миру, РГ и основным регионам РС в 1950-1980 и 1980-2021 гг. %

Table 2. Dynamics of the share of total investments (TIS) in physical and human capital (PK and HK) in GDP and total factor productivity (TFP) for the whole world, AEs and the main regions of the DCs in 1950-1980 and 1980-2021, %

	1950-1980			1980-2021			Прирост во втор. периоде по ср. с первым		
	Доля СВ, мРКНК	СГТП СФП1, TFPGR1	СГТП СФП2, TFPGR2	Доля СВ, мРКНК	СГТП СФП1, TFPGR1	СГТП СФП2, TFPGR2	Доля СВ, мРКНК	СГТП СФП1, TFPGR1	СГТП СФП2, TFPGR2
КНР	32	0,1	-1,6	47	1,9	1,2	15	1,8	2,8
Индия	21	0,7	-0,8	36	2,2	1,4	15	1,5	2,2
АС	27	2,1	0,7	29	0,1	-0,8	2	-2	-1,5
АЮС	22	1,2	-0,2	31	0,3	-0,5	9	-0,9	-0,3
ЛА	28	1	-0,2	31	0,3	-0,3	3	-0,7	-0,1
РС	27	0,9	-0,2	35	0,8	0,2	8	-0,1	0,4
РГ	37	2,5	2,1	41	1,1	0,8	4	-1,4	-1,3
Мир	34	1,9	1,1	39	1	0,5	5	-0,9	-0,6

Примечания. 1. СВ (модельное обозначение **мРКНК**) - совокупные вложения в физический и человеческий капитал (соотв. ФК и ЧЛК) в ВВП. 2. СГТП СФП1 (**TFPGR1**) - рассчитан так же, как и в *диагр.* 5. 3. СГТП СФП2 (**TFPGR2**) - это СГТП СФП1, уменьшенный на вклад ЧЛК (получен перемножением среднего невзвешенного из двух индикаторов (а) СГТП среднего редуцированного числа лет обучения взрослого населения и (б) СГТП средней продолжительности предстоящей жизни от рождения¹² на долю труда в ВВП).

Рассчитано и составлено автором по материалам и источникам к *диагр.* 1: [23, с. 182-183, 204, 206, 208-209], а также: The Conference-Board. Total Economy Database. New York, 2021. <http://www.conference-board.org/data/economydatabase> (accessed 21.12.2021)

$$\text{TFPGR1}_{it1} = -0,53 + 0,06 \cdot \text{мРКНК}_{it1}, (1)$$

(p=0,74) (p=0,27)

F-significance = 0,27; Adj.R² = 0,07; i - конкретный регион/страна; t1 = 1950-1980

$$\text{TFPGR2}_{it1} = -3,1 + 0,11 \cdot \text{мРКНК}_{it1}, (2)$$

(p=0,17) (p=0,15)

F-significance = 0,16; Adj.R² = 0,19; i - конкретный регион/страна; t1 = 1950-1980

Второй. За период 1980-2021 гг. параметры рассматриваемой связи стали (см. регрессионные уравнения (3) и (4)) в целом значимы и относительно существенны. То есть в тех регионах/крупных РС (КНР, Индия), где выше доля СВ, как правило, выше рост совокупной производительности, в т.ч. скорректированной на вклад человеческого капитала.

$$\text{FPGR1}_{it2} = -2,4 + 0,09 \cdot \text{мРКНК}_{it2}, (3)$$

(p=0,10) (p=0,04)

F-significance = 0,04; Adj.R² = 0,47; i - конкретный регион/страна; t2 = 1980-2021

$$\text{TFPGR2}_{it2} = -3,6 + 0,11 \cdot \text{мРКНК}_{it2}, (4)$$

(p=0,02) (p=0,01)

F-significance = 0,01; Adj.R² = 0,61; i - конкретный регион/страна; t2 = 1980-2021

Третий. Если по крупным странам/регионам учесть *изменение* их рассматриваемых показателей, то позитивное влияние увеличения нормы совокупных капиталовложений на прирост совокупной производи-

¹² По данным ВБ, ПРООН и нашим подсчетам, средняя продолжительность предстоящей жизни от рождения, в целом, по миру выросла с 44 лет в 1950 г. до 64 в 1980 г., 68 в 2000 г. и 73 лет в 2019 г. (последний допандемийный год), в т.ч. в целом по РГ - с 66 лет до 74, 78 и 81 года, а в РС - соответственно, с 37 лет до 61, 65 и 71 года. В целом по миру, число редуцированных лет обучения взрослого населения увеличилось с 4 в 1950 г. до 6 в 1980 г., 7,6 в 2000 г. и 10 лет в 2019 г., в т.ч. в РГ - соответственно, с 10 до 13, 15,8 и 18 лет, а в целом по РС - с 2 до 4,7; 6,5 и 8,5 лет.

Составлено по данным и источникам к *диагр.* 1, а также: [23, с.206; 24, с. 209].

тельности становится весьма весомым. Свыше 4/5 величины ускорения роста СФП может быть, при прочих равных условиях, значимо объясняется повышением СВ в ФК и ЧЛК в ВВП (см. уравнения 5 и 6).

$$\Delta TFPGR1_i = -2,2 + 0,24 \cdot \Delta mPKHK_i \quad (5)$$

($p < 0,001$) ($p < 0,001$)

F-significance $< 0,001$; Adj.R² = 0,84; i - конкретный регион/страна.

$$\Delta TFPGR2_i = -1,9 + 0,28 \cdot \Delta mPKHK_i \quad (6)$$

($p = 0,003$) ($p < 0,001$)

F-significance $< 0,001$; Adj.R² = 0,84; i - конкретный регион/страна.

Значительное торможение роста совокупной производительности (в двух инвариантах) в целом по миру, в РГ и трех крупных регионах РС (АС, АЮС и ЛА) - в среднем, на 0,5-1,5 проц. пункта в существенной мере вызвано тем, что в них, в среднем, доля совокупных капиталовложений выросла в 1980-2021 гг. по сравнению с первыми послевоенными десятилетиями всего (!) на 4-5 п.п. И это в тот период, когда активизировался процесс смены технологических укладов в мире, что сопровождалось, помимо прочего, возросшими масштабами обесценения¹³ как ФК, так и ЧЛК (!).

Дифференциация стран и регионов мира по динамике производительности, разумеется, следствие не только повышения доли совокупного капиталонакопления, но и других причин, в т.ч. изменения в эффективности / качестве госуправления, проводимой экономической политики, социально-политических институтов (анализ этих факторов - ниже).

Вместе с тем, подчеркнем, что два азиатских гиганта - Китай и Индия, - примерно 40 лет назад приступившие с весьма низких стартовых позиций¹⁴ к важнейшей фазе своего СЭР, сумели во многом благодаря тому, что повысили долю совокупных капиталовложений в ФК и ЧЛК (~ на 15 п.п.)¹⁵ в 4 раза больше, чем в целом все другие страны (на 4 п.п.), росли в 1980-2021 гг. с втрое более высоким СГТП СФП (1,9-2,1%), чем в целом все остальные страны мира (0,6-0,8%). В результате вклад Китая и Индии в прирост мирового ВВП увеличился с менее 1/5 в 1980-2000 гг. до более 2/5 в 2000-2021 гг.

ДВУХ- И ТРЕХФАКТОРНЫЕ МОДЕЛИ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ И ПОДУШЕВОГО ВВП

Построенная нами по 9 наиболее крупным развитым государствам (КРГ) и 11 крупным развивающимся странам (КРС)¹⁶ регрессионная модель (№ 7, см. ниже) позволила выявить, что в 2000-2010-е гг. в 7-8 раз более высокий средний *невзвешенный* показатель темпа прироста производительности труда (ПТ) в КРС (3,1%) по сравнению с КРГ (0,4%) определялся, соответственно, на 2/5 и 1/4 более высокими у первых (КРС) показателями *прироста* доли совокупных капиталовложений¹⁷ и *прироста* эффективности госуправления и индикатора верховенства закона¹⁸.

$$GR_Y/E_i = 1,11 + 0,16 \cdot \Delta mPKHK_i + 0,09 \cdot \Delta GERL_i \quad (7)$$

($p = 0,07$) ($p = 0,1$) ($p = 0,1$)

F-significance $< 0,001$; R = 0,79; Adj.R² = 0,57.

GR_Y/E_i , $\Delta mPKHK_i$, $\Delta GERL_i$ обозначают соответственно за 2000-2020 гг. для i - страны среднегодовой темп прироста производительности труда, изменения доли совокупных вложений в физический и человеческий капитал в ВВП, а также среднего невзвешенного показателя индексов эффективности правительства и верховенства закона.

Рассчитано по источникам к *диагр.* 1, а также: The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (accessed 18.01.2022)

¹³ К этому вопросу вернемся в заключении.

¹⁴ В 1980 г. ПБВВП (в ППС) Индии и Китая был примерно в 20 раз меньше, чем в среднем по РГ. К началу 2022 г. отставание от РГ уменьшилось более чем в 2,5 раза по Индии и в 6-7 раз по Китаю - соответственно, до 7-8-ми и трехкратного. Рассчитано по источникам к *диагр.* 1.

¹⁵ В 1981-2021 гг. по сравнению с 1950-1980 гг.

¹⁶ КНР, США, Индия, Япония, Германия, Россия, Индонезия, Бразилия, Франция, Великобритания, Турция, Италия, Мексика, Республика Корея, Канада, Испания, Австралия, Египет, Таиланд, Вьетнам. На них приходится свыше 90% мирового ВВП.

¹⁷ В 2000-2010-е гг. средняя доля СВ в ФК и ЧЛК в ВВП выросла по КРС на 7,7, а по КРГ - на 1,6 п.п. Среднее невзвешенное индексов эффективности госуправления и верховенства закона по КРС увеличилось за период на 3,5, а по КРГ - сократилось (!) на 4,6 п.п.

¹⁸ При этом 1/3 общей разницы в СГТП производительности труда между КРС и КРГ на данном этапе исследования осталась неидентифицированной. Рассчитано по источникам к *диагр.* 1, также: The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (accessed 18.01.2022)

Характерно, что успех Китая, ставшего 8 лет назад крупнейшей экономикой мира¹⁹, который в последние десятилетия, в отличие от многих десятков других РС, а также несмотря на ряд финансовых, экологических и социальных проблем, относительно устойчиво и существенно подтягивался к РГ по уровню СФП (см. *диагр. 6*), обусловлен не только значительным наращиванием доли совокупных вложений, прежде всего, в физический, а также человеческий капитал в ВВП, но и улучшением показателей верховенства закона и эффективности госуправления - в 2000-2020 гг., соответственно, с 2/5 до 3/5 и с 3/5 до более 4/5 (!) от уровня РГ (см. *диагр. 7*).

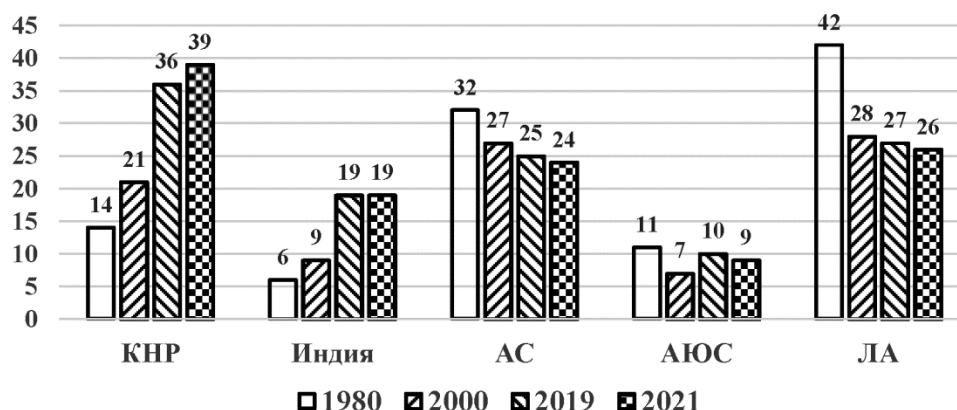

Диаграмма 6. Динамика уровня совокупной факторной производительности (СФП) в КНР, Индии и ряде крупных регионов РС к уровню РГ, 1980-2021 гг., %.

Diagram 6. Dynamics of the level of total factor productivity (TFP) in China, India and a number of large regions of the DCs to the level of AEs, 1980 - 2021, %.

Примечания. 1. $TFP_i / TFP_j = (Y_i / (L_i^{0.65} * K_i^{0.35})) / (Y_j / (L_j^{0.65} * K_j^{0.35}))$. 2. TFP_i и TFP_j , Y_i и Y_j , L_i и L_j , K_i и K_j - соответственно, уровни СФП, ВВП, занятости и объема основного капитала в соответствующей стране/регионе РС и РГ.

Рассчитано автором по источникам к *диагр. 1*, табл. 1, 2.

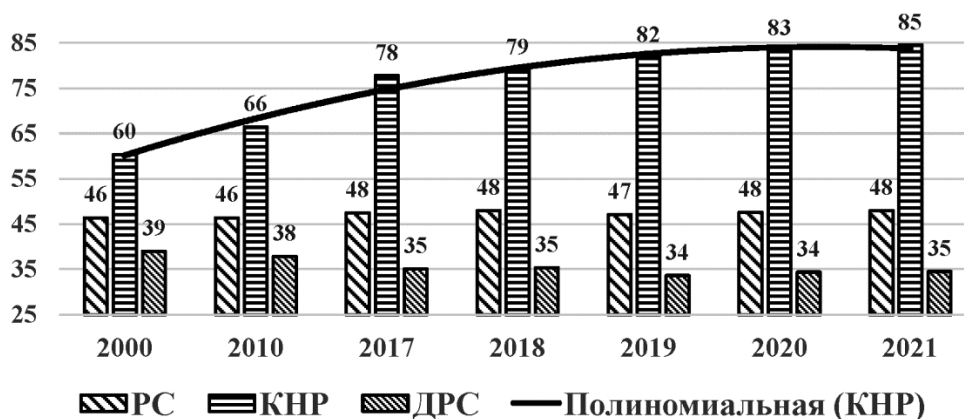

Диаграмма 7. Динамика эффективности госуправления в РС, КНР и других РС (ДРС), в % от уровня РГ, 2000-2021 гг.

Diagram 7. Dynamics of government effectiveness in DCs, the PRC and other DCs (ODCs), in % of the AEs' level, 2000-2021

Рассчитано автором по: The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (accessed 18.01.2022); The World Bank. Global Economic Prospects. Washington, D.C., 2022, January. Pp. 4-41.

Отмечая успехи роста ряда стран Востока и Юга, стоит, однако, помнить, в т.ч. о т.н. «ловушке средних доходов»²⁰, не забывать, что по уровню развития они еще весьма значительно отстают от экономически

¹⁹ В 2021 г. ВВП (в ППС 2017 г.) КНР был примерно на 1/5 больше, чем США (24,9 vs 20,9 трлн). Рассчитано по источникам к *диагр. 1*, а также: The World Bank. Global Economic Prospects. Washington, D.C., 2022, January. P. 4.

²⁰ Ситуация, когда исчерпывается ряд преимуществ отсталости (низкая стоимость рабочей силы, возможность ее передислокации из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью труда, низкие издержки на поддержание социально-экологической безопасности и др.), но при этом вооруженность труда физическим и человеческим капиталом, качество и эффективность госуправления и социально-политических институтов еще недостаточны для перехода на преимущественно интенсивные факторы роста ПВВП.

продвинутых стран. Характерно при этом, что в 2019 г. почти 4-кратное превосходство РГ над РС²¹ по подушевому ВВП²² (в ППС), судя по нами рассчитанной регрессионной модели (№ 8), определялось более чем на 1/3, на 2/5 и ~ на 1/5, соответственно, более высокими значениями у первых показателей технологической развитости, образованности населения и верховенства закона (см. *граф. 1*).

$$PCGNP_i = -12,9 + 0,22 \cdot T_i + 1,46 \cdot E_i + 0,13 \cdot L_i \quad (8)$$

$$(p < 0,001) \quad (p < 0,001) \quad (p < 0,001) \quad (p = 0,05)$$

$$F\text{-significance} < 0,001; \text{Adj.}R^2 = 0,89.$$

$PCGNP_i$; T_i ; E_i ; L_i - обозначают, соответственно, для i -й страны подушевой ВВП за 2019 г. в ППС 2017 г.; уровень технологического развития (взяты как среднее невзвешенное индикаторов охвата населения интернетом и подушевого объема добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности (в ППС), отнесенных к уровню США); среднего числа лет обучения взрослого населения; индекс верховенства закона.

Рассчитано по источникам к *диагр.1*, а также: The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (accessed 18.01.2022)

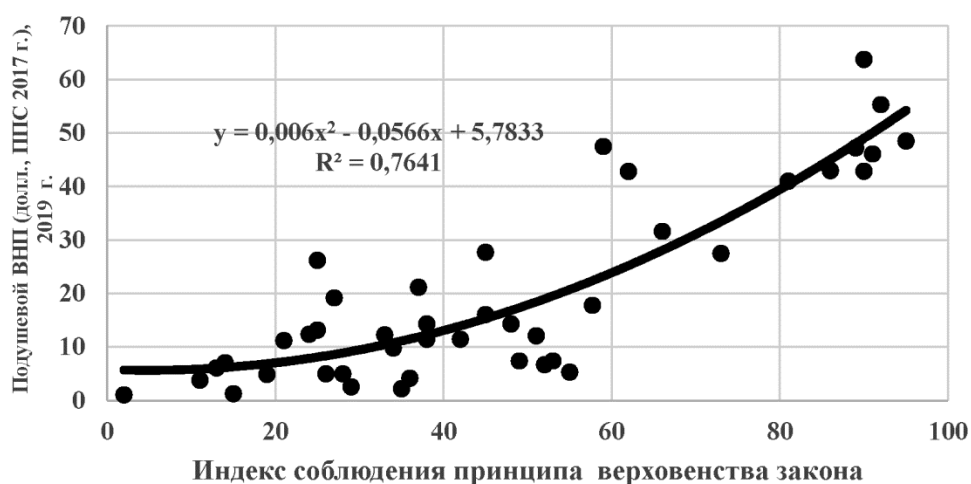

График 1. Взаимосвязь индекса соблюдения принципа верховенства закона и подушевого ВВП, 2019 г. (по материалам 43 крупным и средним РГ и РС).

Graph 1. Interrelationship of the rule of law index and per capita GNP, 2019 (on the basis of data for 43 large and medium AEs and DCs).

Рассчитано автором по: The UNDP. Human Development Report, 2020. N.Y., 2020. Pp. 343-344, а также: The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (accessed 18.01.2022)

Иными словами, если на начальных этапах продвижения по пути догоняющего развития экономически отсталым странам было весьма важно добиться преимущественного - *par excellence* - повышения доли валовых капиталовложений в ВВП, то в дальнейшем и, особенно, в условиях 3-й и 4-й ПР, все большую роль (наряду с сохранением первого условия) приобретают такие факторы, как повышение качества ЧЛК, эффективности управления и обеспечение роста т.н. социального капитала (повышение степени доверия в обществе, уменьшения транзакционных издержек). Последнее в немалой мере зависит от сокращения в РС нищеты и бедности, преодоления колоссального разрыва в доходах.

Достижение более равномерного распределения «плодов труда и капитала» - не только одна из главнейших задач т.н. инклюзивного развития, продвигаемого ООН. Ее стали поддерживать многие эксперты МВФ и Всемирного банка²³. Решение этой непростой задачи, усложнившейся в период пандемии *COVID-19*, может позволить повысить эффективный, платежеспособный спрос и качество ЧЛК²⁴, снижает уровень социально-политической напряженности, улучшая тем самым инвестиционный климат и создавая позитивную атмосферу в обществе.

²¹ Расчет произведен по 43 крупным и средним развитым и развивающимся странам.

²² ВВП = ВВП плюс сальдо трансфертов с границей по доходам от капитала и труда.

²³ См.: Мельянцев В.А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. М., 2015. С. 33-36.

²⁴ У малообеспеченных будет возможность получать более качественное образование.

Хотя в РС в 1980-2021 гг. *доля критически бедных* (дневн. подушевое потребление до \$1,9 в ППС 2011 г.) сократилась, в целом, в 5 раз - до 1/10, доля других бедных (соответственно, от \$2 до \$10) выросла на 3/5 до 70%, а их число увеличилось более чем вдвое - до 4,6 млрд человек²⁵. При этом разрыв в доходах и, особенно, в богатстве в целом во многих РГ и РС - высокий и растет²⁶.

В среднем по РГ коэффициент Джини (КД) по распределению располагаемых доходов²⁷ повысился с начала 1980-х гг. по середину/конец 2010-х гг., как минимум, на 1/10 до ~ 0,35²⁸. Неравенство в распределении доходов в 1990-2010-е гг. выросло в большинстве РС, на которые приходится свыше 3/4 численности их населения²⁹. Доля в национальном доходе высшего 1% населения в целом по Индии, России и Китае увеличилась с 8-10% в 1990 г. до 14-21% в 2016 г.³⁰ КД по распределению располагаемых доходов оказался в 2014-2019 гг. в среднем по странам БРИКС (0,46) на 1/3 выше, чем в среднем по ведущим РГ³¹.

В среднем по странам БРИКС доля национального богатства, приходящаяся на топовый 1% населения, выросла в 2000-2020-е гг. ~ на ¼ до 35% и оказалась на 1/10 больше, чем в среднем по ведущим РГ³². При этом, справедливости ради, подчеркнем, что в 2020 г. доля богатства, приходящаяся на топовый (высший) 1% общества, превысила долю 50% малоимущих слоев населения в целом по РГ, в среднем, в 23 раза (32,4% : 1,4%), а в среднем по РС, возможно, «всего» в 8 раз (35,3% : 4,3%; см. *диагр.* 8). Но все равно это очень много.

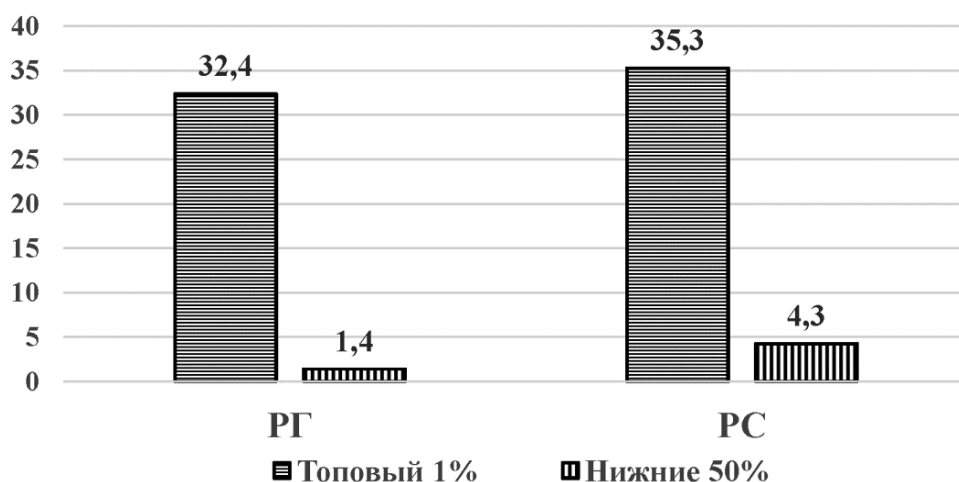

Диаграмма 8. Доля богатства, приходящаяся на топовый 1% и нижние 50% населения в РГ и РС, 2020 г., %.

Diagram 8. Share of the wealth attributable to the top 1% and bottom 50% of the population in the AEs and DCs, 2020, %.

Составлено и рассчитано автором по: Credit Suisse. Global Wealth Databook. Geneva, 2021. P. 135.

В условиях пандемии *COVID-19* и вследствие неадекватных по масштабам принятых мер (фискальная помощь в беднейших РС не превысила 2% их ВВП, в среднедоходных РС составила 6%, в РГ - 24% ВВП), число критически бедных в РС увеличилось на 100-120 млн. человек. В целом, за время последней пандемии неравенство в мире выросло, но о масштабах ведутся оживленные дискуссии³³. По оценкам *Oxfam*, за неполных 2 года пандемии состояние 10 богатейших людей мира удвоилось, а уровень жизни у подавляющей части человечества - снизился³⁴.

²⁵ Рассчитано по источникам к *диагр.* 1.

²⁶ Согласно одному из последних докладов о мировом неравенстве, средний доход 10% самых богатых людей мира превышал доход 50% беднейшего населения мира в 1820 г. в 18 раз. Этот показатель вырос до 41 раза в 1910 г. и 53 раза - в 1980 г., сократившись впоследствии, главным образом в результате успехов догоняющего развития КНР и ряда других РС Азии и, соответственно, уменьшения *межстранового* неравенства доходов, до 38 в 2020 г. (см.: [21, с. 13]).

²⁷ После удержания налогов и предоставления субсидий.

²⁸ См.: McKinsey Global Institute. Inequality: A Persisting Challenge and Its Implications. San Francisco, 2019. P. 5; The UNDP. Human Development Report, 2019. New York, 2019. P. 125.

²⁹ См.: UN. World Social Report, 2020. Inequality in a Rapidly Changing World. New York, 2020. P. 27.

³⁰ См.: The UNDP. Human Development Report, 2019. New York, 2019. P. 120.

³¹ Рассчитано по источникам к *диагр.* 1.

³² Составлено и рассчитано по: Credit Suisse. Global Wealth Data Book, 2010. P. 119; 2019. Zurich, 2019. P. 168.

³³ См.: The World Bank. Global Economic Prospects. Washington, D.C., 2022, January. Pp. 157-188.

³⁴ См. подр.: UN. World Economic Situation and Prospects, 2021. New York, 2021. Pp. 14-15; OXFAM. Inequality Kills. Summary. Oxford, 2022. Pp. 6-9.

Между тем, как показывают расчеты по имеющимся данным ВБ за 2000-2020 гг., связь между неравенством в распределении доходов и ростом производительности в группе из 23 крупных и средних РС (по которым были сопоставимые данные) оказалась отрицательной, существенной и значимой (см. *граф. 2*; $r = (-) 0,61$, $p = 0,01$).

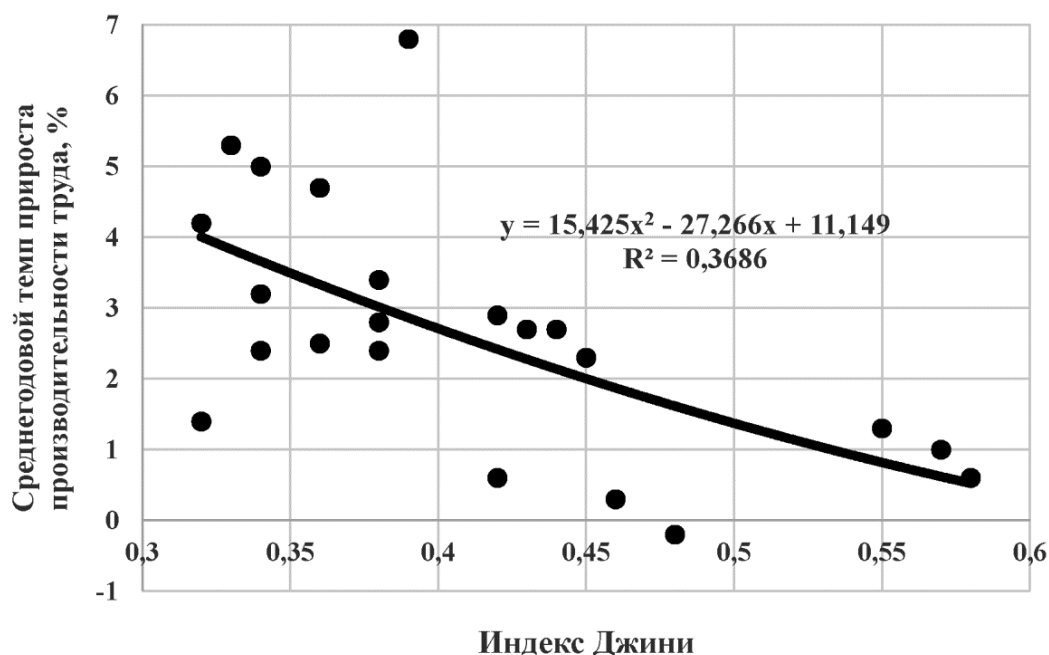

График 2. Взаимосвязь уровня неравенства распределения доходов (индекс Джини) и среднегодового темпа прироста (СГТП) производительности труда (ПТ) в развивающихся странах (РС), 2000-2020 гг.

Graph 2. Correlation between the level of inequality of income distribution (Gini index) and the average annual growth rate (AAGR) of labor productivity in developing countries (DCs), 2000-2020.

Примечания. 1. Индекс Джини (по распределению доходов) - в среднем за период после вычета налогов и предоставления субсидий. Изменяется от 0 (всем поровну) до 1 (все достается одному). 2. Рассчитано по 23 крупным и средним РС, по которым за период были сопоставимые данные (КНР, Индонезия, Филиппины, Таиланд, Респ. Корея, Вьетнам, Индия, Пакистан, Бангладеш, Иран, Турция, Египет, РФ, Польша, Нигерия, Эфиопия, ДРК, Южная Африка, Аргентина, Бразилия, Мексика, Колумбия, Перу).

Рассчитано по источникам к *диагр. 1*.

Согласно нашим расчетам (регрессионная модель № 9), примерно в 5 раз более высокий СГТП ПТ в группе из 5 быстрорастущих РС (КНР, Индия, Вьетнам, Бангладеш, Эфиопия) по сравнению с более медленно растущими крупными и средними РС (Южная Африка, Иран, Бразилия, Мексика, Аргентина; 5,2% vs 1,1%) определялся примерно на 2/5 и 1/3 более низкими значениями у первых, соответственно, исходного уровня ПТ и неравенства в распределении доходов. То есть, даже с поправкой на действие эффекта А.Гершенкрона - т.н. преимущества отсталости³⁵ - в данном случае более низкого исходного уровня производительности, рост последней выше, если в стране умеренный и не быстро растущий уровень неравенства распределения доходов.

$$GR_Y/E_i = -7,63 - 0,05*Y/E_{0i} - 9,07*GINI_i \quad (9)$$

($p < 0,001$) ($p < 0,01$) ($p = 0,02$)

F-significance < 0,001; $R = 0,77$; Adj. $R^2 = 0,54$.

Примечания. GR_Y/E_i - среднегодовой темп прироста ПТ в i -й стране в 2000-2020 гг.; Y/E_{0i} - уровень ПТ в i -й стране в 2000 г.; $GINI_i$ - Индекс Джини распределения доходов - в среднем за период после вычета налогов и предоставления субсидий.

Рассчитано по источникам к *диагр. 1*.

³⁵ Чем более отсталая страна, тем более вероятно, что, если у нее низкие *общие* (а не только трудовые) издержки производства и не самый плохой инвестиционный климат, она будет расти быстрее экономически более продвинутых стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как подчеркивал лауреат Нобелевской премии по экономике П.Кругман, «производительность - не всё, но в долгосрочном перспективе - почти всё»³⁶. Развитые государства, примерно два с лишним века назад инициировав процесс современного (интенсивного) экономического роста, финансируемый в немалой мере за счет эксплуатации своего населения, а также колониальной и полуколониальной периферии, сумели не только выбраться из т.н. мальтузианской ловушки, но и, пройдя через серию кризисов и кровопролитных войн, добиться немалого прогресса. НТП, поощрение изобретательства и предпринимательства, накопление физического и, особенно, человеческого капитала, совершенствование систем управления и углубление МРТ привели к тому, что в них, по нашим подсчетам, совокупная факторная производительность и индекс человеческого развития с начала ПР по настоящее время выросли в 9-10 раз (рассчитано по: [24, с. 206, 209]). То есть, предположительно больше, чем удалось сделать за всю предыдущую историю человеческой цивилизации. Однако в механизме экономического роста РГ возникли серьезные сбои.

Несмотря на их переход на технологии 3-й и отчасти 4-й ПР и определенный рост доли инвестиций в ЧЛК в ВВП, в РГ эффективность капиталовложений и темпы роста производительности заметно снизились в последние десятилетия. Это вызвано, прежде всего, (а) последствиями чрезмерной финансиализации их экономик, (б) потерей ими т.н. демографического дивиденда, (в) сокращением разрыва в уровнях конкурентоспособности по ряду ее важнейших компонентов с ведущими, в основном азиатскими РС.

Хотя во многих РС экономический прогресс, мягко сказать, неустойчив и в целом невелик, в ряде других РС (БАЗ, отчасти ЮАЗ) ситуация иная. Опираясь на опыт и достижения РГ, используя свою все еще сравнительно дешевую, но уже все более и более квалифицированную рабочую силу, а также перегнав РГ по доле вложений в физический капитал в ВВП и повысив эффективность госуправления, они не только догнали, но и перегнали РГ по динамике производительности.

В 2000-2020 гг. среди РС, по которым были сопоставимые данные (134 из 184 стран), в 98 РС (~ ¾ от их числа) среднегодовые темпы прироста (СГТП) производительности труда (ПТ) были выше, а в 67 РС (в половине из них) - более чем вдвое выше, чем в среднем по РГ (0,8%³⁷). Среди рекордсменов по СГТП ПТ в последние два десятилетия можно выделить Российскую Федерацию, Турцию и Таиланд (2,8-2,9%), Индонезию, Нигерию и Шри Ланку (3,2-3,9%), Бангладеш и Вьетнам (4,2-4,7%), Индию и Эфиопию (5-5,5%), а также Китай (по инвариантным расчетам, 7,5-8,5%)³⁸.

Но впереди у богатых РГ и сравнительно бедных РС, как уже можно видеть сейчас, - большие вызовы. В т.ч. острые политические и геополитические испытания³⁹, а также, демографические⁴⁰, экологические, финансово-экономические⁴¹, социальные и технико-экономические проблемы. Роботизация, развитие ИКТ и искусственного интеллекта, будучи сами по себе во многом благом для человечества, сильно увеличивают (а) напряженность на рынках труда как в РГ, так и РС⁴², (б) обесценение накопленного физического и человеческого капитала.

В последние два-три десятилетия развитым и быстро модернизирующимся развивающимся странам приходится тратить не менее 2/3 совокупных инвестиций в физический и человеческий капитал на компенсацию деградации морально быстро устаревающих (как неживых, так и вполне живых) активов (см. [24, с. 211]). В результате чего сравнительно высокие в РГ и возросшие в РС доли в ВВП совокупных капиталовложений в ряде из них весьма часто недостаточны для поддержания как внутренней, так и внешней конкурентоспособности их экономик...

³⁶ Цит. по: P.Krugman. The Age of Diminished Expectations. Cambridge, MA, 1990.

³⁷ Средневзвешенный показатель по РГ (0,8%) вдвое больше невзвешенного показателя, приведенного выше. Дело в том, что США - второй крупнейшей экономике мира - СГТП производительности труда за рассматриваемый период (1,3%) существенно выше, чем во Франции, Германии, Великобритании и Японии (0,2-0,4%) и Италии (-0,7%).

³⁸ Рассчитано по: The World Bank. DataBank. <https://databank.worldbank.org> (accessed 30.01.2022)

³⁹ Связанные, в т.ч. с нарастанием конкурентной борьбы устаревающих мировых гегемонов и быстро и мощно поднимающихся развивающихся государств. См., напр.: [26].

⁴⁰ В ряде РС продолжается быстрый рост населения (в конце 2010-х гг. в АС ~ 1,9%, в АЮС 2,7% в год). В других РС он резко сократился (в Китае до менее 0,3%) и намечилось существенное старение населения. Хотя Китай по среднему (медианному) возрасту населения еще примерно на 10 лет отстает от Японии (48 лет), он уже в этом измерении вошел в группу РГ, догнав, например, США (38-39 лет). См.: List of Countries by Median Age. <https://statisticstimes.com/demographics/countries-by-median-age.php> (accessed 02.02.2022)

⁴¹ Речь идет, прежде всего, о долговой проблеме, финансовых спекуляциях и инфляции. См. подр.: [25, с. 209].

⁴² См., напр.: [27]; Мельянцева В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI в. *Восток (Oriens)*. 2017. № 3; Acemoglu D. Minding the Perils of Progress. *The Project-Syndicate*. 05.08.2020. <https://www.project-syndicate.org/commentary/economic-growth-in-a-time-of-catastrophic-risk-by-daron-acemoglu-2020-08> (accessed 05.08.2020)

Поистине, выходит так, что, наращивая капиталовложения и умножая другие полезные усилия, предприниматели, государственные деятели и простые работники в развитых и развивающихся странах, стремясь, возможно, достичь прогресса, обрести благосостояние и благополучие, запустили такой мощный процесс рыночной конкуренции и т.н. созидательного разрушения (Й.Шумпетер), который по своей жесткой беспощадности очень похож (если вдуматься) на образ, созданный А.Блоком - И.Бродским: «и вечный бой, покой нам только снится»!

В этом связи невольно солидаризируешься с М.Твеном (видевшим, что называется, капитализм в развитии), который как-то весьма уютно, по-человечески сказал: *'I am in favor of progress; it's change that I don't like'*.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Kuznets S. 1966. Modern Economic Growth. New Haven - London: Yale University Press. 529 p.
2. Мельянцева В.А. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. Т. 53. № 12. С 3-18;
Meliantsev V.A. 2009. Are Developed Countries Losing Ground to Developing Countries? *World Economy and International Relations*. Vol. 53. N 12. Pp. 3-18. (In Russ.)
3. Мельянцева В.А. КНР и США, кто кого: сравнение основных параметров экономического развития. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 8. С. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750005767-5.
Meliantsev V.A. China and the United States, Who Wins: A Comparison of the Main Parameters of Economic Development. *Asia and Africa today*. 2019. N 8. Pp. 5-14. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750005767-5.
4. Акаев А.А. От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции. Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. М.: ЛЕНАНД. 2015. 352 с.
Akaev A.A. 2015. From Era of Great Divergence to Era of Great Convergence. Mathematical Modeling and Forecasting of Long-Term Technological and Economic Development. Moscow. 352 p. (In Russ.)
5. Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? *Вопросы экономики*. 2018. № 11. С. 5-26.
Polterovitch V.M. Toward a General Theory of Socio-Economic Development. Part 1. Geography, Institutions or Culture? *Voprosy ekonomiki* (Problems of Economics), № 11. PP. 5-26.
6. Popov V. 2014. Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West. Oxford: Oxford University Press. 191 p.
7. Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития. Кн. 1 и 2. Отв. ред. И.В. Дерюгина. М.: ИВ РАН. 2020. 280 с.; 288 с.
Economic Growth in the East: Trends, Unevenness, Inequality in Social Development. Books 1 and 2. Ed. I.V. Deryugina. Moscow. 2020. 280 p.; 288 p. (In Russ.)
8. Кембриджская история капитализма. 2021. Том 1, 2. Под ред. А. Володина и Д. Шестакова. М.: Издательство Института Гайдара. 800 с.; 768 с.
The Cambridge History of Capitalism. 2014. Vol. 1, 2. Eds. L.Neal, J.Williamson. Cambridge: Syndicate of the Press of the University of Cambridge. 630 p.; 578 p. (In Russ.)
9. Диденко Д.В. Интеллектуальная экономика. Человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб.: Алетея, 2015. 408 с.
Didenko D.V. 2015. Knowledge-intensive Economy: Human Capital in Russian and Global Socio-Economic Development. St. Petersburg. 408 p. (In Russ.)
10. Maddison A. 2007. Contours of the World Economy, 1 - 2030 AD. New York: Oxford University Press. 418 p.
11. Maddison A. 1991. Dynamic Forces in Capitalist Development: A Long Run Comparative View. New York: Oxford University Press. 352 p.
12. Bairoch P. 1997. Victoires et déboires. Histoires économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours. Vol. 1, 2, 3. Paris: Gallimard. 662 p.; 1015 p.; 1111 p.
13. Allen R. 2012. Technology and the Great Divergence: Global Economic Development since 1820. *The Explorations in Economic History*. Vol. 49, N1. Pp. 1-16. DOI: 10.1016/j.eeh.2011.09.002
14. Broadberry S., Guan H., Li D. 2018. China, Europe, and the Great Divergence: A Study in Historical National Accounting, 980-1850. *The Journal of Economic History*. Vol. 78. N 4. Pp. 1- 46. DOI:10.1017/S0022050718000529
15. Wolff E.D. 1991. Capital Formation and Productivity Convergence over the Long Term. *American Economic Review*. Vol. 81. № 3. Pp. 565-579.
16. Barro R., Lee J.-W. 2013. A New Set of Educational Attainment in the World, 1950-2010. *Journal of Development Economics*. Vol. 104. Pp. 184-198. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jdeveco.2012.10.001>
17. Dinerstein M., Megalokonomou R., Yannelis C. 2020. Human Capital Depreciation. *National Bureau of Economic Research. Working Paper N 27925*. Pp. 1-104. DOI:10.3386/w27925
18. Herzog-Stein A., Horn G. 2018. The Productivity Puzzle: It's the Lack of Investment, Stupid. *Intereconomics*. Vol. 53. N 1. Pp. 69-75. DOI: 10.1007/s10272-018-0724-9
19. Kar S., Roy A., Sen K. 2018. The Double Trap: Institutions and Economic Development. *Economic Modelling*. Vol. 76. Pp. 243-259. DOI: 10.1016/j.econmod.2018.08.002
20. The World Bank. Global Productivity. Trends, Drivers, and Policies. Washington, D.C., 2020.
21. Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G., et al. 2022. World Inequality Report, 2022. New York: World Inequality Lab. 236 p.
22. Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Издательство МГУ. 1996. 304 с.

- Meliantsev V.A. 1996. East and West in the Second Millennium: Economy, History and the Modern World. Moscow. 304 p. (In Russ.).
23. Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980-2000-е гг.). М.: Издательство «Ключ-С». 2009. 216 с.
Meliantsev V.A. 2009. Developed and Developing Countries in Era of Change (Comparative Assessment of the Effectiveness of Growth in the 1980s-2000s). Moscow. 2009. 216 p. (In Russ.).
24. Мельянцев В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 203-215. DOI: 10.31857/S086919080016660-3.
Meliantsev V.A. 2021. Main Trends, Determinants and Problems-Contradictions of Modern Economic Growth in Developed and Developing Countries. *Vostok (Oriens)*. № 5. Pp. 203-215. DOI: 10.31857/S086919080016660-3. (In Russ.)
25. Мельянцев В.А. Современный экономический рост развивающихся стран: важнейшие тенденции, пропорции, факторы и социальные последствия. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. 203-213. DOI: 10.31857/S086919080017343-4.
Meliantsev V.A. 2021. Modern Economic Growth of Developing Countries: Major Trends, Proportions, Factors and Social Consequences. *Vostok (Oriens)*. N 6. Pp. 203-213. DOI: 10.31857/S086919080017343-4. (In Russ.)
26. Allison Gr. 2017. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? New York: Houghton Mifflin Harcourt. 384 p.
27. Акимов А.В., Яковлев А.И. Общество и технологии в XXI веке: прогнозы и управление развитием в странах Востока и Запада. М.: Институт стран Востока, 2020. 399 с.
Akimov A.V., Yakovlev A.I. 2020. Society and Technology in the 21st century: Forecasts and Development Management in the Countries of the East and West. Moscow. 399 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мельянцев Виталий Альбертович, доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Vitalii A. Meliantsev, Dr.Sc. (Economics), Professor, Head, Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.12.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.01.2021

Принята к публикации
(Accepted) 05.02.2022

Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня»

© Тимакова О.А.^а, 2022

^а Дипломатическая академия МИД России. Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4185-0194; o.timakova@dipacademy.ru

Резюме. В политике Европейского Союза регион Средиземноморья - ключевой, а страны Ближнего Востока и Северной Африки выделены в группу Южных соседей. За последнее десятилетие регион Средиземноморья претерпел глубокую трансформацию. Масштабные вызовы - политическая нестабильность, терроризм, миграция, экологические проблемы и стихийные бедствия - не поддаются контролю. Кризисные тенденции на Ближнем Востоке и в большей части Северной и Центральной Африки вызывают непредсказуемые, а главное - значительные побочные эффекты, сказывающиеся не только на безопасности и стабильности Европы, но и на функционировании мировой системы.

Дестабилизация региона сказалась на восприятии Европейским Союзом Средиземного моря как источника экзистенциальных угроз. Более того, нестабильность в Юго-Восточном Средиземноморье резко изменила взгляд ЕС на региональных партнеров: вместо «кольца друзей» - «кольцо огня». Эта тенденция закреплена на официальном уровне в государствах Европы, а также в ЕС и НАТО. Отсутствие прогресса в различных инициативах ЕС по Евро-Средиземноморскому партнерству с начала кризиса «арабской весны» привело в странах Ближнего Востока и Северной Африки к потере общественного доверия к ЕС.

В статье рассмотрены концептуальные основы политики Европейского Союза в отношении стран Юго-Восточного Средиземноморья, а также определены ключевые подходы ЕС к противодействию угрозам и вызовам, возникающим в регионе.

Ключевые слова: Европейский Союз, Ближний Восток и Северная Африка, Средиземноморье, миграционный кризис, «арабская весна», «стрессоустойчивость», политика соседства

Для цитирования: Тимакова О.А. Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня». *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 29-37. DOI: 10.31857/S032150750015837-2

European Union interaction with South-Eastern Mediterranean: From “Ring of friends” to “Ring of fire”

© Olga A. Timakova^a, 2022

^a Diplomatic Academy, MFA of Russia. Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4185-0194; o.timakova@dipacademy.ru

Abstract. The Mediterranean region is key in the policy of the European Union, and the countries of the Middle East and North Africa are singled out in the group of Southern neighbors. Over the past decade, the region has undergone a profound transformation. Large-scale challenges - political instability, terrorism, migration, environmental problems and natural disasters - are beyond control. Crisis trends in the Middle East and most of North and Central Africa cause unpredictable and, most importantly, significant side effects that affect not only the security and stability of Europe, but also the functioning of the world system. Destabilizing events have led to the fact that the Mediterranean is now viewed as a source of existential threats.

Moreover instability in the Southeast Mediterranean has dramatically changed the EU's perspective of the regional partners from a “ring of friends” to “a ring of fire”. This trend is recognized at the official level in the states of Europe, as well as in the EU and NATO. The lack of progress in various EU Euro-Mediterranean Partnership initiatives since the onset of the Arab Spring crises has resulted in a loss of MENA public confidence in EU.

The article examines the conceptual foundations of the European Union for their policy towards the countries of the Southeast Mediterranean, as well as identify the key EU approaches in countering the threats and challenges that arise in the region.

Keywords: European Union, Middle East and North Africa, Mediterranean, migration crisis, Arab Spring, resilience, neighborhood policy

For citation: Olga A. Timakova. European Union Interaction with South-Eastern Mediterranean: From “Ring of Friends” to “Ring of Fire”. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 29-37. DOI: 10.31857/S032150750015837-2

ВВЕДЕНИЕ

Средиземноморский регион - точка пересечения интересов многих акторов мировой политики и мировой экономики. Средиземноморье сегодня представляет собой, как описали его в министерстве иностран-

ных дел Италии, «геополитический парадокс» [1, р. 3]: регион одновременно и фрагментированный, и в то же время - взаимосвязанный.

С одной стороны, архитектура безопасности, на которой строится политическая, экономическая, социальная и культурная стабильность Средиземноморского региона вызывает все большие сомнения из-за множества кризисов, противостояния интересов мировых держав, идеологических и межрелигиозных столкновений. С другой стороны, регион - платформа для экономических, энергетических и инфраструктурных связей между Европой, Африкой и Азией.

Интересы трансатлантического сообщества были связаны с регионом Средиземноморья на протяжении многих веков. Однако дестабилизирующие события второго десятилетия XXI в. привели к тому, что ныне Средиземноморье рассматривается государствами Евро-Атлантики как источник экзистенциальных угроз: вот лишь некоторые из них - нестабильность и радикализм, неконтролируемая миграция, организованная преступность и терроризм.

Эту тенденцию признают на официальном уровне в государствах Европы, а также, и в ЕС, и в НАТО. Если, например, Стратегия безопасности Европейского Союза 2003 г. декларировала, что «Европа никогда не была такой процветающей, такой безопасной и такой свободной»¹, то уже к 2016 г. возникло понимание, что «[ЕС] нужна более сильная Европа». В Глобальной стратегии Евросоюза² констатируется: «Это то, чего заслуживают наши граждане, этого ожидает весь мир. Мы живем во времена экзистенциального кризиса как в Европейском Союзе, так и за его пределами». В рамках европейского политического дискурса сформировалось понимание о «новой нормальности», под которой подразумеваются взаимозависимые кризисные тенденции в ближнем зарубежье, которые усугубил коронавирусный кризис

В статье рассматриваются концептуальные основы Европейского Союза, его политика в отношении стран Юго-Восточного Средиземноморья, а также определяются ключевые подходы ЕС в противодействии угрозам и вызовам, возникающим в этом регионе.

ГЕОПОЛИТИКА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И КОНЦЕПЦИЯ «СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ»

Подходов к концептуализации Средиземноморского пространства - большое количество. В целях их систематизации в рамках исследования логично, на наш взгляд, выделить две большие группы работ. Одна группа видит Средиземноморский регион как зону единения и сотрудничества. Вторая - указывает на фрагментированность региона, а взаимозависимость в данном случае предполагает негативные коннотации колониального прошлого.

При первом подходе, принято традиционно исходить из труда французского историка Ф.Броделя, основоположника концептуализации Средиземноморья как единого региона [2]. Взяв за отправную точку XVI в., он постулировал единство средиземноморской цивилизации, важная особенность которой, с его точки зрения - ее однородность и значимость для истории всего человечества.

Продолжателями Ф.Броделя стали оксфордские исследователи П.Хорден и Н.Парселл, которые в 2000 г. опубликовали монументальное историографическое исследование о Средиземноморском пространстве и агентах в рамках школы конструктивизма [3]. Они обосновывали «отличительную целостность» Средиземноморья и строили свою работу на дифференциации агентов Средиземноморья и агентов, действующих в Средиземноморье.

Эти авторы расширили концепцию Броделя. Если Бродель считал географию системообразующим элементом региона, то Хорден и Парселл добавляют к этому социальные связи между сообществами, т.е. взаимозависимость микросред или, как они их называют, «микроэкологий». Более того, взаимосвязи выстраиваются главным образом для скоординированного ответа сообществ на вызовы окружающей среды, природные катастрофы и изменение климата.

Единство Средиземноморского пространства в дальнейшем получило широкое изучение. В т.ч. можно выделить теории, утверждающие, что оно основывается, как ни парадоксально, на изменчивости региона [4]. Однако, обращается внимание на то, что хотя Европа и Средиземноморье неразрывно связаны, по-

¹ European Security Strategy - A Secure Europe in a Better World. European Council, 2003.

² Witney N., Dennison S. Europe's Neighbourhood: Crisis as the New Normal. European Council on Foreign Relations. Policy Memo, 2015. https://ecfr.eu/publication/europes_neighbourhood_crisis_as_the_new_normal/ (accessed 15.07.2021)

следние события демонстрируют преобладание нарратива дезинтеграции и делегитимации, причина которых кроется в гибридных угрозах.

Дискурс необходимости борьбы с гибридными угрозами и достижения «стрессоустойчивости» в политическом пространстве как Европейского региона, так и ближайшего зарубежья, настолько прочно вошел в европейские экспертные и официальные дискуссии, не получив, впрочем, достаточного концептуально-го осмысления, что это привело к потере его смысловой наполненности.

Анализ стратегии Европейского Союза по отношению к государствам ближнего зарубежья чаще всего рассматривается именно в рамках программ соседства. В целом, Европа рассматривает себя как «нормативную силу», чье влияние на мировую политику заключается в том, чтобы подавать идеальный пример источника мира, благополучия и демократии [5]. А система отношений с соседями в регионе Средиземноморья в рамках, например, Барселонского процесса 1990-х гг., воспринимается как реализация концепции «Вечного мира» И.Канта [6].

Однако такой оптимизм и даже самоуверенность явно преувеличены и не соответствуют реалиям политического процесса в Средиземноморье. Это продемонстрировала неспособность Европейского Союза выработать общий подход к восстаниям «арабской весны». Необходимо обратить внимание, что экспертное сообщество в Евро-Атлантике не игнорировало угрозы с Юго-Востока Средиземноморья. Еще в 1990-х гг. исследователи указывали, что Запад должен поддерживать стабильность на Ближнем Востоке, или «[он] дестабилизирует Запад»³.

Лейтмотивом новой политики ЕС в регионе Средиземноморья выбрана концепция «стрессоустойчивости» - Глобальная стратегия Европейского Союза. Опубликованная в 2016 г., эта стратегия обозначила «стрессоустойчивость» как главный руководящий принцип всей внешней политики ЕС⁴. Концепт «стрессоустойчивости» призван заменить столь же неопределенную концепцию «стабильности», а также концепции «демократизации», «прав человека» и «гуманитарной безопасности», которые обычно соседствуют с ним в документах [7].

«Стрессоустойчивость» остается довольно широким и неопределенным понятием. Эксперты и аналитики [8; 9; 10] способствовали его большей проработке, но единого подхода к этому концепту выработано не было; более того, на практике «стрессоустойчивость» может подразумевать различные стратегии.

Некоторые ученые утверждают, что «стрессоустойчивость» пришла в теорию международных отношений из биологии, а конкретнее - из экологии. Эта концепция, в соответствии с дарвинистской логикой, подразумевает адаптацию к изменениям окружающей среды и, в конечном итоге, влечет за собой выживание сильнейших, «естественный отбор» в мировой политике [11]. Наблюдается «тревожный консенсус», как выразился профессор Университета Шеффилда Дж.Джозеф, между государствами, бизнесом и другими акторами мировой политики в понимании того, что «стрессоустойчивость» по умолчанию и без всякого сомнения подразумевает ценность, к которой нужно стремиться любой ценой [12].

В самой Стратегии ЕС «стрессоустойчивость» определяется весьма размыто, как «способность государств и обществ к реформам, таким образом противостоя и восстанавливаясь от внутренних и внешних кризисов»⁵. Следовательно, можно утверждать, что создание «стрессоустойчивых» государств, а также государственных институтов и гражданского общества в Юго-Восточном Средиземноморье (в субрегионах Магриба, Сахеля, Леванта) одинаково необходимо для ЕС, НАТО и государств-членов.

В 2017 г. для интерпретации положений Глобальной ЕС было выработано совместное коммюнике Еврокомиссии и Высокого представителя Евросоюза по внешней политике - «Стратегический подход к стрессоустойчивости в внешней политике ЕС»⁶. Европа теперь намерена сосредоточиться не только на предотвращении кризисов или любых других потрясений как таковых, но на поддержании функционирования институтов в условиях шока и пост-кризисного восстановления государств.

³ Havel V. NATO's Quality of Life. *New York Times*. 13.05.1997. <https://www.nytimes.com/1997/05/13/opinion/nato-s-quality-of-life.html> (accessed 23.11.2021)

⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union, 2016.

⁵ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union, 2016.

⁶ Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action. European Commission/High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, 2017.

КОЛОНИАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ И СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Второй подход, указанный выше, основан на предположении об окончательном разобщении и конфликтной природе Средиземноморского региона. Средиземное море в таком случае превращается в границу или разделительную линию между цивилизациями.

Одна из теорий предполагает, что Южный берег представляет экзистенциальную угрозу для Севера, как, например, в знаменитой работе С.Хантингтона. В его «Столкновении цивилизаций» происходит возврат к роли культурного императива в мировой политике и констатируется безальтернативность конфликта между Западом и Мусульманским миром.

Противоположная ей теория устанавливает, что именно Северный берег подрывает развитие Юга - в данном случае значимы постколониальные интерпретации, как ответ на теорию Хантингтона. Исследователи постколониальной парадигмы идентифицировали Средиземноморский регион на центральную точку соприкосновения между доминирующим Глобальным Севером и противостоящим ему Глобальным Югом.

В то время как первая из этих теорий фокусируется на материализации культурных ценностей и норм, вторая считает основным фактором экономическую эксплуатацию и несправедливую конкуренцию. Подход Хантингтона, первоначально ставший реакцией на другую, не менее известную и спорную работу Ф.Фукуямы «Конец истории», получил особое распространение после трагических событий 11 сентября 2001 г., в частности, в форме публицистического популизма [13; 14]. Концепция Хантингтона часто критикуется за чрезмерное упрощение: например, многие конфликты интересов рассматриваются как конфликты ценностей, а внутрирегиональные конфликты (в рамках одной цивилизации) игнорируются в принципе [15].

С точки же зрения пост-колониализма, существует фундаментальный конфликт между Севером и Югом Средиземноморья - он происходит от неспособности европейских акторов к рефлексии и исправлению ошибок их колониального прошлого [16]. Возвращаясь к идеям американского историка ориентализма Э.Саида о том, что воображаемая география способна превратить расстояние в различия, постколониалисты утверждают, что это уже произошло в Средиземноморье: разделение на «мы - они» становится нормативным основанием для несправедливых практик. И, несмотря на то, что Средиземноморье представляет собой систему с множеством структурных связей, регион останется дестабилизированным из-за неразрешенных глубинных противоречий [17]. Более того, все программы сотрудничества, инициированные Европой в регионе, являются или попыткой обозначить и закрепить разграничительную линию [18], или «замаскировать неоколониальные концепции под транснациональные идеи» [19].

Данные теории в значительной степени влияют на восприятие политического процесса в Средиземноморье элитами и обществами Юго-Востока региона. Подход ЕС к определению акторов, инструментов и повестки взаимодействия в регионе без учета интересов самих региональных государств лишь усугубили эту тенденцию.

Начиная с конца 2010 г., арабские восстания стали поворотным моментом в отношениях между ЕС и регионом Ближнего Востока и Северной Африки. Изменение политического, экономического и социального восприятия Европы в 6 странах (Египет, Ирак, Иордан, Марокко, Тунис, Ливия), отражено, например, в опросе ArabTrans - международного сообщества ученых, изучающих последствия арабских трансформаций 2010-2011 гг., инициированного Европейской Комиссией. Показано несоответствие между тем, «что ЕС, как он считает, добился в регионе и местным восприятием провала политики ЕС в его влиянии и воздействии на регион»⁷.

Отсутствие прогресса в различных инициативах ЕС по Евро-средиземноморскому партнерству с момента начала кризисов «арабской весны» привело к потере общественного доверия в регионе. Например, такую тенденцию демонстрируют Опросы IEMed и MEDReset⁸ - итальянские проекты изучения проблем Средиземноморья. В частности, респонденты указывают, что ЕС в качестве поставщика мира

⁷ The Arab Transformations Project: Executive Summary. ArabTrans, 2016. http://arabtrans.eu/documents/ArabTrans_Executive_Summary.pdf (accessed 05.12.2021)

⁸ 10th Euromed Survey of Experts and Actors. IEMed, Barcelona, 2019. <https://euromedsurvey.iemed.org> (accessed 12.11.2021); Elite Survey: How Local Elites Perceive the EU and its Policies in the Mediterranean. MEDRESET, December 2018. <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/elite-survey-how-local-elites-perceive-eu-and-its-policies-mediterranean> (accessed 12.11.2021)

и гаранта безопасности и стабильности воспринимается лишь незначительным количеством населения, т.к. он не в состоянии удовлетворить ожидания Южных партнеров в вопросах безопасности и экономического развития. Большинство же убеждены, что реакция ЕС на события «арабской весны» оказалась провалом.

Критика в отношении ЕС усугубляется политикой Союза в противодействии миграционному кризису и секьюритизация им данной проблемы⁹. Отдельно отмечается, что ЕС настаивает на усилении пограничного контроля, возвращении мигрантов, как это предусмотрено в новой Миграционной стратегии вместо того, чтобы обеспечить защиту фундаментальных прав человека, которые являются высшей ценностью для Европы.

Страны Юго-Восточного Средиземноморья к тому же не воспринимают Средиземноморский регион как единое целое [20]. Скорее, акцент делается на взаимодействии в регионе Большого Средиземноморья, что частично или полностью размывает концепцию уникальной среды региона. Эти страны рассматривают ЕС как «мягкую власть» в экономической сфере, и перспективы взаимодействия в данном случае ограничиваются только торговлей и деловыми контактами. Влиятельными акторами в политической сфере или решении проблем безопасности здесь признаются внерегиональные силы: США, Россия, Китай.

В рамках содействия демократии в Юго-Восточном Средиземноморье политика ЕС не всегда рассматривается как отвечающая внутренним потребностям и интересам стран региона. Эксперты утверждают, что акцентирование усилий Европы на продвижении собственной модели демократии связано с недостаточным пониманием специфики и акторов региона. В результате местные элиты обращают внимание на то, что заявленные цели и задачи ЕС не реализованы. Они, однако, солидарны в том, что ЕС должен быть среди акторов, вовлеченных в разрешение региональных кризисов и предотвращение эскалации обстановки. Но указывают на необходимость изменения европейского подхода к различным взаимосвязанным угрозам в регионе.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОДХОДА К ПОЛИТИКЕ В РЕГИОНЕ

Начиная с середины 1990-х гг., популярность в Европе получил подход о «дуге нестабильности», включающей все Юго-Восточное побережье Средиземного моря. Эта концепция отражает идею о том, что, в целом, стабильная стратегическая среда Средиземноморья проверяется на прочность периодическими конфликтами и кризисами на Южном побережье.

В рамках этой теории кризисы, хотя и могут представлять серьезную угрозу, являются спорадическими и ограниченными по времени, разрешить их можно традиционными методами антикризисного управления и адаптацией архитектуры безопасности. За 10 лет после начала революций «арабской весны», в дополнение к непрекращающимся конфликтам в Афганистане и Ираке, войне в Сирии и нестабильности в Ливии, пришло понимание, что кризис в Средиземноморье принял перманентную форму. Арабские восстания и их последствия способствовали восприятию района как зоны неуправляемого хаоса. Как указывают западные эксперты, вопрос с созданием стабильных демократических институтов управления далек от завершения¹⁰.

Восстания в их начальных фазах показали перспективы серьезных политических и социальных изменений и ставили вопрос о смене системы регионального порядка. Однако существующая система оказалась более «стрессоустойчивой», чем хотели признать многие официальные лица и аналитики в Европе. Восстания привели к очень разным результатам в разных частях арабского мира, но по большей части они не достигли тех целей, что требовали демонстранты.

«Арабская весна» первоначально была провозглашена на Западе как своего рода демократическое пробуждение. Одновременно, еще в 2011 г., сразу после начала народных волнений в регионе, глава комиссии ЕС по расширению и политике соседства Стефан Фюле признал неспособность ЕС достаточно четко обо-

⁹ What do "The People" Want? Citizens' Perceptions of Democracy, Development, and EU-MENA Relations in Egypt, Iraq, Jordan, Libya, and Morocco in 2014. European Policy Briefs, May 2016. http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_briefs/arabtrans_pb_062016.pdf (accessed 03.11.2021)

¹⁰ Sudan and Algeria Overthrow Despots but Not Their Political Systems. *The Economist*. April 17, 2019. <https://economist.com/international/2019/04/20/sudan-and-algeria-overthrow-despots-but-not-their-political-systems> (accessed 10.07.2021)

значить свою позицию по защите прав человека и поддержке местных демократических сил и даже ошибочность их предположения, что авторитарные режимы были гарантией стабильности в регионе¹¹. Однако последующее развитие событий в регионе поставило под сомнение существующие системы регионального управления и резко изменили представление Брюсселя о Юго-Восточном Средиземноморье из «кольца друзей» - на «кольцо огня» [21; 22]. Среди элит и экспертного сообщества развивался нарратив, что Средиземноморье теперь преимущественно нестабильное пространство и источник угроз ЕС и его государствам-членам [23].

Рычаги влияния стран Северного Средиземноморья на Южное для поддержания стабильности не так многочисленны. Несмотря на то, что западные организации (ЕС и НАТО) пропагандируют «политику открытых дверей», страны Юго-Восточного Средиземноморья не входят в список стран-кандидатов, для которых существует возможность членства даже в отдаленной перспективе. Включение страны Центральной, Восточной Европы и Балканского полуострова в ЕС и НАТО хотя и не лишено критики, позиционируется как несомненный успех организаций и важный шаг в поддержании стабильности в Европе. Страны Северной Африки и Ближнего Востока не имеют такого стимула для проведения всеобъемлющих реформ и согласования собственной политики с принципами и нормами ЕС и НАТО.

Неэффективность ЕПС для адекватной реакции на «арабскую весну» и поддержки развивающихся процессов политической либерализации, в сочетании с вспышкой новых конфликтов, привели к пересмотру политики ЕС в 2015 году¹². Ключевой характерной чертой подхода Европы к созданию кольца «устойчивых» государств заключается в том, что ответственность за безопасность сдвигается от государственных институтов к представителям гражданского общества, которые позиционируются как «активные и ответственные участники сферы безопасности» [24].

Геополитика региона также существенно изменилась с 2011 г. Попытки ЕС проецировать стабильность (или влияние) на регион вынуждены соперничать с аналогичной политикой внерегиональных акторов. Например, с 2015 г. Россия заявила о себе как о гаранте безопасности в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Столкновение интересов ведущих мировых держав в Средиземноморье несет несомненный дестабилизирующий эффект, проецируя борьбу за новый мировой порядок на достаточно взрывоопасный регион. Но одновременно способствует сохранению государственности и предотвращает хаос и распространение терроризма.

США были одним из центральных элементов региональной системы безопасности в Юго-Восточном Средиземноморье в течение нескольких десятилетий. Еще в начале 2000-х гг. эксперты были уверены, что «любая будущая система безопасности региона будет невозможна без военного присутствия США» [25]. Но уже больше 10 лет официальные лица и исследователи сходятся во мнении, что США утратили *raison d'être* своей политики в регионе. Во втором десятилетии 2000-х гг. импортируемая из региона нефть перестала иметь такое же значение для экономики США, как это было в 1980-х гг. Именно Б.Обама впервые заявил о том, что военное присутствие США на Ближнем Востоке более не необходимо¹³. А стратегия Б.Обамы «лидерства из-за сцены» (*leading from behind*) являлась полной противоположностью интервенционистской стратегии его предшественника Дж.Буша-мл. и была сразу интерпретирована как признание Соединенными Штатами окончания своей региональной гегемонии [26].

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС И ПОЛИТИКА ЕС

С начала 1990-х гг. концепция человеческой или гуманитарной безопасности занимала значительное место в европейских дискурсах мира, устойчивого развития и прав человека, несмотря на критику, касающуюся ее концептуальной двусмысленности. Проблема беженцев и перемещенных лиц - одна из самых

¹¹ Ștefan Füle. Speech on the Recent Events in North Africa. European Commission. Brussels, 28 February 2011. <http://europa.eu/rapid/press-release-SPEECH-11-130en.htm> (accessed 05.07.2021)

¹² Review of the European Neighbourhood Policy. JOIN(2015) 50 final. European Commission. Brussels. November 18, 2015. http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_staff-working-document_en.pdf (accessed 13.12.2021); European Neighbourhood Policy (ENP). European External Action Service. Brussels. December 21, 2016. https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/northern-dimension/330/european-neighbourhood-policy-enp_en (accessed 13.12.2021)

¹³ Sick G. US Persian Gulf Policy in Obama's Second Term. *Gary's Choices*. March 19, 2013. <https://pomeps.org/the-obama-doctrine> (accessed 29.10.2021)

сложных гуманитарных и политических проблем, определяющим политический процесс в Юго-Восточном Средиземноморье.

Причины вынужденной миграции часто имеют гибридный характер: несовершенство государственных институтов управления; демографическая проблема; конкуренция за контроль над распределением ресурсов; трайбализм; слабая судебная система. Но самое главное - военные конфликты.

Непрекращающиеся кризисы в Сирии, Ираке и Ливии стали причиной для самого крупного миграционного кризиса после Второй мировой войны. Европа, благодаря своей географической близости, безопасности и экономической стабильности, является предпочтительным пунктом назначения для мигрантов из Африки и Ближнего Востока. Миграция в Европу за последние два десятилетия была классифицирована как смешанная, включая экономических мигрантов, беженцев, просителей убежища и др. Между тем, миграционная стратегия ЕС, в основном, направлена на предотвращение миграции в Европу.

Количество беженцев и внутренне перемещенных лиц, оставшихся в регионе, в несколько раз больше тех, кто попытался мигрировать в Европу. Согласно данным ООН, только в субрегионе Леванта внутренне перемещенными лицами и беженцами стали более 6 млн человек¹⁴, а в целом суммарно Ирак, Сирию и Йемен покинули более 12 млн человек¹⁵. Только в 2015 году по подсчетам 1 млн человек попытались пересечь Средиземное море в Европу, и половина из них, предположительно, сирийцы.

Миграционный кризис в Европе произошел в 2015-2016 гг., но потоки беженцев и вынужденных переселенцев продолжают концентрироваться в прибрежных районах Юго-Восточного Средиземноморья. По оценкам УВКБ ООН, 84% беженцев остаются в развивающихся регионах мира. Большинство сообществ, которые принимают этих беженцев, живут в регрессивных социально-экономических условиях и крайней нищете¹⁶. Этот процесс оказывает давление на социально-экономическую сферу государств Северной Африки и Ближнего Востока, где также растет поляризация общества, развивается ультра национализм, ксенофобия и генерализированный образ «Другого».

Еще в 2017 г. УВКБ ООН предложила стратегию, которая опирается на существующие международные, региональные и национальные партнерские программы, политические рамки и дорожные карты, чтобы создать согласованную международную стратегию по антикризисному управлению миграционным кризиса. Для успешной ее реализации потребуется порядка \$800 млн и еще \$1 млрд - на урегулирование Средиземноморского миграционного кризиса, в целом¹⁷. Но из года в год ООН заявляет о недополучении заявленного странами-донорами финансирования, объемы которого могут достигать до 50%.

В странах Европы распространяется мнение, что беженцы, прибывающие в Европу, являются представителями другой культуры с чуждыми ценностями, что они не цивилизованные или образованные, и, таким образом, воры и преступники¹⁸. Другая сторона проблемы беженцев - это получение статуса. Многие мигранты специально избавляются от своих документов, чтобы выдать себя за граждан другой страны и получить статус беженца¹⁹.

Такое негативное восприятие мигрантов приводит к росту популистских и ультранационалистских настроений, давлению политиков на принятие протекционистских мер. Миграционный кризис усугубил исламофобию и ксенофобию в европейском обществе: согласно опросам *Pew Research Centre* 2017 г., беспокойность населения в угрозе исламского экстремизма, в среднем, по Европе составляет больше 40%.

Миграционный вопрос в отношениях между Севером Средиземноморья и Югом находится не только в сфере безопасности - он в значительной степени затрагивает экономический сектор и рынок труда. Таким образом, миграционный кризис становится социально-экономическим процессом со значительными поли-

¹⁴ Situation Syria Regional Refugee Response. Operations Portal Refugee Situation. UNHCR. 2018. <https://data2.unhcr.org/situations/syria> (accessed 18.11.2021)

¹⁵ 1 per cent of humanity displaced: UNHCR Global Trends report. UNHCR. <https://www.unhcr.org/news/press/2020/6/5ee9db2e4/1-cent-humanity-displaced-unhcr-global-trends-report.html> (accessed 02.12.2021)

¹⁶ Global Trends: Forced Displacement. UNHCR. <http://www.unhcr.org/globaltrends2016/> (accessed 12.07.2021)

¹⁷ The Central Mediterranean Route: Working on the Alternatives to Dangerous Journeys, Supplementary Appeal. UNHCR, January-December 2017. <http://reporting.unhcr.org/sites/default/files/UNHCR%20Central%20Mediterranean%20Route%20SB%20Jan-Dec%202017%20-%2017JUL17.pdf> (accessed 22.10.2021)

¹⁸ Janjac D. Othering refugees in the Netherlands. *Prezi*. 1 June 2016. <https://prezi.com/7sugtikfhfk1/othering-of-refugees-in-the-netherlands/> (accessed 27.11.2021)

¹⁹ Toaldo M. Libya's migrant-smuggling highway: Lessons for Europe. European Council on Foreign Relations Policy Memo. November 2015. http://www.files.ethz.ch/isn/195092/ECFR-147_Libyas_Migrant_Smuggling_Highway1.pdf (accessed 06.07.2021)

тическими последствиями. Миграционный кризис в Средиземноморье включает в себя проблему рабства и принудительных работ. Распространена она не только в Юго-Восточном Средиземноморье, но и в Северном, в государствах Европы.

Эксперты ОБСЕ обращают внимание, что на низкооплачиваемом труде мигрантов строится экономический рост развитых государств Европы²⁰. Другие указывают, что именно экономическая конкуренция в Европе становится причиной использования иностранной низкоквалифицированной рабочей силы [27]. Мигранты же соглашались на работы, которые получили аббревиатуру 3D: грязную, опасную и сложную (*dirty, dangerous and difficult*).

Но иногда этот выбор они не делают добровольно. В Европе беженцы живут в центрах временного содержания, которые управляются и охраняются частными фирмами, получившими государственную лицензию. Согласно исследованиям, такие центры поставляют рабочую силу для клининговых компаний и общепита²¹. Мигранты и беженцы не с состоянием оспаривать условия и оплату труда из опасения быть высланными из стран Европы [27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Европейский Союз на данный момент не смог выработать стратегию, которая бы обеспечивала долгосрочную стабильность и безопасность всего Средиземноморского пространства. Европейская политика соседства не реализовала свои ключевые задачи в построении процветающего регионального соседства и эффективной архитектуры противодействия гибридным угрозам.

Страны Юго-Восточного Средиземноморья критически относятся к политике Союза, обвиняя его в двойных стандартах в разрешении миграционного вопроса, а также приоритетному вниманию своей безопасности в ущерб интересам его южных соседей.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. The Italian Strategy in the Mediterranean. Stabilizing the Crises and Building a Positive Agenda for the Region. 2018. Rome: Farnesina.
2. Braudel F. 1995. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Berkeley: University of California Press. 650 p.
3. Horden P., Purcell N. 2000. The corrupting sea: A study of Mediterranean history. Oxford, England/Malden, Mass: Blackwell.
4. Abulafia D. 2011. Mediterranean history as global history. *History and Theory*. № 50(2), pp. 220-228.
5. Manners I. 2002. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. № 40(2), pp. 235-258.
6. Cusumano E., Hofmaier S. 2020. Projecting Resilience Across the Mediterranean. Cham: Palgrave Macmillan.
7. Wagner W., Anholt R. 2016. Resilience as the EU Global Strategy's New Leitmotif: Pragmatic, Problematic or Promising? *Contemporary Security Policy*. № 37(3), pp. 414-430.
8. Bourbeau P. 2018. On Resilience. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Chandler D., Coaffee J. (Eds.). 2016. The Routledge Handbook of International Resilience. London: Routledge.
10. Coaffee J. 2006. From Counterterrorism to Resilience. *The European Legacy*. № 11(4), pp. 389-403.
11. Walker J., Cooper M. 2011. Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation. *Security Dialogue*. № 42(2), pp. 143-160.
12. Joseph J. 2018. Varieties of Resilience: Studies in Governmentality. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Abrahamian E. 2003. The US media, Huntington and September 11. *Third World Quarterly*. № 24 (3), pp. 529-544.
14. Bottici C., Challand B. 2006. Rethinking political myth: The clash of civilizations as a self-fulfilling prophecy. *European Journal of Social Theory*. № 9(3), pp. 315-336.
15. Gerges F. 1999. A. America and political Islam: Clash of cultures or clash of interests? Cambridge: Cambridge University Press.
16. Bicchieri F. 2018. The Mediterranean, between unity and fault line. *Global Affairs*. № 4(2-3), pp. 329-339.
17. Chambers I. 2008. Mediterranean crossings: The politics of an interrupted modernity. Durham, NC: Duke University Press.
18. Pace M. 2006. The politics of regional identity: Meddling with the Mediterranean. London/New York: Routledge.
19. De Cesari C. 2017. Museums of Europe: Tangles of memory, borders, and race. *Museum Anthropology*. № 40(1), pp. 18-35.
20. Görgülü A., Kahyaoglu G.D. 2019. The Remaking of the Euro-Mediterranean Vision. Bern: Peter Lang AG.
21. Maass A. 2017. Financial Instruments and the European Neighbourhood Policy. T. Schumacher, A. Marchetti, T. Demmelhuber (Eds.) *The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy*. Oxon: Routledge.

²⁰ Analysing the Business Model of Trafficking in Human Beings to Better Prevent the Crime. Office of the Special Representative and Co-ordinator for Combating Trafficking in Human Beings. 2010. <http://www.osce.org/cthb/69028?download=true> (accessed 05.07.2021)

²¹ Arbogast L. Migrant Detention in the European Union: A Thriving Business; Outsourcing and Privatisation of Migrant Detention. Migreurop. 2016. <http://www.migreurop.org/IMG/pdf/migrant-detention-eu-en.pdf> (accessed 18.11.2021)

22. Bildt C. 2015. Europe Surrounded Not by a Ring of Friends-But by a Ring of Fire. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.
23. Schumacher T. 2015. Uncertainty at the EU's Borders: Narratives of EU External Relations in the Revised European Neighbourhood Policy Towards the Southern Borderlands. *European Security*. № 24(3), pp. 381-401.
24. Coaffee J., Fussey P. 2015. Constructing Resilience Through Security and Surveillance: The Politics, Practices and Tensions of Security-Driven Resilience. *Security Dialogue*. № 46(1), pp. 86-105.
25. Wehrey F., Sokolsky R. 2015. Imagining a New Security Order in the Persian Gulf. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
26. Ehteshami A. 2014. Making Foreign Policy in the Midst of Turmoil. In R. Hinnebusch, A. Ehteshami (eds.). *The Foreign Policies of Middle East States*. Boulder, CO: Lynne Rienner.
27. Boulby M., Christie K. 2017. Migration, Refugees and Human Security in the Mediterranean and MENA. Cham: Palgrave Macmillan.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тимакова Ольга Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. Москва, Россия.

Olga A. Timakova, PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.10.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 24.12.2021

Принята к публикации
(Accepted) 24.01.2022

Южный Судан: последствия отделения

© Денисова Т.С.^{a,b}, Костелянец С.В.^{a,c}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Резюме. В июле 2011 г. Юг Судана отделился от Республики Судан (РС) и на карте мира появилось новое государство - Республика Южный Судан (РЮС). В то время перспективы Южного Судана казались обнадеживающими: кроме богатых нефтяных ресурсов у молодой страны была серьезная поддержка мирового сообщества и влиятельной диаспоры, оказывавших гуманитарную помощь. Провозглашая независимость, Южный Судан рассчитывал на серьезное увеличение нефтяных поступлений, однако Джуба не могла экспортировать «черное золото» без использования нефтепроводов, проложенных по территории Севера. В результате «развод» и «нефтяная война» дорого обошлись обеим странам, хотя РС вышла из конфликта если не победителем, то и с меньшими потерями, нежели РЮС, в которой, к тому же, сразу после обретения независимости начались внутренние вооруженные и межфракционные конфликты. После обретения независимости Южный Судан - на фоне экономического спада - постепенно погружался в хаос полномасштабной гражданской войны, формально закончившейся в сентябре 2018 г., а фактически продолжавшейся до февраля 2020 г. Деструктивные явления, предопределившие обострение политической ситуации в РЮС, включают прогрессирующий («динкоцентричный») трибализм высшего руководства страны, отстранение представителей многих малых народов от процесса принятия ответственных решений, а также отказ от реформирования армии и урегулирования отношений между вооруженными силами и гражданским населением. Уровень эффективности государственного управления в РЮС не только весьма низкий, но и постепенно снижается. Южный Судан не только не стал «демократичным», как планировалось, но и регрессировал в сторону репрессивного государства, ввергшего население в крайнюю нищету. Хотя сецессия стала решением конфликта между Севером и Югом, она привела к эскалации насилия и возникновению новых проблем - не менее серьезных, нежели те, которые она была призвана решить.

Ключевые слова: Южный Судан, Республика Судан, ЧОД, Салва Киир, Риек Мачар, сепаратизм

Благодарность: Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Южный Судан: последствия отделения. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 38-46. DOI: 10.31857/S032150750018778-7

South Sudan: Consequences of the secession

© Tatyana S. Denisova^{a,b}, Sergey V. Kostelyanets^{a,c}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Abstract. In July 2011, South Sudan separated from the Republic of Sudan (RoS), and a new state appeared on the world map - the Republic of South Sudan (RoSS). At that time, the prospects for South Sudan seemed promising: in addition to rich oil resources, the young country had serious support of the world community and an influential diaspora that provided humanitarian assistance. When proclaiming independence, South Sudan counted on a significant increase in oil revenues, but Juba could not export black gold without the use of oil pipelines laid through the North. As a result, the split and the following "oil war" cost both countries dearly, although the RoS emerged from the conflict if not a winner, then with less losses than the RoSS, which, moreover, became engulfed in internal armed and inter-factional conflicts almost immediately after gaining independence. Amid an economic downturn, South Sudan gradually plunged into the chaos of a full-scale civil war, which formally ended in September 2018, but in fact continued until February 2020. The destructive phenomena that preceded the deterioration of the political situation in the RoSS include progressing (Dinka centric) tribalism of the country's top leadership, exclusion of representatives of many smaller ethnic groups from the decision-making process, and the refusal to reform the army and normalize the civil-military relations. The quality of governance by public administration in the RoSS is not just very low, but is gradually declining. South Sudan not only did not become "democratic" as was intended, but actually regressed towards a repressive state that plunged the population into extreme poverty. Although the secession was the solution to the conflict between the North and the South, it led to an escalation of violence and the emergence of new problems, which are no less serious than those it was designed to solve.

Keywords: South Sudan, Republic of Sudan, SPLM, Salva Kiir, Riek Machar, separatism

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. South Sudan: Consequences of the Secession. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 38-46. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018778-7

ВВЕДЕНИЕ

9 января 2005 г. между правительством Судана и Суданским народно-освободительным движением (СНОД), отстаивавшим интересы народов юга Судана, было подписано Всеобъемлющее мирное соглашение (ВМС), положившее конец самой продолжительной в Африке гражданской войне, унесшей, по разным оценкам, жизни примерно 2 млн человек. В соответствии с Соглашением, через 6 лет, 9 января 2011 г., на юге Судана был проведен референдум, в ходе которого 99% голосов были отданы в пользу независимости; еще через полгода - 9 июля - было объявлено о создании независимой Республики Южный Судан (РЮС) со столицей в Джубе.

Сепаратистское движение на юге Судана долгое время находилось вне фокуса внимания международной общественности, хотя корни его уходят в доколониальный период суданской истории. Еще в XIX в. южносуданцы - чернокожие анимисты - становились жертвами ограблений, угона в рабство и сельскохозяйственной эксплуатации, осуществлявшихся суданцами-северянами - мусульманами преимущественно арабского происхождения.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЮЖНОСУДАНСКОГО СЕПАРАТИЗМА

Региональный дисбаланс власти и богатства укрепился в Судане в годы (1899-1955) англо-египетского управления, когда инвестиции и современные для того времени методы экономического развития были сконцентрированы на Севере, в то время как маргинализированный Юг превратился, по сути, в изолированную «тыловую зону», подчинявшуюся малочисленной местной колониальной администрации. Англичане управляли им как отдельной территорией в рамках колониального Судана и даже вынашивали идею присоединения его к британским колониальным владениям в Восточной Африке [1, р. 10]. Система косвенного управления, предполагавшая сохранение традиционными вождями части их обычных функций, способствовала распространению среди южан осознания собственной идентичности, отличной от северной. В результате многие южносуданцы рассматривали референдум 2011 г. как завершение процесса деколонизации, в которой им было отказано в 1956 г., когда Судан получил независимость. Отдельное колониальное управление предопределило особое положение Южного Судана в постколониальном государстве. После обретения Суданом суверенитета и появления Республики Судан политическая элита в столице - Хартуме - начала манипулировать заметным неравенством в развитии двух регионов, предопределив упорное сопротивление южан создавшейся ситуации.

В 1950-е гг. начала действовать организация, позже получившая название «Анья-Нья» («Змеиный яд», это выражение было связано с различными магическими практиками и религиозными ритуалами, распространенными среди нилотских народов) и активизировавшаяся после 1963 г., когда ее возглавили Джозеф Лагу и Амадео Лодонги. Это было сборище бывших солдат и школьников, использовавших луки со стрелами, наконечники которых смазывались ядом из желез кобры¹. Группировка действовала 17 лет (с 1955 г.) и практически прекратила свое существование в 1972 г. после подписания соглашения между центральным правительством Джафара Мухаммеда Нимейри (президент Судана в 1971-1985 гг.) и Освободительным движением Южного Судана о предоставлении этому региону автономии.

Автономия сохранила границы, определенные в колониальный период англичанами; первым президентом Высшего исполнительного совета (ВИС) автономии стал Абель Альер; в 1978 г. его сменил бывший лидер повстанцев Дж.Лагу. С самого начала в ВИС возникли разногласия между его членами [2, р. 126].

В 1983 г. Нимейри против воли южносуданцев разделил регион на три административных района. В Южном Судане, большинство жителей которого являлись христианами или анимистами, были введены законы шариата, что вызвало массовое недовольство населения. В военных казармах южносуданского города Бору начались мятежи, на подавление которых был отправлен полковник суданской армии Джон Гаранг. Однако он присоединился к повстанцам и основал Народное движение/армию освобождения Судана (СНОД/А), нацелившись на освобождение всех суданцев от репрессивного хартумского режима [1, р. 10]. Это «видение» Гаранга было разрушено подписанием в 2005 г. Всеобъемлющего мирного соглашения, в соответствии с которым право на самоопределение было предоставлено лишь южносуданцам, в то время как жители Дарфура, например, его не обрели.

Насилие над южносуданцами в доколониальный и колониальный периоды предопределило возникновение в постколониальный период на юге Судана вооруженных сепаратистских движений и начало мас-

¹ Восстание «Змеиного яда». *Warspot*. 13.08.2020. <https://warspot.ru/11734-vosstanie-zmeinogo-yada> (accessed 26.08.2021)

штабной и кровопролитной гражданской войны между Севером и Югом, хронологически разделяемой на два затяжных периода: с 1955 по 1972 и с 1983 по 2005 гг.

О крайне низком уровне социально-экономического развития Юга к моменту подписания в 2005 г. ВМС свидетельствуют хотя бы такие цифры: к концу войны в регионе насчитывались 3 хирурга, обслуживавшие население в 9 млн человек; на всю территорию размером примерно с Францию было всего 4 км асфальтированных дорог; практически не было электричества, школ и медицинских учреждений [3, p. 8]. Однако, несмотря на все невзгоды, пережитые южанами сначала при колониальном управлении, а затем в течение почти полувека эксплуататорской политики Хартума, не говоря уже о периодически вспыхивавших конфликтах внутри самого южносуданского региона, в 2005 г. среди суданских политиков еще бытовала уверенность, что южане смогут удовлетвориться большей автономией и большим уровнем представленности в центре и не будут требовать полной независимости.

Между тем, уже в первые годы после подписания ВМС южане убедились, что Хартум не намерен выполнять условия Соглашения, поэтому их готовность оставаться в союзе с Севером постепенно сошла на нет. Действительно, поведение северной политической элиты резко контрастировало с провозглашенной в 2005 г. концепцией «одна страна, две системы», которую Север интерпретировал как договоренность о введении своего рода «федерализма», а Юг - как движение к оформлению конфедерации.

ОБРЕТЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Тем не менее, суданские власти выполнили, пожалуй, главное условие ВМС и обеспечили проведение в 2011 г. референдума, а затем первыми признали независимость РЮС во главе с президентом Салвой Кииром, до этого бывшим вице-президентом (2005-2011). Вскоре примеру Хартума последовали все постоянные члены Совета Безопасности ООН; 14 июля Южный Судан был принят в ООН в качестве 193-го государства-участника, а 27 июля Африканский Союз (АС) признал новую Республику своим 54-м государством-членом. Это не означает, однако, что АС и мировое сообщество, в целом, не испытывали серьезных опасений по поводу самостоятельного развития РЮС. Напротив, предвиделось множество проблем, прежде всего связанных с возможным возобновлением войны с Севером, в которую оказались бы втянутыми и другие страны региона, но мало кто предполагал, что почти сразу после объявления независимости Южный Судан будет охвачен межплеменными конфликтами, по уровню насилия не уступавшими войне между Севером и Югом.

Более того, в 2011 г. перспективы Южного Судана казались обнадеживающими: у молодой страны была серьезная поддержка мирового сообщества и влиятельной диаспоры, оказывавших гуманитарную помощь, и богатые нефтяные ресурсы. Государственные расходы (на безопасность, дорожное строительство, здравоохранение, образование, водоснабжение и др.) на душу населения были в 3 раза выше, чем в Кении, в 7 - чем в соседней Эфиопии². В 2011 г. объем ВВП Южного Судана достигал \$17 млрд (\$1516 на душу населения по номиналу - выше, чем в любой из соседних стран), а поступления от нефтяной ренты превышали \$9 млрд³. Для сравнения, в 2010 г. единый Судан, где было в 3,5 раза больше населения, экспортировал нефти на \$11 млрд⁴. Провозглашая независимость, Южный Судан рассчитывал на серьезное увеличение поступлений от экспорта «черного золота».

В ВМС не оговаривались условия экономического сотрудничества в случае отделения (в которое в 2005 г. никто не верил) Юга [4]. При этом Джуба не могла экспортировать нефть без использования нефтепроводов, проложенных по территории Севера. В 2011 г. стороны безуспешно вели переговоры о разделе нефтяных прибылей. В начале 2012 г. Хартум в одностороннем порядке повысил тарифы на транзит южносуданской нефти и в счет погашения транзитных платежей стал забирать ее из трубы.

Следует отметить, что действия Хартума были в значительной степени вынужденными: нефть обеспечивала подавляющую часть налоговых и внешнеторговых поступлений единого Судана, а из-за успехов нефтяной отрасли в 2000-х гг. правительство фактически стало пренебрегать другими отраслями, что еще больше обострило наступивший после отделения Южного Судана финансовый кризис.

² Public expenditures in South Sudan: are they delivering? *The World Bank*. 2013, p. 1. <http://documents.worldbank.org/curated/en/171651468302965354/pdf/774290BRI0Econ00Box377296B00PUBLIC0.pdf> (accessed 26.06.2021)

³ South Sudan. *The World Bank*. 2021. <https://data.worldbank.org/country/south-sudan> (accessed 26.08.2021)

⁴ IMF Country Report No. 12/298. *IMF*. 2012. https://www.imf.org/-/media/Websites/IMF/imported-full-text-pdf/external/pubs/ft/scr/2012/_cr12298.ashx (accessed 16.02.2022)

В ответ на действия Хартума в январе 2012 г. Джуба полностью прекратила экспорт нефти через Судан [5, с. 45]. Весной дело даже дошло до столкновений между вооруженными силами двух стран. Лишь в сентябре 2012 г. стороны заключили компромиссное соглашение об условиях транзита, но первый после перерыва танкер с южносуданской нефтью вышел из Порт-Судана лишь в июле 2013 г. А уже в августе 2013 г. из-за новых разногласий транзит нефти сократился на треть [6, р. 142].

«Развод» и «нефтяная война» дорого обошлись обеим странам. В 2012 г. Хартум отметил падение экспортной выручки на 60%, а объемов экспорта - на 75% относительно 2010 г. В 2011 г. ВВП Северного Судана снизился на 3%, в 2012 г. - на 10%. Страна включила печатный станок, чтобы профинансировать дефицит бюджета, а это, в свою очередь, привело к высокой инфляции, которая достигла своего пика (50%) в 2013 г. [7, с. 31]. ВВП Южного Судана в 2011 г. вырос на 8%, но в 2012 г. рухнул сразу на 40%. Объем экспорта РЮС упал в 12 раз [6, р. 44].

Северный Судан вышел из конфликта если не победителем, то и с меньшими потерями, нежели РЮС. Большой размер ВВП, генерировавшийся на Севере (\$55 млрд в 2011 г.⁵), и более диверсифицированная экономика позволили Хартуму избежать катастрофы, хотя казалось, что Судан был обречен последовать по пути своих северных соседей - Ливии, Туниса и Египта, экономические и социально-политические проблемы в которых привели к смене правящих режимов (см. подробнее: [8]). В 2011-2013 гг. наблюдались рост массового недовольства политикой Хартума и эскалация протестного движения. Однако жестокость и решительность, проявленные режимом, а также «пряник» в виде запуска в начале 2014 г. процесса национального диалога позволили разрядить обстановку, хотя и не обеспечили политическую стабильность [9, с. 42]. Судан продолжал воевать с повстанческими движениями на западной и южной окраинах страны - в Дарфуре и в штатах Южный Кордофан и Голубой Нил [10]; эти конфликты до сих пор до конца не разрешены. Более 70% бюджетных средств Судана уходило на оборону и безопасность, что препятствовало решению социально-экономических проблем, но на фоне событий на Юге все это можно было назвать «относительной стабильностью».

КОНФЛИКТЫ В РЮС

В Южном Судане внутренние конфликты начались почти сразу после обретения независимости, причем мина под государственное строительство в регионе была заложена еще Джоном Гарангом, руководившим СНОД вплоть до его гибели в 2005 г. в авиакатастрофе. Обычной практикой и основным способом обогащения военачальников СНОД было присвоение гуманитарной помощи, на что Гаранг, по меньшей мере, закрывал глаза. Повстанческое движение стало магнитом для «охотников за рентой», которые также не брезговали угоном скота, торговлей золотом и древесиной и даже воровством пайков у подчиненных.

Не удивительно, что, когда СНОД пришло к власти, РЮС практически сразу оказалась среди самых коррумпированных стран мира. Так, согласно «Индексу восприятия коррупции», ежегодно публикуемому *Transparency International*, в 2016 г. Южный Судан находился на предпоследнем, 175-м месте в мире, уступив лишь Сомали⁶, а к 2020 г. переместился на последнее - 179-е место⁷ (на 1-м располагается страна с наименьшим восприятием коррупции). По данным ООН на 2021 г., с 2018 г. высокопоставленными политиками и чиновниками РЮС из государственной казны были похищены \$73 млн⁸.

Еще до референдума поводом для недовольства (переросшего в вооруженные столкновения) некоторых южносуданских этнических групп стали выборы 2010 г., на которых СНОД получило 160 из 170 мест в парламенте. В 2010 г. вспыхнуло восстание Джорджа Атора - *динка* (близкого к *нуэрам*), обвинившего власти в фальсификации итогов голосования. Хотя Атор погиб в конце 2011 г., созданное им повстанческое Демократическое движение Южного Судана продолжало борьбу до середины 2013 г. В мае 2010 г. начались столкновения между армией и вооруженными ополчениями народности *мурле* под общим руководством Дэвида Яу Яу, упрекавшего СНОД в запугивании избирателей и фальсификации голосования. В 2011 г. столкновения между *лу нуэр* и *мурле* в штате Джонглей унесли тысячи жизней; более 350 тыс. стали беженцами [3, р. 8]. В том же году полевой командир Питер Гадет выступил против СНОД, об-

⁵ Sudan. *The World Bank*. 2021. <https://data.worldbank.org/country/sudan> (accessed 22.06.2021)

⁶ Corruption Perceptions Index 2016. *Transparency International*. 2016. https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016 (accessed 29.06.2021)

⁷ Corruption Perceptions Index 2020. *Transparency International*. 2020. <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl> (accessed 21.06.2021)

⁸ South Sudanese political elites illicitly diverting millions of US dollars, undermining core human rights and stability – UN experts note. *UNHCR*. 23.09.2021. <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/Pages/NewsDetail.aspx?NewsID=27519> (accessed 22.07.2021)

винив его в ущемлении прав этнической группы *нуэр* и в махинациях на выборах [11, pp. 75-76]. В ходе гражданской войны в РЮС с 2013 по 2018 гг. погибли более 400 тыс. человек и около 4 млн стали беженцами⁹.

Политика президента РЮС С.Киира (*динка*) в отношении «новых» повстанцев постоянно провоцировала очередные выступления: правительство пыталось «купить» мятежников и их лидеров, предлагая первым интеграцию в регулярную армию, а вторым - привилегии высших армейских чинов. Таким образом, поднимать мятежи стало выгодно [12, с. 47].

Современная южносуданская армия фактически была создана в 1983 г. - в год основания СНОД и его вооруженного крыла - Суданской народно-освободительной армии (СНОА). К 2005 г., т.е. к моменту заключения ВМС, СНОА насчитывала примерно 40-50 тыс. бойцов. Опасаясь саботажа северянами мирного соглашения и нового витка войны с Хартумом, в 2005-2010 гг. Киир включил в армию десятки тысяч южан (в основном *нуэров*), сражавшихся во время гражданской войны на стороне северян. Чтобы Хартум не смог их снова перетянуть на свою сторону, рядовым был обещан стабильный доход - \$150 в месяц (в 2 раза выше, чем в армии Судана), а их лидерам - высокие посты и виллы в столице. В 2010 г., в преддверии референдума о независимости, ежемесячное жалование военных было повышено до \$220 [13, p. 55].

В связи с интеграцией в СНОА десятков тысяч южан, ранее воевавших на стороне Хартума, к 2012 г. южносуданская армия выросла до 240 тыс. человек, а расходы на оборону составили 35% бюджета [13, p. 57]; при этом вооруженные силы РЮС все больше становились пестрым союзом этнических ополчений.

Пока в бюджете было достаточно средств, такая модель кооптации бывших противников и повстанцев в национальные ВС работала. Но когда из-за нефтяных споров с Хартумом Джуба, бюджет которой на 98% наполнялся за счет доходов от продажи нефти, утратила возможность экспортировать «черное золото» по нефтепроводам, проложенным по территории Севера, и лишилась притока валюты, противоречия внутри правительства стали обостряться.

МЕЖФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА

По мере истощения казны среди членов политбюро СНОД все чаще начали вестись разговоры о возможном смещении Салвы Киира с постов президента РЮС и лидера партии из-за его неспособности навести порядок и обеспечить развитие страны. Но Киир сыграл на опережение. В июле 2013 г. он отстранил Риека Мачара, самого влиятельного в стране представителя *нуэров*, от должности вице-президента. Через три дня Мачар заявил о своих планах выступить соперником Киира на очередных президентских выборах. Но в декабре 2013 г. Киир обвинил Мачара в попытке переворота и приказал разоружить подконтрольные ему ополчения, что привело к полномасштабным столкновениям и к фактическому началу гражданской войны между *динка* и *нуэр* с участием и других народностей.

Стремление Мачара вытеснить Киира с поста президента в значительной степени обуславливалось тем, что государственная власть в РЮС, как и во многих других странах Африки, предполагала контроль над доходами от экспорта природных ресурсов, в данном случае - нефти, и, соответственно, быстрое личное обогащение.

Для достижения цели Мачар использовал различные стратегии: блокирование принимавшихся Кииром решений; принятие должности вице-президента, несмотря на недовольство им позицией «второго человека» в государстве; открытая критика политики президента на различных форумах; заключение сделок с влиятельными военными; разжигание межэтнической ненависти и военные действия. Чтобы преуменьшить свою ответственность за кровопролитие, он, как и многие бывшие африканские «военные бароны», тщательно скрывал роль собственных интересов в разжигании конфликта, маскируя их риторикой защиты своей этнической группы *нуэр* от правительства, в котором действительно доминировали *динка* [14]. Можно сказать, что, представив себя «главным лидером» *нуэров*, Мачар способствовал дальнейшему углублению расколов по этническим линиям, от которых и Южный, и Северный Судан страдали в течение всего периода их независимости.

Таким образом, в 2013 г. Южный Судан погрузился в хаос полномасштабной гражданской войны, официально закончившейся в сентябре 2018 г., а фактически продолжавшейся до февраля 2020 г.

Формально РЮС построена на принципах демократии, справедливости и религиозной свободы, а в Конституция прямо указывается, что «состав правительства должен отражать этническое и социальное мно-

⁹ Toward a Viable Future for South Sudan. *International Crisis Group*. 10.02.2021. <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/300-viable-future-for-south-sudan.pdf> (accessed 29.06.2021)

гообразии страны» и что при приеме на госслужбу, в т.ч. в спецслужбы, должен соблюдаться этнический баланс. (Следует отметить, что *динка* составляют около трети населения РЮС, *нуэры* - 16%, *азанде* - 6%, *шилук* - 3%, *мурле* - 1%¹⁰, всего же в Южном Судане проживает более 70 народностей¹¹.) На практике же Салва Киир в стремлении упрочить свою власть постепенно отказался от соблюдения этих норм, как и от политики предшественника - Гаранга, желавшего трансформировать Судан в единое светское государство, в котором южане смогли бы получить равные права с северянами, и нацелился на полное отделение Юга.

С самого начала прихода к власти Киир стал опираться на соплеменников-*динка*, окружив себя выходцами из родного штата Вараб. Из них же он создал подчиненную ему лично президентскую гвардию, известную как «Коричневая гусеница» и прославившуюся участием в погромах *нуэр* и других меньшинств и этническими чистками. Даже за пределами «ближнего круга» Киира на высокие посты в СНОД и в администрации за редким исключением назначались лишь представители *динка* или других народностей, согласившихся присоединиться к созданной им патронажной системе. Именно поэтому южносуданская оппозиция называет режим Киира «динкократией» [15, p. 75].

В первом правительстве РЮС из 28 министров 11 были *динка*. В администрации, действовавшей с 2013 по февраль 2020 гг., количество портфелей сократилось до 18, но 11 министров-*динка* остались¹². Уже после начала в 2013 г. гражданской войны Киир заменил более 80% губернаторов, избранных в 2010 г., на своих сторонников. Для этого он провел административную реформу, сначала увеличив число штатов с 10 до 28 (2015 г.), а затем до 32 (2017 г.)¹³. (В 2020 г. число штатов вновь сократилось до 10)¹⁴. Киир действовал по аналогии с северосуданским режимом, разделившим в 2011 г. Дарфур - для ослабления оппозиции - на 5 штатов.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОППОЗИЦИЯ

5 августа 2018 г. в Хартуме было подписано «Соглашение об оставшихся вопросах управления» (*Agreement on Outstanding Issues of Governance*), по сути, о разделении властных полномочий между южносуданским правительством и большей частью оппозиционных группировок.

Среди подписантов были С.Киир, лидер «Суданского народно-освободительного движения в оппозиции» Риек Мачар, председатель «Южносуданского альянса оппозиции» Габриэль Чансон Чанг, представитель группировки «Суданское народно-освободительное движение - Бывшие политзаключенные» (*Sudan Peoples' Liberation Movement - Former Detainees*) Денг Алор и Джозеф Окелло от блока «Другие политические партии». «Архитекторами» и спонсорами соглашения выступили президенты Судана Омар аль-Башир и Уганды - Йовери Мусевени, которые также поставили свои подписи под документом.

Подписанный в августе 2018 г. документ во многом повторяет основные положения «Соглашения о разрешении конфликта в Республике Южный Судан» (*Agreement on the Resolution of Conflict in the Republic of South Sudan, ARCSS*), заключенного в Аддис-Абебе 17 августа 2015 г., но нарушенного в июле 2016 г., когда между сторонниками Киира и Мачара в Джубе начались вооруженные столкновения.

Процесс примирения был перезапущен 21 декабря 2017 г. в Аддис-Абебе, где стороны подписали «Соглашение о прекращении огня, защите гражданских лиц и гуманитарном доступе» (*Agreement on Cessation of Hostilities, Protection of Civilians and Humanitarian Access*). За этим событием последовали еще несколько раундов переговоров в Эфиопии и Судане, в т.ч. закончившиеся принятием «Хартумской декларации о согласии между сторонами южносуданского конфликта» (*Khartoum Declaration of Agreement Between the Parties of the Conflict of South Sudan*, 27 июня 2018 г., Хартум) и «Соглашения относительно нерешенных вопросов по механизмам обеспечения безопасности» (*Agreement on Outstanding Issues of Security Arrangements*, 6 июля 2018 г., Хартум).

Эти договоренности подготовили почву для заключения «Обновленного ARCSS» (*Revitalized ARCSS*) - многостраничного документа, описывающего механизмы формирования правительства национального

¹⁰ Ethnic Groups Of South Sudan. *World Atlas*. 2021. <https://www.worldatlas.com/articles/ethnic-groups-of-south-sudan.html> (accessed 29.06.2021)

¹¹ Country: South Sudan. *Joshua Project*. 2021. <https://joshuaproject.net/countries/OD#peoplegroups> (accessed 21.06.2021)

¹² Salva Kiir Govt: From tribal to regional govt. *South Sudan News Agency*. 25.04.2014. <http://www.southsudannewsagency.com/index.php/2014/04/25/salva-kiir-govt-from-tribal-to-regional-govt> (accessed 22.06.2021)

¹³ Kiir creates eight new states, fires central bank governor. *Radio Tamazuj*. 14.01.2017. <https://radiotamazuj.org/en/news/article/kiir-creates-eight-new-states-fires-central-bank-governor> (accessed 25.06.2021)

¹⁴ Kiir agrees to relinquish controversial 32 states. *Radio Tamazuj*. 15.02.2020. <https://radiotamazuj.org/en/news/article/kiir-agrees-to-relinquish-controversial-32-states> (accessed 25.06.2021)

единства, меры обеспечения безопасности, принципы управления ресурсами государства, пути к национальному примирению и др., и предполагали установление предпереходного (8 месяцев) и переходного (36 месяцев) периодов, в течение которых власть должна была в определенных пропорциях делиться между СНОД и оппозицией. Киир остался на своем посту до окончания переходного периода (до 2021 г.), а Мачар получил должность первого вице-президента.

К подписанию соглашений стороны подтолкнуло сильное внешнее давление, особенно со стороны Судана, заинтересованного в возобновлении транзита нефти, а также тяжелая экономическая, гуманитарная, продовольственная (см.: [16, pp. 44-45]) и даже эпидемиологическая ситуация, сложившаяся в РЮС и, что немаловажно, постоянные расколы внутри всех партий, включая правящую.

Подписание «Соглашения об оставшихся вопросах управления» вызвало одобрение почти всех заинтересованных организаций и стран: ООН, АС, Лиги арабских государств, России, Китая, Японии, Египта, Турции, Катара и др. На этом фоне «холодным душем» оказалось заявление т.н. международной «тройки» по Южному Судану (США, Британия и Норвегия), которая, хотя и поддержала само участие сторон в переговорах, указала, тем не менее, что «достигнутые на сегодняшний день договоренности нереалистичны и неустойчивы», а лидеры Южного Судана «должны вести себя по-другому» и пригласить к участию в переговорах общественные и религиозные организации и этнические меньшинства¹⁵.

Впрочем, скептицизм «тройки» вполне оправдан. Все перечисленные выше договоренности были, по сути, попытками *динка* и *нуэр* перераспределить между собой власть без должного учета интересов остальных этнических групп. К тому же, не только история отношений между подписантами и трудноразрешимые межэтнические противоречия, но и некоторые события вокруг переговоров вызвали сомнения в успехе реализации соглашений. Так, Салва Киир на пресс-конференции 4 августа 2018 г. заявил, что «сделка 2015 г. была... навязана, поэтому ... то соглашение развалилось... Новое соглашение, я уверен, устоит, потому что народ Южного Судана готов к миру»¹⁶. Однако на церемонии подписания «Соглашения об оставшихся вопросах управления» Киир демонстративно не пожал руку Мачару, которого согласился включить в правительство под давлением лидеров Межправительственной организации по развитию Восточной Африки (ИГАД), прежде всего аль-Башира и Мусевени¹⁷.

Таким образом, Соглашение не поставило последнюю точку в кровопролитном южносуданском конфликте, полыхавшем с 2013 г., т.к. сторонам еще предстояло заключить всеобъемлющее мирное соглашение. Именно вопрос о разделении власти (и, следовательно, о доступе к административным ресурсам) стал тем самым камнем преткновения, из-за которого долгое время не удавалось урегулировать конфликт.

В феврале 2020 г. две основные противоборствующие стороны - фракции Киира и Мачара - приступили к формированию правительства национального единства в соответствии с мирным соглашением, подписанным в 2018 г. Однако политическое противостояние препятствует формированию государственных институтов, необходимых хотя бы для принятия мер против распространения пандемии COVID-19.

Подготовка к президентским выборам, которые планируется провести в 2023 г., также не способствует снижению напряженности. Можно предположить, что, если оба противника будут на них баллотироваться, внутриполитическая ситуация вновь обострится, тем более что недовольство большинства южносуданцев Кииром и его опорой на *динка* ведет ко все более частым призывам к смене руководства. Причем это касается и Мачара¹⁸. Многие южносуданцы вообще сомневаются, что два лидера когда-нибудь смогут работать вместе¹⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2021 г. исполнилось 10 лет с момента разделения Судана, но ни Республика Судан, ни РЮС не могут похвастаться преодолением нестабильности. Судан за эти годы пережил два военных переворота - 11 ап-

¹⁵ Troika Statement on South Sudan Peace Talks. *U.S. Embassy Juba*. 13.08.2018. <https://ss.usembassy.gov/troika-statement-on-south-sudan-peace-talks> (accessed 22.07.2021)

¹⁶ South Sudan government is ready for peace implementation: Kiir. *Sudan Tribune*. 04.08.2018. <https://sudantribune.com/spip.php?article65984> (accessed 23.06.2021)

¹⁷ SPLM-IO says dismayed by Kiir's amnesty for Machar. *Sudan Tribune*. 10.08.2018. <https://sudantribune.com/spip.php?article66023> (accessed 23.06.2021)

¹⁸ South Sudan at risk of 'large scale conflict': UN report. *Aljazeera*. 27.04.2021. <https://www.aljazeera.com/news/2021/4/27/south-sudan-at-risk-of-large-scale-conflict-un-report> (accessed 22.06.2021)

¹⁹ A Major Step Toward Ending South Sudan's Civil War. *International Crisis Group*. 25.02.2020. <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/south-sudan/major-step-toward-ending-south-sudans-civil-war> (accessed 21.06.2021)

реля 2019 г., когда после почти 30 лет правления был свергнут Омар аль-Башир, и 25 октября 2021 г., хотя страна, в целом, сохранила управляемость; Южный Судан в течение всего периода его независимого развития погружался во все больший политический хаос на фоне межэтнических столкновений и экономического спада.

Народы Южного Судана объединялись, да и то не всегда, лишь во время борьбы против колониальных захватчиков, арабизации и исламизации. Южносуданское общество расколото на отдельные группировки, вступающие в межплеменные союзы и коалиции против доминирующей группы, к которой они иногда присоединяются, чтобы расширить свое участие в процессах принятия ответственных решений.

Между Суданом и РЮС остается немало общего: например, они соседствуют в списке наиболее коррумпированных стран мира в «Индексе восприятия коррупции», составляемом *Transparency International* (в 2021 г. Судан находился на 174-м месте, а Южный Судан, как уже упоминалось выше, - на 179-м из 179)²⁰. Сохраняется и проблема общего внешнего долга, унаследованного от единого Судана и достигающего \$56,2 млрд, хотя в июне 2021 г. Хартуму удалось договориться с Парижским клубом, Всемирным банком и Международным валютным фондом о списании \$50 млрд при условии выполнения в течение 3 лет программы структурных реформ²¹.

Сформированная в результате заключения ряда мирных соглашений южносуданская система политического представительства этнических групп крайне нестабильна. Не запущен процесс национального примирения, способный нейтрализовать исторические и недавние обиды. *Динка*, политический и военный вес которых особенно велик, сохраняют искушение вновь попытаться установить свое доминирование и не делиться скромными доходами страны. При этом ни *динка*, ни *нуэры* не являются сплоченными общинами: в них велики внутренние противоречия, что ставит под вопрос выполнение различных договоренностей. Хотя сецессия явилась решением конфликта между Севером и Югом, она привела к эскалации насилия и к возникновению новых проблем - не менее серьезных, нежели те, которые она была призвана решить.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bereketeab R. Self-determination and secessionism in Somaliland and South Sudan: Challenges to postcolonial state-building. Nordiska Afrikainstitutet, 2012. <https://www.cmi.no/file/2162-self-determination-and-secessionism-in-somaliland-and-south-sudan.pdf> (accessed 26.08.2021)
2. Willis J., Ryle J., Baldo S., Jok J. M. (eds.). The Sudan Handbook. Rochester, NY: James Currey, 2012. <https://www.refworld.org/pdfid/51d3d28c4.pdf>
3. McNamee T. The first crack in Africa's map? Secession and Self-Determination after South Sudan. Discussion Paper. The Brenthurst Foundation, 2012. <https://www.thebrenthurstfoundation.org/downloads/2012-01-first-crack-in-africa-s-map-brenthurst-paper.pdf> (accessed 21.07.2021)
4. Rolandsen Ø.H. 2011. A quick fix? A retrospective analysis of the Sudan Comprehensive Peace Agreement. *Review of African Political Economy*, Vol. 38, № 130, pp. 551-564.
5. Мезенцев С.В. Южный Судан: независимость, что дальше? *Азия и Африка сегодня*. 2012, № 8. С. 42-46.
Mezentsev S.V. 2012. Southern Sudan. Independence, What Next?, Part 1. *Asia and Africa today*. № 8, pp. 42-46. (In Russ.).
6. Le Billon P., Savage E. 2016. Binding pipelines? Oil, armed conflicts, and economic rationales for peace in the two Sudans. *African Geographical Review*, Vol. 35, № 2, pp. 134-150. DOI: 10.1080/19376812.2015.1113551
7. Костелянец С.В. Судан после раздела страны: поиск путей преодоления кризиса. *Азия и Африка сегодня*. 2014, № 10. С. 31-35.
Kostelyanets S.V. 2014. Sudan after the Split of the Country: Seeking to Resolve the Crisis. *Asia and Africa today*. № 10, pp. 31-35. (In Russ.).
8. Васильев А.М. Арабские революции и протестное движение. Причины. Движущие силы. Результаты. *Вестник Российской академии наук*. 2014, Т. 84, № 6. С. 492-492. DOI: 10.7868/S0869587314060176
Vasiliev A.M. 2014. Arab Revolutions and the Protest Movement: Causes, Driving Forces, and Results. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 84, № 6, pp. 492-492.
9. Костелянец С.В. Региональная политика Судана в контексте арабского кризиса. *Азия и Африка сегодня*. 2015, № 7. С. 42-46.
Kostelyanets S.V. 2015. Sudan's Regional Policy in the Context of the Arab Crisis. *Asia and Africa today*. № 7, pp. 42-46. (In Russ.).
10. Костелянец С.В. Конфликт в суданском регионе Дарфур: региональный аспект. *Восток (Oriens)*. 2015, № 1. С. 76-86.
Kostelyanets S.V. 2015. The Conflict in Darfur Region: The Regional Dimension. *Vostok (Oriens)*. № 1, pp. 76-86. (In Russ.).

²⁰ Corruption Perceptions Index 2020. *Transparency International*. 2020. <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl> (accessed 21.06.2021)

²¹ Sudan to Receive Debt Relief Under the HIPC Initiative. *IMF*. 29.07.2021. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/06/29/pr21199-sudan-to-receive-debt-relief-under-the-hipc-initiative> (accessed 25.08.2021)

11. Brosché J., Höglund K. 2016. Crisis of governance in South Sudan: electoral politics and violence in the world's newest nation. *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 54, № 1, pp. 67-90. DOI: 10.1017/s0022278x15000828
12. Кочанова Т.В. Судан и Южный Судан: через демонтаж и трансформацию власти к ее эволюции. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 3. С. 39-59. DOI:10.31132/2412-5717-2020-52-3-39-59
- Kochanova T.V. 2020. Sudan and South Sudan: Through the Deconstruction and Transformation of Power to its Evolution. *Journal of the Institute for African Studies*. № 36 pp. 39-59. (In Russ.). DOI:10.31132/2412-5717-2020-52-3-39-59
13. De Waal A. 2014. When kleptocracy becomes insolvent: Brute causes of the civil war in South Sudan. *African Affairs*. Vol. 113, № 452, pp. 347-369. DOI: 10.1093/afraf/adu028
14. Brosché J. Masters of war: The role of elites in Sudan's communal conflicts. Doctoral dissertation. Uppsala: Uppsala University Press, 2014.
15. Feyissa D. 2017. The Religious Framing of the South Sudanese Civil Wars: The Enduring Legacy of Ngundeng's Prophecy. *Journal for the Study of the Religions of Africa and its Diaspora*. Vol. 3, pp. 60-77.
16. Фахрутдинова Н.З. Республика Южный Судан: трудности развития. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 1. С. 42-45. DOI: 10.31857/S032150750008164-2
- Fakhrutdinova N. Z. 2020. Republic of South Sudan: difficulties of the development. *Asia and Africa today*. № 1, pp. 42-45. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750008164-2

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.09.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 19.01.2022

Ислам, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750018779-8

Оригинальная статья / Original article

Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период второй: 2016-2021*

© Пономарев И.В.^а, 2022

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8848-3750; ilia.ponomarev@gmail.com

Резюме. Второй рассматриваемый период охарактеризовался несколькими отличительными чертами: консолидация и экспансия новых вооруженных альянсов (ДНИМ и ИГБС); становление широкого социального движения сопротивления; усиление террористической активности, меж- и внутриобщинных столкновений.

Конфликты охватили области Буркина Фасо, Мали и Нигера, которые населены преимущественно этническими фульбе, страдающими продолжительное время от социальной маргинализации. Пытаясь сдержать нарастающую дестабилизацию обстановки, все три государства Центрального Сахеля резко усилили превентивные меры, быстро переросшие в репрессивные по отношению к мирному населению - особенно фульбе-скотоводов. Это повлекло за собой обострение межэтнических отношений и рост антиправительственных настроений, что сильно облегчило альянсам ДНИМ и ИГБС набор рекрутов.

В отличие от предыдущего периода, новые альянсы имеют большую поддержку со стороны широких слоев населения и более укоренены в локальных кланово-кастовых структурах. Уже несколько лет они эффективно осуществляют регулирование землепользования и водных ресурсов, разрешают коммунальные споры и защищают от коррумпированных госслужащих и бандитизма те сельские и скотоводческие общины, которые встают под их протекцию.

Сложившаяся ситуация, ее истоки и движущие силы далеки от той концепции «общего врага» в рамках «войны с террором», на которой до сих пор базировались как многие научные исследования, так и международное право, - они требуют поиска новых, более гибких подходов.

Ключевые слова: вооруженные альянсы, ДНИМ, ИГБС, движение сопротивления, фульбе, кланово-кастовые структуры, Нигер, Мали, Буркина Фасо

Для цитирования: Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период второй: 2016-2021. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 47-55. DOI: 10.31857/S032150750018779-8

Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The second stage: 2016-2021

© Ilia V. Ponomarev ^а, 2022

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8848-3750; ilia.ponomarev@gmail.com

Abstract. Several distinctive points characterize the second stage under analyses: the expansion of new armed alliances - Jamā'at Nuṣrat al Islām wal Muslimīn (JNIM) and Islamic State of the Greater Sahara (ISGS); the rise of resistance movement; the growth of inter- and intra-communal tensions.

Conflicts embraced the regions of Central Mali, Niger and Burkina Faso, populated predominantly by ethnic Fulani. Armed jihadi groups spread alarmingly in the northern border zones of Benin, Côte d'Ivoire and Western Nigeria. Trying to stop destabilization, Mali, Niger and Burkina Faso harshly and unduly pressed local population (predominantly the cattle-breeder Fulani) instead of mounting preventive measures.

Indiscriminating state military campaigns further provoked radicalisation of ethno-militias aggravating struggle for meager resources, retaliatory actions and ethnic cleansing. The net result of the government's policies has been inflation of its legitimacy in the Fulani populated regions of Mali, Niger and Burkina Faso. It became the best situation for JNIM and ISGS to recruit.

In contrast with the previous stage, JNIM and ISGS are deeply rooted in local clan-cast structures and enjoy more support from wider population. For some years they have effectively managed access to pastures and water resources, resolve communal disputes and protect willing pastoralists, hunters, traders and peasants from bandits and corrupt state officials.

Drivers and deep causes of the situation cannot be explained from the perspective of 'common enemy' in the 'war on terror' - implicit impetus of many anti-terror studies and related international laws, both in dire need of revaluation.

Keywords: armed alliances, JNIM, ISGS, resistance movement, Fulani, clan-cast structures, Niger, Mali, Burkina Faso

* Окончание. Начало см.: Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период первый: 2007-2015. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 11, с. 39-45. DOI: 10.31857/S032150750017391-2

For citation: Ponomarev I.V. Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The second stage: 2016-2021. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 47-55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018779-8

ВВЕДЕНИЕ

В условиях массированного международного вмешательства во внутренние дела Республики Мали вооруженные группировки, за которыми в научной литературе закрепилось название «джихадистских», стали искать новых путей адаптации. Во втором условно выделяемом нами периоде широким социальным движением сопротивления оказались охвачены обширные области Нигера, Мали и Буркина Фасо, населенные преимущественно скотоводами-фульбе¹. С этими факторами связано возникновение новых вооруженных альянсов, которые уже активно проникают в северные районы Кот-д'Ивуара и Бенина, западную и центральную часть пограничной зоны между Нигером и Нигерией.

Большинство исследователей единодушно в том, что новые альянсы и конфликты в Центральном Сахеле носят гибридный характер - традиционные термины и дефиниции только затемняют его понимание (см., напр.: [1; 2; 3]). Нарастающая конфронтация уже не сводима к экстремистской деятельности отдельных вооруженных группировок - ее можно охарактеризовать как гражданскую войну, настолько глубоко породившие ее социально-экономические и этноконфессиональные причины.

Данная статья посвящена изучению возникновения и деятельности двух альянсов: «Движение защиты ислама и мусульман» (ДНИМ) и «Исламское государство в Большой Сахаре» (ИГБС)². В них вошли группировки как проанализированные нами в первой статье (см. [15]), так и новые, что ставит задачу выявить и сопоставить причины появления как самих альянсов, так и новых группировок. Вторая часть исследования опирается на альтернативный ряд источников и научных работ, однако методологический подход к контртеррористической проблематике, сформулированный в первой части, сохраняет свою релевантность.

КАТИБА «МАСИНА»: ДЖИХАДИЗМ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ?

Первое упоминание о катибе³ «Масина» появилось 18 мая 2016 г. в интернет-релизе «Ансар ад-Дин», хотя ее комбатанты неоднократно заявляли о себе акциями и листовками с начала 2015 г. [4, pp. 11, 13; 5, pp. 52-56; 2, p. 9]. В социальных форумах (Facebook и др.) и в СМИ группировка именовалась также «Фронт освобождения Масины», однако сами повстанцы это название не используют [6, p. 3; 4, pp. 11-12; 5, p. 28].

Основным местом дислокации катибы «Масина» изначально являлась центральная часть области Мопти - историческая Масина, населенная, в основном, этническими фульбе [6, pp. 3-4; 7, pp. 72-73]. Однако повстанцы использовали и разреженный саванный лесной массив «Вагаду», расположенный на самом севере соседней области Сегу на границе с Мавританией [4, p. 13; 8, pp. 1, 10].

Идеологом и бесспорным лидером «Масины» стал шейх Хаммадун Куффа - малиец Амаду Аль-Хасан Сангаре-Барри (р. 1961), давно поддерживавший тесные контакты с лидером «Ансар ад-Дин» Ийадам аг Гали. Будучи уже признанным знатоком Корана среди фульбе, Х.Куффа приобрел политическую популярность проповедями против коррупции и nepотизма на местном радио, широко расходившимися в аудиозаписях [4, pp. 10-11; 5, pp. 30-33; 9, pp. 150-154].

Причины движения сопротивления фульбе, которое возглавил Х.Куффа, лежат глубоко в истории Мали, их необходимо отличать от более поздних факторов - особенно джихадистской риторики.

В области Мопти река Нигер разделяется на несколько рукавов и каналов, заливные луга которых богаты бургу⁴ - основным кормом для крупного рогатого скота [10, pp. 8-10; 2, p. 7]. Эти плодородные земли со времен эмирата Масина⁵ находятся в руках элиты фульбе - за доступ к ним фульбе-седобе платили символическую дань [12, pp. 3-5; 2, pp. 7-8; 10, pp. 11-12]. За последние три десятилетия возможности выпаса скота резко сократились из-за расширения площадей для выращивания риса и других агрикультур: в этих условиях элита фульбе стала взимать со скотоводов все увеличивающиеся поборы [12, pp. 2, 4; 10, pp. 20-21; 2, pp. 8, 15].

Основанная на традиционном обычае система землевладения, сохранившаяся до наших дней, находится в сильном противоречии с национальным законодательством [10, pp. 13-15, 21-22; 13, pp. 10-13; 9,

¹ Ед. ч. пуло - откуда их фр. этноним пёль. (прим. авт.).

² Аббревиатуры даются в соответствии с принятыми в документах ООН.

³ Термин «катиба» (араб. - батальон) отсылает к структурной организации АКИМ.

⁴ Бургу (яз. фульфульде) - вид растений рода ежевник (*echinochloa stagnina*), который растет на затопляемых водой землях.

⁵ Эмират Масина (Дина) просуществовал недолго (1818-1862), т.к. был уничтожен другим автохтонным движением джихада фульбе (см.: [11, с. 48-55]).

pp. 163-165]. В 1990-е гг. в стране была начата под давлением западных стран демократизация и территориально-политическая децентрализация, вызвавшая не только многочисленные конфликты из-за землепользования, но и породившая повсеместную коррупцию в судах и администрации [14, р. 20; 12, pp. 6-8; 10, pp. 16-19].

По этим причинам в своих проповедях Х.Куффа особенно настойчиво выступает против «навязанного извне политического порядка» [7, р. 74], «реколонизации Мали белыми» и «коррупцированной судебной системы» [2, pp. 10-14], но также - землевладельческой элиты фульбе (особенно из клана *вуварбе*), занявшей важные позиции в местной администрации [4, р. 15; 5, pp. 35-36; 12, pp. 5-9].

Помимо этих катализаторов движения сопротивления фульбе, не менее существенную роль сыграли события последних лет.

С 2013 г. малийские военные (а среди них преобладают этнические *бамбара*, но есть и *догоны*) оказывают сильное давление на тех скотоводов-фульбе, которые подозреваются в сотрудничестве с «джихадистами»: массовые аресты, пытки, убийства, экспроприации скота [4, pp. 8, 20; 5, pp. 40-43]⁶. При этом малийская армия, как правило, встает на сторону групп этномилиции *догонов* и *бамбара* при их столкновениях с отрядами самообороны фульбе, жертвами которых за последние годы стали несколько сотен человек [6, pp. 3, 6; 14, pp. 19-20; 10, pp. 25-28]⁷.

В Центральном Мали земледельцы и охотники *бамбара* и *догоны* нередко проживают рядом с фульбе: их способы жизнеобеспечения веками дополняли друг друга и в одной деревне можно встретить смешанные браки [8, pp. 3-8; 3, р. 24]. Однако из-за резкого демографического роста конкуренция между ними за земли в последние десятилетия не раз оборачивалась кровавыми драмами [6, pp. 3-4; 8, р. 11; 2, pp. 14-15; 9, pp. 165-166]. Особенно большим количеством жертв отличаются действия этномилиции *догонов* «*Дана Амбасагу*»⁸ [8, pp. 11-15; 9, pp. 176-178].

Когда в 2012 г. МУДЖАО (Движение за единобожие и джихад в Западной Африке) заняло восточную часть области Мопти (район Дуэнца), то местные фульбе-скотоводы встали под его протекцию, чтобы защитить себя как от *догонов*, так и от туарегов НДОА (Национальное движение освобождения Азавада)⁹, разграблявших их стада [4, pp. 7-9; 13, р. 13]. Прошедшие в МУДЖАО боевую подготовку фульбе после его распада взяли на себя функцию защиты своих братьев - именно они стали боевым ядром катибы «*Масина*» [9, pp. 157, 170-171; 2, pp. 12, 15; 16, р. 4].

Все эти факторы позволили Х.Куффе привлечь на свою сторону большую часть фульбе из кланово-кастовой структуры *седобе*, но также отдельные группы фульбе *толебе* и *джелгобе* (см. о них ниже) [4, р. 13; 5, pp. 38, 45; 8, pp. 10-11]. Уже в 2016 г. малийцы, побывавшие в рядах катибы «*Масина*», свидетельствовали: «я присоединился к группировке Хаммадуна Куффы, чтобы защитить себя от бамбара; если ты ее член, никто не смеет тебя трогать»; «с тех пор как государство нас оставило, мы защищаемся так, как можем»; «я потерял мой участок земли по суду, потому что у меня не было денег, чтобы заплатить судье; правосудие здесь коррумпировано» [17, pp. 5-6].

Чтобы уменьшить меж- и внутриобщинные трения, люди Х.Куффы взяли в свои руки регулирование порядка пользования водными и земельными ресурсами: особенно разрешение споров о традиционных правах и налогах между землевладельцами (элитой фульбе, *догонами*, *бамбара*) и скотоводами-фульбе. Эти функции осуществляют уже в течение нескольких лет суды улемов, действующие при поддержке автономных вооруженных отрядов, каждый из которых имеет свой центр (араб. *марказ*) в лесных и малодоступных районах Мопти [6, pp. 5, 19; 10, pp. 35-37; 7, р. 76]. Отменив госналоги, повстанцы собирают в денежной или натуральной форме «*закят*», но при этом существенно помогают бедным общинникам и защищают их от бандитизма, повсеместно распространившегося в последние годы [6, р. 13; 7, pp. 78-79; 10, pp. 30-34].

Чтобы установить новый порядок катибы «*Масина*» понадобилось устранить или физически уничтожить тех глав сельских общин и марабутов¹⁰, которые не хотели ему подчиниться [7, р. 74; 9, pp. 161, 173; 10, р. 40]. Однако прежде чем прибегнуть к репрессиям, люди Х.Куффы требовали от них прекратить сотрудничество с властями, а когда начальная острая фаза установления контроля была пройдена, повстанцы смогли найти взаимопонимание с элитой фульбе [7, pp. 75, 79; 2, pp. 11-12; 12, р. 6].

Все дело в том, что налогообложение и правосудие, установленные людьми Х.Куффы, оказались более приемлемы, чем нерегулируемые поборы коррумпированных госчиновников и элиты фульбе [5, pp. 36-38;

⁶ In Central Mali, civilian populations are caught between terrorism and counterterrorism. Paris & Bamako: FIDH & AMDH, 2018.

⁷ "We used to be brothers". Self-defense group abuses in Central Mali. New York: HRW, 2018.

⁸ С языка *догонов* выражение «дан на амба сагу» можно перевести примерно как «охотники, верящие в бога».

⁹ Подробнее о МУДЖАО и НДОА см.: [15].

¹⁰ В Центральном Сахеле марабуты (имамы, улемы и знатоки Корана) играют важную роль в расстановке политических сил, особенно - на локальном уровне.

7, p. 78; 9, p. 180]. Это привлекло на сторону «Масины» поддержку со стороны широких слоев населения даже вне зависимости от этнического и конфессионального факторов [6, p. 13; 8, p. 17; 18, p. 25].

Постепенно влияние катибы «Масина» распространилось от границы с Мавританией до Буркина Фасо и отчасти Кот-д'Ивуара.

«АНАСАР-УЛЬ ИСЛАМ»: В ОРБИТЕ КАТИБЫ «МАСИНА»

Известия о группировке «Ансар-уль ислам» появилась в СМИ после нападения 16 декабря 2016 г. на военный пост в Насумбу, расположенный в 30 км от границы с Мали: 12 солдат погибло [19, p. 4; 20, pp. 11-12]. Ее лидер - марабут Ибрагим Бурейма Дико (этнический фульбе) был хорошо известен в Буркина Фасо своими салафитскими проповедями на радио и в мечетях [19, p. 3; 9, pp. 216-218]. Идеологически сплоченным ядром группировки стали моджахеда-фульбе из кланово-кастовой структуры *джелгобе*, уже имевшие военный опыт [4, p. 13; 3, pp. 35-38].

Активность «Ансар-уль ислам» в основном сконцентрирована вдоль границы с Мали и Нигером в буркинийской области «Сахель» - в XIX в. здесь были созданы в результате джихада фульбе три эмирата: Джелгоджи, Липтако и Йарга [19, pp. 1-2]. Финансовую и техническую поддержку группировке оказала катиба «Масина», поэтому некоторые опорные пункты «Ансар-уль ислам» находились в районе Гурмы (Мали) [20, pp. 12-13]. После гибели или тяжелого ранения И.Дико в апреле 2017 г. - в результате совместной операции буркинийских и французских сил - группировку возглавил его брат Джафар, пошедший на дальнейшее сближение с Х.Куффой [19, p. 4; 20, p. 11; 21, p. 2].

Начиная с 2016 г. армия и спецслужбы Буркина Фасо оказывают излишне жесткий нажим на этнических фульбе по одному только подозрению в сотрудничестве с «джихадистами»: повальные аресты, расправы, экспроприации скота [20, pp. 20-22; 3, p. 36]¹¹. Положение усугубили действия этномилииции «Когльвеого»¹², которая так же, как малийская «Дана Амбасагу», является не пирамидальной (руководимой из одного центра), а сеточной структурой, состоящей из многочисленных, но небольших вооруженных отрядов, формируемых для самозащиты по *ad hoc* принципу в отдельных сельских общинах [19, pp. 12-13; 20, pp. 8-9; 9, pp. 229-231].

Большинство отрядов «Когльвеого» состоят из *моси* - основной этнической группы страны, лучше других представленной в ее административных структурах [20, pp. 7, 10; 3, p. 25; 19, p. 2]. Действия этномилииции и силовых структур подрывают у общин фульбе доверие к государству и уже подтолкнули многих из них искать защиты у повстанцев или присоединяться к ним [22, pp. 7-9; 20, pp. 21-23]. Неудивительно, что «Ансар-уль ислам» отвечают террором на террор, уничтожая госслужащих и лояльных власти имамов-фульбе [19, pp. 4-6; 9, p. 218].

Наконец, еще в 2015 г. при поддержке «Ансар ад-Дин» была сформирована катиба «Халид бен Валид», объединившая фульбе, малинке и *моси* из приграничных районов Буркина Фасо, Кот-д'Ивуара и Мали [20, p. 14; 3, pp. 39-40; 16, p. 4]. Сильно ослабленная в результате действий силовиков и ареста ее командира Сулеймана Кеита уже в 2016 г. - эта катиба продолжала совершать мелкие теракты, затем, по-видимому, слившись с «Ансар-уль ислам» [3, p. 19; 21, p. 3].

ИГБС: ОТ ГРУППИРОВКИ К АЛЬЯНСУ

Хотя Аднан Абу Валид Ас-Сахрауи (уроженец Западной Сахары Лебиб улд Али улд Саид улд Джумани, 1973-2021) провозгласил клятву верности лидеру ИГИЛ в мае 2015 г., только после серии нападений в сентябре-октябре на силовые структуры в Буркина Фасо и Нигере, он был официально признан 30 октября 2016 г. [23, pp. 26-28; 9, pp. 200-201; 24, p. 8]. На карте Африки появилась группировка «Исламское государство в Большой Сахаре» (ИГБС), хотя сами джихадисты не используют это наименование: в пресс-релизах ИГИЛ она упоминается только как подразделение «Западноафриканской провинции Исламского государства» (ЗАПИГ), в свою очередь отделившейся от нигерийской террористической организации «Боко Харам» [22, p. 9].

Первоначальный костяк ИГБС составили опытные моджахеда, воевавшие ранее в рядах МУДЖАО, среди которых было немало этнических фульбе [1, pp. 126-127; 14, p. 18; 25, p. 6]. Центром дислокации ИГБС стала пограничная область между Мали и Нигером, охватывающая южную Менаку и северное Тилабери, где кочуют фульбе-толебе [19, pp. 1-2; 24, pp. 8-11; 16, p. 9]. ИГБС осуществляет защиту интересов фульбе преимущественно именно этой кланово-кастовой структуры [3, p. 35; 9, pp. 209-210; 24, p. 3].

¹¹ "By day we fear the army, by night the jihadists": Abuses by armed Islamists and security forces in Burkina Faso. New York: HRW, 2018.

¹² На языке *моси* - «лесные стражи».

Фульбе-толебе занимаются сезонным отгонным скотоводством и исторически испытывали конкуренцию за пастбища и источники воды, переросшую за последние 30 лет в кровопролитные конфликты: прежде всего из-за резкого демографического роста [26, pp. 24-25; 1, pp. 122-124; 25, p. 5]. Толебе оказались «зажаты» между хорошо вооруженными туарегами *имрад* и *дауссахак* на севере, не раз разграблявшими их стада, и *джерма*-сонгаи и *хауса* на юге, занимающими ранее «свободные» пастбища под земледелие. В Нигере на всех уровнях госструктур лучше представлены именно сонгаи и *хауса*; ограниченное административное представительство¹³ имеют лишь общины фульбе из кланово-кастовой структуры *водабе*, а толебе лишены даже его [24, pp. 3-9; 9, pp. 201-210; 1, p. 126].

Ситуация острой этноконкуренции за ресурсы и политическое влияние дает совершенно иную перспективу тому факту, что в ряды ИГБС вступает много фульбе-толебе [24, p. 3; 3, pp. 29, 35, 41]. Неслучайно его ключевыми противниками на коммунальном уровне стали те вооруженные группировки туарегов, которые являются традиционными конкурентами толебе в области Менака: «Группа самозащиты туарегов имрад и их союзников» (на фр. - *GATIA*), и «Движение за спасение Азавада» (*MSA*). Если *GATIA* отстаивает интересы *имрад*, то за громким названием *MSA* скрылись в основном *дауссахак* [25, p. 8; 9, pp. 201-203; 1, p. 127].

Однако было бы ошибкой отождествлять этнические общности с вооруженными группировками. В *GATIA* и *MSA* есть этнические фульбе, а среди командиров и комбатантов ИГБС важную роль играют туареги-*дауссахак* и арабы-*ламхар* [8, p. 15; 3, p. 39]¹⁴. Именно поэтому конфликты между *MSA* и ИГБС в 2017 г. привели к поражению первого: ряд кланов *дауссахак* вышли из его состава, не желая обострять отношения с Абу Валидом Ас-Сахрауи, а некоторые из них даже встали под его защиту [24, p. 15; 9, p. 204; 16, pp. 9-10].

Это произошло в контексте «контртеррористических» операций против ИГБС, которые *GATIA* и *MSA* проводили с лета 2017 г. при поддержке нигерских, малийских и французских сил [24, pp. 13-16; 25, p. 9]. На деле же, как в Мали, так и в Нигере, основной удар туарегов приняли на себя фульбе-толебе, а также те кланы *дауссахак*, которые не были связаны с *MSA*: это подтолкнуло и первых, и вторых искать протекции у джихадистов [25, pp. 9-10; 24, pp. 15, 17; 9, pp. 208, 213]. Начиная с 2019 г. жестокий нажим на население северного Тилабери стали оказывать сами нигерские силовики, в результате чего под защиту ИГБС встали отдельные кланы фульбе-*водабе* и даже некоторые общины этнических *джерма* [1, pp. 128, 130; 26, pp. 5, 17].

Действия *GATIA* и *MSA* вызвали перегруппировку среди джихадистов - на сторону ИГБС перешли две небольшие катибы, состоявшие ранее в рядах МУДЖАО: Султана улд Бади (катиба «*Салах-ад-дин*») и Абдуль-хакима ас-Сахрави. Хотя обе катибы дислоцировались в районе Гурмы, в них было немало фульбе-толебе, которые и поспешили на помощь своим кланам [26, p. 9; 16, p. 4]¹⁵.

Усилившись, ИГБС смогло нанести несколько ответных ударов. Широкое внимание привлекло нападение его моджахедов в октябре 2017 г. на международный патруль в нигерском поселении Тонго Тонго, отмеченное в видео-релизах ИГИЛ: погибли четверо американских «зеленных беретов», столько же нигерских военных и переводчик [24, pp. 8, 15; 26, p. 3; 9, p. 206]. В США разразился политический скандал, т.к. широкой публике не было известно, что американские военные принимают участие в боевых действиях в Центральном Сахеле [32].

Выявление комбатантов ИГБС до крайности затрудняет то, что его подразделения пользуются существенной автономией и дисперсно распределены в сельской местности, мобилизуясь (часто на мотоциклах) только для конкретных акций [26, p. 5; 22, p. 11; 1, pp. 127-128]. Вопреки неоднократным заявлениям *GATIA* и *MSA* в 2018 г. об уничтожении ИГБС, в следующем году последовали крупные нападения на военные базы в приграничной зоне Мали-Нигера, в результате которых погибло большое число военнослужащих: в мае - 28, в июле - 18, в ноябре - 53; в декабре - 71; в январе 2020 - 89 [26, pp. 13-14; 3, pp. 12-13; 25, pp. 1-2].

Одновременно ИГБС установило тесные контакты с фульбе, населяющими районы Буркина Фасо, приграничные с Нигером. В 2018-2019 гг. моджахедам удалось поставить здесь под свой контроль ряд открытых месторождений золота и привлечь на свою сторону общины фульбе, пострадавшие от деятельности золотодобывающих компаний [19, p. 7; 20, pp. 8-14; 14, p. 16; 9, p. 207]. В ответ власти Буркина Фасо обрушили на фульбе жестокие массовые репрессии, что имело тот же эффект, что и в Нигере: они стали искать защиты у джихадистов [3, p. 38; 20, pp. 21-23].

Росту популярности ИГБС среди населения служит несколько факторов. Как в Нигере, так и в Буркина Фасо, ИГБС ввело сбор «*закята*», превратив его в обязательный налог, однако при этом поддерживает

¹³ Речь идет о «*chefferies administratives*» - представительных органах самого низового уровня (небольших кочевых групп-кланов), все еще называемых «административные советы вождей» на колониальный манер.

¹⁴ Final report, 2018. The Panel of Experts established pursuant to Security Council resolution 2374 (2017) on Mali, S/2018/581. New York: UNSC. Pp. 17-20.

¹⁵ Final report, 2018... P. 18; *MENASTREAM*, 30.06.2018. <http://menastream.com/katiba-salaheddine-response-to-aggression/> (accessed 10.12.2021)

наиболее бедных граждан [24, pp. 11-12; 22, p. 10; 9, pp. 207-208]. Передвижные суды улемов ИГБС взяли на себя регулирование земельных споров, а разбойничьи нападения на стада стали пресекать [1, pp. 125, 129]. Глава одного из кланов фульбе в северном Тилабери так охарактеризовал ситуацию: «Джихадисты как бы заменили туарегов-рейдеров, которые годами разграбляли наши стада. Джихадисты приходят раз в год и берут одну из каждых 60 коз и овец и сверх того - одну корову из 30. Раньше это была *razzia*¹⁶ - забирали всё. У моего отца отняли всё, он был убит имрад в 2002-м. ... С людьми Абу Валида стало безопаснее...» [26, p. 6].

Важным шагом на пути роста международного влияния Абу Валида Ас-Сахрауи стало установление регулярных контактов с ЗАПИГ, а через нее и с ИГИЛ [26, p. 13; 24, p. 10]. В апреле 2019 г. лидер последнего Абу Бакр аль-Багдади подчеркнул роль Ас-Сахрауи в распространении джихада в Западной Африке [3, p. 22]. К этому времени моджахеды ИГБС уже обосновались как в северных районах Бенина, так и в центральной части пограничной зоны Нигера и Нигерии, где фульбе-толебе имеют исторические корни [3, pp. 40-42; 22, pp. 9-10].

ЛИДЕРЫ И СТРУКТУРА ДНИМ

В описанном выше контексте - возникновения новых группировок и сильных лидеров, расширения движения протеста и усиления репрессивных мер со стороны всех трех государств Центрального Сахеля - было объявлено 2 марта 2017 г. о создании нового альянса: «Движение защиты ислама и мусульман» (*Jamā'at Nuṣrat al-Islām wa-l-Muslimīn* - JNIM). Следуя традициям, ДНИМ принесло клятву верности не только А.Друкдаю (эмиру АКИМ), но и лидерам «Аль-Каиды» и афганского «Талибана» [27, p. 4; 28, p. 9].

Создание ДНИМ было тщательно спланировано: уже 14 марта А.Друкдаю признал его, а 19 марта последовало признание от «Аль-Каиды» [27, p. 4]. Альянс сразу же стал концентрировать основные свои удары на военных объектах, не снижая своей активности в последующем [29, pp. 12-13; 14, p. 8; 21, p. 5].

Сущность альянса - в союзе группировки «Ансар ад-Дин» Ийад аг Гали, провозглашенным эмиром ДНИМ, с двумя подразделениями АКИМ - «Сахарским эмиратом» и «Альморавидами». В официальном видео-релизе о создании ДНИМ было заявлено о союзе только этих 3 группировок, однако, помимо их лидеров, в нем также присутствовали Хаммадун Куффа (глава катибы «Масина») и Абу Абдурахман Али Ас-Санхаджи - марокканец Али Маишу [27, pp. 2, 4; 21, p. 3].

Х.Куффа был назначен заместителем эмира ДНИМ не только как глава самой большой катибы, но и как знаток ислама, а Ас-Санхаджи ранее исполнял важные функции исламского судьи (*кади*) в АКИМ [27, p. 2; 28, p. 9]. Именно такие лица, как Ас-Санхаджи, подготавливают *фетвы* и другие «авторитетные» заявления, издаваемые от имени «консультативного совета» (араб. - *маджлис аш-шӯри*) - основного органа управления во всех группировках, вошедших в ДНИМ [6, pp. 4-5; 23, pp. 25, 39].

«Сахарский эмират» в видео-релизе о создании ДНИМ представлял его лидер с 2012 г. Яхья Абу Аль-Хаммам, а «Альморавидов» - Хасан Аль-Ансари, он же малийский араб Мохамед улд Нуини (уб. 2018) [27, p. 2; 21, p. 3].

Отсутствие М.Бельмохтара возбудило подозрения, что он погиб в результате авиа-удара в ноябре 2016 г. в Ливии, однако заявления об этом ни от джихадистов, ни от Франции не последовало [23, pp. 49-50]. Свидетельство нигерского санитара, ухаживавшего за раненым М.Бельмохтаром, заставляет предполагать, что он жив, но потерял способность передвигаться¹⁷.

После гибели Абу Аль-Хаммама в феврале 2019 г. «Сахарский эмират» возглавил Ас-Санхаджи (Али Маишу), но и он был вскоре убит [21, p. 3]¹⁸. Потеря наиболее близких и влиятельных соратников А.Друкдаю (эмира АКИМ) в Центральном Сахеле, вынудило его, наконец, посетить Северное Мали, где и он погиб в июне 2020 г. [28, p. 16].

Без громких публичных заявлений на правах катибы в ДНИМ вступили еще две группировки. Буркинийская «Ансар-уль ислам» и группировка туарега Альмансура аг Алькаsuma (катиба ААА/«Зерма»), дислоцированная в лесном массиве Зерма (район Гурмы). Последняя сыграла важную роль посредника между «Ансар-уль ислам» и «Ансар ад-Дин», так как в нее, помимо туарегов *имрад* и *имушар*, входят фульбе, воевавшие ранее в МУДЖАО. После гибели Альмансура в 2018 г. катибу «Зерма» возглавил Абу Джалиль аль-Фулани, т.е. этнический фульбе [20, pp. 11-12; 21, p. 3; 16, p. 4].

Мнение исследователей о характере ДНИМ существенно расходятся. Если ученые, связанные с военными исследовательскими центрами США, полагают, что это союз разнородных вооруженных группиро-

¹⁶ Это слово, происходящее от араб. «военный рейд» (غزوّة), приобрело в сахельском контексте значение «бандитское нападение».

¹⁷ Belmokhtar, grièvement blessé mais toujours en vie. *Middle East Eye*, 13.12.2016. <https://www.middleeasteye.net/reportages/belmokhtar-grievement-bless-mais-toujours-en-vie-1484159733> (accessed 10.12.2021)

¹⁸ Final report, 2018... P. 21.

вок [21], то европейские исследователи указывают на прочные связи в рамках ДНИМ, имеющие потенциал дальнейшего развития (см., напр.: [28; 29]).

С нашей точки зрения, структура ДНИМ оптимальна. Основную ударную силу составляют небольшие, но сплоченные многолетним опытом подразделения моджахедов («Альморавиды» и «Сахарский эмират», катибы «Зерма» и «Юсуф ибн Ташфин»). Широкую социальную базу имеют крупные катибы «Масина» и «Ансар-уль ислам», объединяющие по принципу сети множество ячеек, в которых сражаются далеко не только джихадисты. Политическим ядром являются «Ансар ад-Дин». Наконец, Ийад аг Гали и Хаммадун Куффа - это люди с огромной харизмой и опытом, международными связями и финансовыми возможностями, влиянием и поддержкой в самых различных этносоциальных группах: элиты и вассалов *туарегов*, арабов *берабиш* и *ламхар*, скотоводов и марабутов *фульбе*.

СОПОСТАВЛЕНИЕ АЛЬЯНСОВ

Структура и взаимодействие с локальным населением альянсов ДНИМ и ИГБС выстроены на схожих принципах. Разрешение коммунальных споров, защиту этно-общин и акции устрашения осуществляют автономные отряды-ячейки - их отношения с населением разнообразны и не сводятся к одной модели [20, pp. 15-16; 9, pp. 160-161; 14, pp. 18-20]. В обоих альянсах широко используются посредники из среды местного населения - женщины, дети и начинающие рекруты, которые выполняют функции связных, проводников, информантов и подсобной рабочей силы [6, pp. 4-5; 17, pp. 3, 5].

Оба альянса смогли наладить реципрокное сотрудничество не только с определенными кланами, но и с теми, кого власти относят к бандитам, браконьерам и контрабандистам [22, pp. 6-13; 14, pp. 11-15; 5, pp. 38-39]. В контексте постоянных «контртеррористических» операций происходит смешение этих категорий как между собой, так и с термином «джихадисты» [4, p. 14; 22, p. 12; 3, pp. 26-27].

Уже давно крайнее недовольство местного населения вызывает коррупция охраняющих заповедники госслужащих, взыскивающих с местных жителей непомерные штрафы и налоги, в то время как западные туристы имеют во всем приоритет [22, p. 5; 20, pp. 6, 14; 2, pp. 10-11]. По словам традиционного охотника из Буркина Фасо: «Джихадисты разрешили нам охотиться без всяких ограничений и обещали защищать нас»; по словам другого: «С тех пор как эти группировки¹⁹ появились, мы можем охотиться спокойно. Многие из наших братьев и детей присоединяются к ним» [14, pp. 17-18].

В тяжелых эколого-экономических условиях Центрального Сахеля нелегальной трансграничной торговлей в той или иной степени заняты практически все слои населения. Не облагаемые налогом торговля (скотом, продовольствием, медикаментами, горючим и автотранспортом) и миграционные потоки являются единственным источником существования для широкого круга акторов. При этом далеко не все из них торгуют оружием и наркотиками, что требует сильной вооруженной протекции и опоры на родственные связи среди таможенников и военных [14, pp. 9-15; 18, pp. 27-30; 22, pp. 1-3].

В этой ситуации ДНИМ и ИГБС взяли на себя функции по защите «коммерсантов» из самых различных этнических групп, избегая спекуляций на этнические темы и придерживаясь эгалитарной риторики [19, p. 5; 25, p. 7; 16, pp. 6-10]. Например, Х.Куффа не раз призывал фульбе присоединяться к джихаду, но при этом подчеркивал, что «наша битва не за дело фульбе» (цит. по: [9, pp. 185-186]).

Однако сложившаяся ситуация привела к политической «этнизации» конфликта - во время «контртеррористических» операций силовые структуры трех стран Центрального Сахеля нередко рассматривают всех фульбе, имевших контакты с джихадистами или носящих оружие, как террористов [20, pp. 18-22; 1, pp. 122-124; 9, pp. 174-175].

Эта разрушительная для социальной ткани тенденция принижает вес религиозного фактора, не учитывает меж- и внутриобщинные антагонизмы и не может объяснить того, что в рядах ДНИМ уже сражаются *догоны*, *бамбара*, *сонгаи*, *моси* и представители других этнических групп [3, p. 39; 9, p. 190; 19, p. 5; 10, p. 28]. Об ошибочности отождествления вооруженных группировок с этническими общностями в случае ИГБС было сказано выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2016-2021 гг. социальные институты, импортированные в Центральный Сахель с Запада, подверглись сильной эрозии (хотя этот процесс шел и ранее), а их функции взяли на себя альянсы ДНИМ (Движение защиты ислама и мусульман) и ИГБС (Исламское государство в Большой Сахаре), более укорененные в локальных кланово-кастовых структурах, чем алжирская АКИМ, потерявшая связь со своим народом.

¹⁹ Имеются в виду катибы ДНИМ.

ДНИМ соединило в себе сложным образом социальное движение эгалитарного типа, ирредентизм и идеологию международного джихадизма; неприятие и террор против социальных институтов, созданных по западному образцу; протекцию населения и управление на основе исламского права. Со времени первой попытки введения шариата в Северном Мали в 2012 г. повстанцы многому научились: учитывать интересы и примирять различные слои общества; наказывать девиантное поведение своих собственных комбатантов, действуя строго в рамках исламского права; избегать неоправданных жертв среди мирного населения и излишнего ригоризма салафитских норм, учитывая африканские традиции.

Напротив, ИГБС не избегает жертв среди мирного населения, следуя в этом ИГИЛ. Его подразделения разбросаны на территории трех-четырех стран и связь между ними часто ослаблена. Хотя под протекцию ИГБС встали самые различные в этническом плане общины, его узкой социальной базой остаются преимущественно фульбе, причем из одной только кланово-кастовой структуры. Неспособность ИГБС преодолевать кланово-кастовые противоречия может оказаться главным препятствием на пути его экспансии. Усиление конкуренции с ДНИМ (подробнее см.: [7]), гибель в 2021 г. Ас-Сахрауи²⁰ и активная военная кампания Франции на территории Нигера, скорее всего, ослабят ИГБС.

Соотнося полученные выводы с ранее проведенными исследованиями (см.: [11]), можно заключить следующее.

Создание исламского государства путем джихада фульбе - феномен не только не новый для Западной Африки, а архетипичный; подавление его силой в случае ДНИМ будет иметь крайне негативные последствия. ДНИМ может сыграть ту же роль в истории Мали и Буркина Фасо, которую сыграло движение «Талибан» в Афганистане²¹.

Напротив, ИГБС - это, вопреки его названию, проявление в первую очередь сегментированного терроризма и только во вторую - повстанческого движения фульбе. Однако исключительно военный нажим на ИГБС без широкой социальной интеграции населения фульбе может привести только к тому, что его комбатанты будут переходить на сторону других группировок, как уже было в прошлом. Сложилась ситуация, при которой «миротворцы» международных контингентов воюют не столько с убежденными джихадистами, сколько с молодыми людьми, защищающими свои этнические общины.

Необходим поиск более гибких подходов в законодательстве на международном уровне. Ситуация в Центральном Сахеле быстро меняется - были устранены ведущие лидеры, признанные СБ ООН террористами: А.Друкдаль, М.Бельмохтар, Абу Аль-Хаммам, Али Ас-Санхаджи, М. улд Нуини и др. ДНИМ оказался в руках более умеренных и старших по возрасту лидеров: Ийада аг Гали и Хаммадуна Куффы. Именно с последними призывают вступить в диалог уже не один год ряд видных малийских политиков как высшего, так и регионального уровня (см.: [31; 6]).

Не пришло ли время задуматься о том, что официальное признание их «террористами» на уровне СБ ООН было не в интересах Республики Мали?

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Boås M., Cissé A.W., Mahamane L. 2020. Explaining violence in Tillabéri: Insurgent appropriation of local grievances? *The International Spectator*. Vol. 55 (4). DOI: 10.1080/03932729.2020.1833567
2. Benjaminsen T.A., Ba B. 2018. Why do pastoralists in Mali join jihadist groups? A political ecological explanation. *The Journal of Peasant Studies*. DOI: 10.1080/03066150.2018.1474457
3. Pellerin M. 2019. Armed violence in the Sahara. Are we moving from jihadism to insurgency? Paris: IFRI.
4. Central Mali: An uprising in the making? 2016. *Crisis Group Africa Report*. № 238. Brussels: ICG.
5. Thiam A. 2017. Centre du Mali: Enjeux et dangers d'une crise négligée. Genève: CDH.
6. Speaking with the "bad guys": Toward dialogue with Central Mali's jihadists. 2019. *Crisis Group Africa Report*. № 276. Brussels: ICG.
7. Baldaro E., Diall Y.S. 2020. The end of the Sahelian exception: Al-Qaeda and Islamic State clash in Central Mali. *The International Spectator*. Vol. 55 (4). DOI: 10.1080/03932729.2020.1833566
8. Reversing Central Mali's descent into communal violence. 2020. *Crisis Group Africa Report*. № 293. Brussels: ICG.
9. Thurston A. 2020. Jihadists of North Africa and the Sahel: Local Politics and Rebel Groups. Cambridge: University Press.
10. Ursu A.E. 2018. Under the gun. Resource conflicts and embattled traditional authorities in Central Mali. The Hague: NIIRC.
11. Пonomarev И.В. (отв. ред.). Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Том 4. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог. М.: ИАФР РАН, 2020.
Ponomarev I.V. (ed.). 2020. Radical Islamic movements on the global political map. Vol. 4. The Sahara-Sahel zone and the African Horn. Moscow. (In Russ.)

²⁰ French troops kill leader of Islamic State group in Sahel, Macron says. *France24*, 16.09.2021. <https://www.france24.com/en/africa/20210915-french-troops-neutralise-leader-of-islamic-state-in-the-greater-sahara-macron-says> (accessed 10.12.2021)

²¹ Сопоставление ситуации в Центральной Азии и Центральном Сахеле должно учитывать существенные различия этих двух регионов (см.: [30]).

12. Jourde C., Brossier M., Cissé M.G. 2019. Prédation et violence au Mali: élites statutaires peules et logiques de domination dans la région de Mopti. *Revue canadienne des études africaines*. DOI: 10.1080/00083968.2019.1666016
13. Tobie A. 2017. Central Mali: violence, local perspectives and diverging narratives. *Insights on Peace and Security*. № 5. Stockholm: SIPRI.
14. Assanvo W. et al. 2019. Violent extremism, organized crime and local conflicts in Liptako-Gourma. *West Africa Report*. № 26. Pretoria: ISS.
15. Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период первый: 2007-2015. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 11, с. 39-45. DOI: 10.31857/S032150750017391-2
Ponomarev I.V. 2021. Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The first stage: 2007-2015. *Asia and Africa today*. № 11, pp. 39-45 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017391-2
16. Sandor A., Campana A. 2019. Les groupes djihadistes au Mali, entre violence, recherche de légitimité et politiques locales. *Revue canadienne des études africaines*. DOI: 10.1080/00083968.2019.1667838
17. Théroux-Bénoni L.-A. et al. 2016. Mali's young 'jihadists'. Fuelled by faith or circumstance? *Policy Brief*. № 89. Pretoria: ISS.
18. Osland K.M., Erstad H.U. 2020. The fragility dilemma and divergent security complexes in the Sahel. *The International Spectator*. Vol. 55 (4). DOI: 10.1080/03932729.2020.1833474
19. The social roots of jihadist violence in Burkina Faso's North. 2017. *Crisis Group Africa Report*. № 254. Brussels: ICG.
20. Burkina Faso: Stopping the spiral of violence. 2020. *Crisis Group Africa Report*. № 287. Brussels: ICG.
21. Eizenga D., Williams W. 2020. The puzzle of JNIM and militant Islamist groups in the Sahel. *Africa Security Brief*. № 38. Washington: ACSS.
22. South-western Niger: Preventing a new insurrection. 2021. *Crisis Group Africa Report*. № 301. Brussels: ICG.
23. Mémier M. 2017. AQMI et Al-Mourabitoun: le djihad sahélien réunifié? Paris: IFRI.
24. Frontière Niger-Mali: Mettre l'outil militaire au service d'une approche politique. 2018. *Rapport Afrique de Crisis Group*. № 261. Bruxelles: ICG.
25. Raineri L. 2020. Explaining the rise of jihadism in Africa: The crucial case of the Islamic State of the Greater Sahara. *Terrorism and Political Violence*. DOI: 10.1080/09546553.2020.1828078
26. Sidelining the Islamic State in Niger's Tillabery. 2020. *Crisis Group Africa Report*. № 289. Brussels: ICG.
27. Galán S.A. 2018. Jamā'at Nuṣrat al-Islām wa-l-Muslimīn: A propaganda analysis of al-Qaeda's project for the Sahel. Madrid: ERI.
28. Henningsen T.B. 2021. The crafting of alliance cohesion among insurgents: The case of al-Qaeda affiliated groups in the Sahel region. *Contemporary Security Policy*. DOI: 10.1080/13523260.2021.1876455
29. Pollichieni L. 2021. A case of violent corruption: JNIM's insurgency in Mali (2017-2019). *Small Wars & Insurgencies*. DOI: 10.1080/09592318.2021.1902630
30. Malejacq R., A. Sandor 2020. Sahelistan? Military intervention and patronage politics in Afghanistan and Mali. *Civil Wars*. DOI: 10.1080/13698249.2020.1813405
31. Bouhlel F. 2020. (Ne pas) dialoguer avec les groupes «jihadistes» au Mali? Entre contradictions normatives, «manqués» de la médiation... et nécessité heuristique. Berlin: FB.
32. Maclean R. Niger Islamic State hostage: 'They want to kill foreign soldiers'. *The Guardian*, 05.06.2018. <https://the-guardian.com/world/2018/jun/05/hostage-niger-islamic-state-group-they-want-to-kill-foreign-soldiers/> (accessed 10.12.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пономарев Илья Вячеславович, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Ilia V. Ponomarev, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Civilization and Regional Studies of Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 02.12.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.01.2022

Принята к публикации
(Accepted) 29.01.2022

Малый и средний бизнес в Южной Корее и Сингапуре в условиях пандемии COVID-19

© Заболоцкая В.В.^{a,b}, 2022

^a Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

^b Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-9808-127X; zvikky90@gmail.com

Резюме. В статье проанализированы особенности государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) стран-лидеров азиатской мировой модели инновационного развития - Южной Кореи и Сингапура. Представлен анализ новых антикризисных программ финансово-кредитной поддержки субъектов МСП в условиях коронавирусной инфекции (COVID-19). Предложены направления использования опыта Южной Кореи и Сингапура для развития системы государственной финансовой-кредитной поддержки МСП в России и преодоления последствий коронавирусного кризиса.

Для снижения финансовой нагрузки на федеральный бюджет России целесообразно развивать формы государственно-частного партнерства для поддержки МСП. Эта цель может быть достигнута за счет создания благоприятной среды для инновационной деятельности субъектов МСП и крупного бизнеса, а также стимулов для ускорения коммерциализации и продвижения результатов научных исследований и разработок на мировой рынок инноваций.

Изучение и адаптация к условиям России опыта стран-лидеров азиатской модели экономики могут быть полезны при создании адресных государственных программ предоставления кредитных гарантий и субсидий для МСП, форм налогового стимулирования крупного бизнеса и иностранных инвесторов. Эти меры будут способствовать росту занятости и увеличению вклада МСП в валовой внутренний продукт. Опыт Южной Кореи и Сингапура может быть использован при организации форм онлайн-бизнеса и разработке целевых программ поддержки занятости в отраслях экономики, пострадавших от COVID-19.

Ключевые слова: Южная Корея, Сингапур, Россия, государственные институты развития, малые и средние предприятия, финансовая поддержка, инновации, пандемия COVID-19

Благодарность. Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-410-230060-п_а «Разработка новых подходов диагностики и прогнозирования социально-экономического развития субъектов малого и среднего предпринимательства Краснодарского края с использованием систем искусственного интеллекта».

Для цитирования: Заболоцкая В.В. (Краснодар). Малый и средний бизнес в Южной Корее и Сингапуре в условиях пандемии COVID-19. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 56-63. DOI: 10.31857/S032150750018780-0

Small and medium businesses in South Korea and Singapore in the context of the COVID-19 pandemic

© Victoria V. Zabolotskaya^{a,b}, 2022

^a Kuban State University, Krasnodar, Russia

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9808-127X; zvikky90@gmail.com

Abstract. The research article analyzes the features of public support for small and medium businesses (SMEs) in the leading countries of the Asian world model of innovative development (South Korea and Singapore). A comparative analysis of anti-crisis government programs of SMEs financing in conditions of COVID-19 is presented. The key directions of using the experience of South Korea and Singapore for the development of a system of state financial and credit support for SMEs in Russia and overcoming the consequences of the coronavirus crisis are proposed.

To reduce the financial burden on the federal budget, it is urgent for Russia to switch from SME state support to a system of public-private financial and credit support model. This goal can be achieved by developing an enabling environment for innovation of SMEs and large businesses and incentives to accelerate commercialization and promote Research and Development to the Global innovation market.

The study and adaptation to the conditions of Russia of the best practice of the leading countries of the Asian model of innovative economic development in the expansion of effective and targeted state programs of credit guarantees and subsidies for SMEs, forms of tax incentives for national large private companies and foreign investors would contribute to employment growth and increase the contribution of SMEs to Gross domestic product. The advanced experience of South Korea and Singapore can be useful in organizing forms of online business and developing targeted employment support programs in sectors of the economy affected by the COVID-19.

Keywords: South Korea, Singapore, Russia, government development institutions, small and medium-sized enterprises, financial support, innovation, pandemic COVID-19

For citation: Zabolotskaya V.V. (Krasnodar). Small and medium businesses in South Korea and Singapore in the context of the COVID-19 pandemic. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 56-63. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018780-0

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития мировой экономики характеризуется разнонаправленными трендами. С одной стороны, положительным фактором является увеличение интенсивности внедрения новых цифровых технологий и «удаленных» форм ведения бизнеса. С другой, наблюдается негативное воздействие пандемии коронавирусной инфекции (*COVID-2019*), приведшее к росту безработицы и уровня смертности населения, а также банкротству предприятий, особенно ярко ощутимых в секторе малого и среднего предпринимательства (МСП). Кризис, вызванный пандемией, охватил многие страны, что существенно ограничило возможности торгово-экономического сотрудничества и привело к замедлению мировой экономики, падению мирового спроса и ограничению доступа к финансовым ресурсам. В результате, как корпорациям, так и МСП стало труднее получать финансовую поддержку и инвестиции, генерировать и продвигать свои инновации. В таких жестких условиях только государства способны обеспечить наиболее благоприятный климат для развития бизнеса и инновационной деятельности, смогут преодолеть возникшие новые вызовы и риски. Формирование и сохранение благоприятной бизнес-среды, разработка эффективных целевых программ и инструментов для прекращения спада экономики и обеспечения роста МСП становятся важнейшими задачами государства.

Инновации в МСП и проблемы доступа к внешнему финансированию являлись предметом многочисленных экономических исследований. Сущность МСП, его инновационный потенциал, роль и значение финансовой поддержки государством в различных отраслях экономики были проанализированы авторами работ [1-12]. В исследованиях [9; 12-15] были изучены особенности экономик Южной Кореи [9] и Сингапура [12] и их государственных программ и институтов поддержки субъектов МСП [13-15]. Отдельные исследования были посвящены применению эконометрического моделирования для оценки эффективности финансирования МСП стран Азии, в т.ч. Южной Кореи и Сингапура. С помощью эконометрических моделей было проанализировано влияние темпов роста расходов государства на образование, науку и инновации в секторе МСП на темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП), чистого притока инвестиций [14;15].

В настоящей статье проведена систематизация последних изменений в программах и инструментах государственной финансовой поддержки субъектов МСП в ведущих азиатских странах (Южной Корее и Сингапуре) с целью выявления возможностей адаптации их перспективных элементов в Российской Федерации (РФ) в условиях *COVID-19*.

ЛИДЕРЫ АЗИАТСКОЙ МОДЕЛИ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Южная Корея и Сингапур - страны с *азиатской* моделью инновационного развития экономики. Эта модель характеризуется использованием механизмов заимствования инноваций других стран и их дальнейшим совершенствованием, а также высокой восприимчивостью стран-представителей к достижениям научно-технического прогресса (НТП) и быстрой адаптируемостью секторов экономики, в т.ч. сектора МСП к изменениям конъюнктуры мирового рынка [13;15]. Несмотря на пандемию *COVID-19*, Южная Корея и Сингапур демонстрировали высокие темпы экономического и инновационного развития (см. *табл.*).

Таблица. Ключевые показатели развития экономики Южной Кореи и Сингапура в период воздействия COVID-19 (2019–2021 гг.)

Table. Key indicators of economic development in South Korea and Singapore during the impact of COVID-19 (2019-2021)

Показатель	Значение показателя					
	Южная Корея			Сингапур		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Население (млн чел.)	51,71	51,8	51,8	5,7	5,94	5,45
ВВП на душу населения (\$ тыс.) (по методологии <i>World Bank</i>)	31,84	31,5	27,5	65,6	59,8	59,5
Валовые расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) к ВВП (%)	4,64	4,6	4,35*	2,6**	2,64*	1*
Экспорт товаров и услуг (\$ млрд)***	573,7	512,4	664,5	358	374,2	657,6

Показатель	Значение показателя					
	Южная Корея			Сингапур		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Экспорт МСП (\$ млрд) ****	100,9	112,6	-	-	-	-
Количество МСП (тыс. ед.) *****	6523**	6813**	-	272	279,7	-
Количество занятых работников в МСП (млн чел.)**	23,9	23,6	24,3	2,5	2,35	-
Доля МСП к общему количеству предприятий (%)	99,9	99,9	99	99	99	99
Международный рейтинг (место)						
<i>Doing Business</i>	5	5	5	2	2	2
<i>Bloomberg Innovation Index</i>	1	2	1	6	3	2
<i>Global Competitiveness Index</i>	13	-	-	1	-	-

Примечания:

* Прогнозные значения.

** рассчитано автором по данным «Statista»¹.

*** Singapore Department of Statistics официально не публикует данные об экспорте сектора МСП.

**** К МСП в Южной Корее относят хозяйствующие субъекты с численностью до 300 человек и размером выручки до \$30 млн. В Сингапуре - предприятия с численностью до 200 человек, оборотом до 100 млн синг. долл. (SGD; 1 SGD = \$0,74)). Категория «микропредприятие» в законодательной базе Сингапура отсутствует.

Составлено по: [16-20].

Как видно из таблицы, основу экономики Южной Кореи и Сингапура составляют субъекты МСП, активно ведущие наукоемкую инновационную деятельность, развивающиеся ускоренными темпами, в т.ч. и на мировом рынке. В Южной Корее сектор МСП составляет свыше 99% от общего количества всех предприятий страны, обеспечивая рабочие места для 88% населения [19]. Он, в основном, состоит из производственных предприятий, инновационных и высоко рискованных МСП. Сингапур также характеризуется высокой долей предприятий МСП (99%), обеспечивающих рабочие места для 70% населения. При этом вклад этого сектора в ВВП достиг 43% [20].

Лидирующие позиции этих стран в области инновационного развития подтверждают международные рейтинги: *Doing Business*, *Bloomberg Innovation Index*, *Global Competitiveness Index*.

Doing Business оценивает степень благоприятности созданных условий в стране для эффективного ведения бизнес-деятельности. Другие два международных рейтинга позволяют оценивать страны по уровню инновационного развития и конкурентоспособности. Как видно из таблицы, Сингапур является мировым лидером по уровню глобальной конкуренции и созданной благоприятной среды для ведения бизнеса. Южная Корея - лидер в области инновационного развития.

Главным государственным институтом поддержки МСП в Южной Корее является *Ministry of SMEs and Startups* [19]. Его функция - содействие росту предприятий сектора МСП и обеспечение их всесторонней финансовой поддержки, в т.ч. при выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Нарастание инвестиций в науку, технологии и сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) соответствует концепции *knowledge based economy* [21], направленной на устранение преград для стартапов, поддержку и развитие МСП с высоким потенциалом на мировом рынке. Для этих целей правительством страны были созданы творческие центры инноваций и коворкинга (*creative centers of innovations* и *co-working*), в которых осуществляется продвижение и обмен идеями между молодыми предпринимателями, их наставниками и венчурными инвесторами.

В Сингапуре были созданы государственно-частные программы поддержки субъектов МСП, реализуемые агентством *Enterprise Singapore* и *Agency for Science, Technology and Research* [13], а также программы стимулирования инноваций для проектов МСП и стартапов путем привлечения иностранных инвесторов [13;15].

Одной из общих особенностей экономик Южной Кореи и Сингапура является создание механизма стимулирования и финансовой поддержки НИОКР сектора МСП в форме государственно-частного партнерства (ГЧП) крупных частных корпораций и государственных институтов развития субъектов МСП [13]. Им выделяются субсидии на строительство в размере до 50 % от суммы проекта, компенсируется часть стоимости инвестиционных рисков ГЧП-проектов, предоставляется освобождение от уплаты налога на добавленную стоимость и / или ряда местных (региональных) налогов [21].

Таким образом, правительствами этих стран были созданы стимулы для крупного частного бизнеса выступать в качестве «драйверов» инновационного развития МСП в приоритетных отраслях и сферах. Такой

¹ Database «Statista». <https://www.statista.com/statistics/795297/employment-in-south-korea/> (accessed 10.06.2021)

рациональный подход позволил Южной Корее и Сингапуру совершить технологический и промышленный прорывы за сравнительно короткий временной период. Этому способствовало внедрение практики заимствования и улучшения новых технологий и инновационных продуктов зарубежных стран, а также ориентация на производство потребительских товаров массового спроса и широкое применение цифровых технологий.

Другим фактором успешного развития экономик Южной Кореи и Сингапура является реализация экспортно-ориентированной политики и использование иностранного капитала на раннем этапе жизненного цикла бизнеса [13]. Экспорт товаров, продукции и услуг сектора МСП Южной Кореи характеризуется *высокой ориентацией на Азию*. В 2019 г. экспорт сектора МСП в азиатские страны составил 63,4%, в 2020 г. - 61,2% [22].

Сингапур является самой экономически развитой страной в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и занимает выгодное географическое положение на пересечении морских путей, связывающих Азию и Европу, Ближний, Дальний Восток и Австралию [13]. Основными торговыми партнерами Сингапура являются Китай, Малайзия, США, Тайвань и страны ЕС [23]. Отсутствие значимых запасов полезных ископаемых и трудовых ресурсов, незначительный объем местного национального рынка обуславливают развитие экспорта высокотехнологичного оборудования, а также активное внедрение новых технологий, в т.ч. цифровых и ИКТ в секторе МСП.

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ И ПРОГРАММЫ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ЮЖНОЙ КОРЕЕ И СИНГАПУРЕ

Пандемия *COVID-19* оказала негативное влияние на сектор МСП большинства стран мира, в т.ч. Южную Корею и Сингапур (см.: [24-26]). На *диаграмме* показана динамика случаев заболевания коронавирусной инфекцией в Южной Корее и Сингапуре.

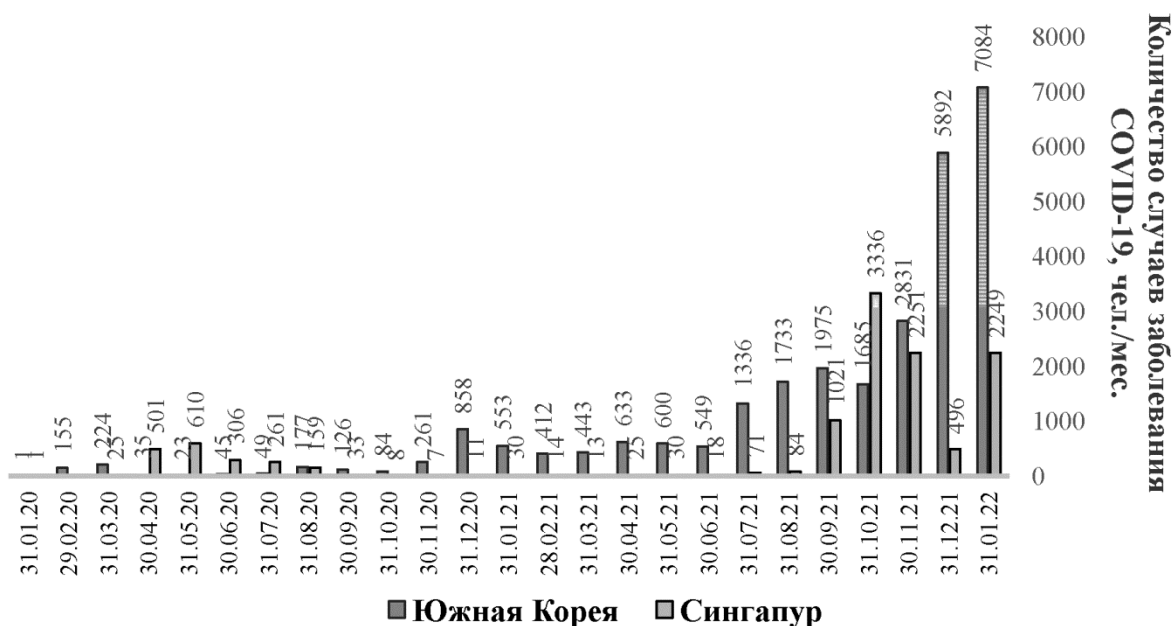

Диаграмма. Динамика изменения количества (среднемесячные значения) заболевших COVID-19 в Южной Корее и Сингапуре, чел.

Figure. Dynamics of changes in the number of cases of COVID-19 (monthly average) in South Korea and Singapore (persons).

Рассчитано автором по данным: John Hopkins University. JHU CSSE COVID-19 Data. <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed 31.01.2022)

Из *диаграммы* видно, что первые случаи заболевания в Южной Корее и Сингапуре были зафиксированы в конце января 2020 г. В Сингапуре уже к осени 2020 г. удалось практически прекратить рост количества заболевших. Однако в 2021 г. началась новая волна заболеваний после появления новых штаммов ("Delta" и "Omicron"). Количество умерших от коронавирусной инфекции (*COVID-19*) в Сингапуре за весь период пандемии составило 850 человек. В Южной Корее, в которой численность населения в 9 раз больше

(см. табл.), чем в Сингапуре, эпидемиологическую ситуацию все еще не удалось полностью стабилизировать, количество умерших от COVID-19 почти в 8 раз больше, чем в Сингапуре².

Население и уполномоченные органы этих государств к этому времени уже имели опыт противодействия пандемии, связанной с «коронавирусом ближневосточного респираторного синдрома» (MERS-CoV), поэтому правительства Южной Кореи и Сингапура смогли быстро внедрить пакет антикризисных мер поддержки различных секторов экономики.

В настоящее время для противодействия COVID-19 в Южной Корее и Сингапуре введены новые антикризисные меры и программы поддержки МСП.

В Южной Корее антикризисные программы *Emergency Employment Stability Subsidy*, *Special Support Program for Regional Employment* предназначены для поддержки целевого уровня занятости в регионах. Ежемесячный размер поддержки в форме субсидий составляет \$458 на 1 занятого работника. Максимальный срок поддержки - 3 месяца.

Программа *Flexible Work Arrangement Subsidy* предназначена для компенсации затрат МСП при организации «удаленной» работы и гибких условий труда в форме субсидии. Максимальные размер и срок поддержки - \$18,4 тыс. и 12 месяцев, соответственно.

В отличие от Южной Кореи, для поддержки высокого уровня заработной платы в Сингапуре был введен расширенный пакет антикризисных программ для поддержки целевого уровня занятости. Так, программа *Job Support Scheme* была предназначена для компенсации затрат на выплату заработной платы сотрудникам в период пандемии. Ежемесячный размер поддержки - \$4600 на 1 работника в мес. Максимальный срок поддержки - 9 месяцев.

Правительством Сингапура были введены новые программы льготной кредитной поддержки и софинансирования для субъектов МСП. По программе *Wage Credit Scheme* предоставляется софинансирование до 15% от размера заработной платы для каждого сотрудника МСП [27]. Программа льготного кредитования *Skills Future Enterprise Credit* предназначена для поддержки работодателей, инвестирующих средства в повышение квалификации персонала и модернизацию МСП. Максимальный размер кредита составляет \$10 тыс. Программа *Temporary Bridging Loan* предназначена для предоставления льготных целевых кредитов для пополнения оборотного капитала с отсрочкой платежа, финансирования торговых потребностей и пополнения запасов, а также выплаты основной суммы по ранее полученным займам. Максимальные размер и срок кредита составляет \$10 000 тыс. и 5 лет.

Для поддержки инновационно- и экспортно ориентированных стартап предприятий и МСП с высоким потенциалом были изменены условия поддержки по программам *Startup SG Equity*, *Enterprise Development Grant*. В настоящее время, максимальные размер и срок инвестирования составляет \$ 8000 тыс. и 8 лет соответственно.

Для ускорения процесса цифровизации и противодействия пандемии COVID-19 в Сингапуре для сектора МСП был предложен пакет антикризисных программ. Так, по программам *Advanced Digital Solutions*, *Digital Resilience Bonus*, *Productivity Solutions Grant* осуществляется финансирование (\$5 тыс.) и гарантийная поддержка (до 80%) для ускорения перехода субъектов МСП на новые цифровые технологии в приоритетных отраслях экономики. По программе *E-Invoicing Registration Grant* предоставляется единовременный грант в размере \$200 для подключения субъекта МСП к национальной системе электронных счетов, а по программе *E-payment Adoption* - \$300 на срок 5 месяцев при внедрении системы электронных платежей [28]. Наибольший практический интерес для ускорения цифровизации субъектов МСП в Сингапуре имеют программы *Start Digital* и *UOB BizSmart*. По программе *Start Digital* государством осуществляется покрытие расходов любого субъекта МСП на подключение 2-х из 5-ти цифровых инструментов пакета "*Start Digital Pack*" [28].

По программе *UOB BizSmart* для обеспечения цифровой устойчивости на рынке в период пандемии COVID-19 осуществляется предоставление единовременного бонуса (\$10 тыс.) при подключении 2-х цифровых инструментов для МСП в сфере общественного питания и торговли. Цифровые решения новой программы *UOB BizSmart*, финансируемой правительством и крупнейшим банком - *United Overseas Bank*, позволили субъектам МСП с дефицитом финансовых ресурсов на безвозмездной основе выбрать любые две *cloud technologies* для автоматизации ключевых сфер бизнеса (бухгалтерский учет, управление персоналом, цифровой маркетинг, цифровые транзакции, кибербезопасность).

Таким образом, из проведенного сравнительного анализа Южной Кореи и Сингапура видно, что для субъектов МСП в Корее были предоставлены, субсидии для выплаты работникам заработной платы и ускорения процесса цифровизации. В Сингапуре дополнительно были предоставлены льготные кредиты для пополнения оборотного капитала и торговых потребностей, а также инвестиционная поддержка для поддержки МСП с высоким экспортным и инновационным потенциалом. Эти меры позволили сохранить

² Country comparison Singapore vs South Korea. <https://countryeconomy.com/countries/compare/singapore/south-korea> (accessed 30.01.2022)

целевой уровень занятости в секторе МСП и снизить риски банкротства бизнеса в период роста *COVID-19*. После 2020 г. около 1/3 МСП Сингапура уже воспользовались программами поддержки занятости (*Job Support Scheme*) и кредитования заработной платы (*Wage Credit Scheme*). В 2021 г. свыше 50% МСП высказали пожелания правительству страны о продлении этих государственных программ [28].

Для выхода из кризиса, связанного с пандемией *COVID-19*, правительством Сингапура были предоставлены возможности бесплатного подключения МСП к *Business-to-business (B2B)* платформе электронной торговли - "*OneSME*" [29]. Эта платформа является одним из инструментов расширения клиентской базы и выхода их товаров, продукции и услуг МСП на внешние рынки. Соединение сингапурских МСП с базой потенциальных покупателей Китая позволило создать новые возможности трансграничной онлайн-торговли и получения необходимых финансовых ресурсов.

Несмотря на многочисленные отрицательные социально-экономические последствия глобальной пандемии коронавирусной инфекции, она в какой-то мере ускорила переход сектора МСП Южной Кореи и Сингапура на новые цифровых технологии. В настоящее время Южная Корея и Сингапур занимают (1-е и 6-е места) в мире по внедрению ИКТ и по цифровым навыкам (10-е и 6-е места, соответственно) [26]. Это позволило этим странам быстро перейти на «удаленные» формы работы и избежать шока, вызванного распространением *COVID-19*.

ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ ОПЫТА ЮЖНОЙ КОРЕИ И СИНГАПУРА В РОССИИ

Несмотря на внушительные различия в территории, географическом положении и климате, уровне жизни и менталитете населения, а также историческом развитии экономики, опыт успешного развития МСП стран-лидеров азиатской модели инновационного развития Южной Кореи и Сингапура может быть использован в РФ. При этом необходимо учитывать особенности и отличия этих азиатских стран и России.

Лидерами азиатской модели Южной Кореи и Сингапуром была создана эффективная система государственно-частной финансово-кредитной поддержки субъектов МСП, деятельность которых направлена на создание новых технологий и выполнение НИОКР. При этом большую часть финансирования сектора МСП обеспечивают частные крупные корпорации. Этому способствуют принятые меры стимулирования корпораций, в частности, налоговые льготы и субсидии, предоставляемые им государством при условии привлечения субъектов МСП к выполнению НИОКР в проектах государственно-частного партнерства.

В России бремя финансово-кредитной поддержки сектора МСП, в основном, лежит на государстве, возможности которого в условиях *COVID-19* и санкций крайне ограничены [30]. Поиск новых механизмов стимулирования инновационной деятельности крупных корпораций и переход на государственно-частную форму финансово-кредитной и иной поддержки инновационных малых и средних предприятий позволит увеличить темпы роста финансирования и занятости в секторе МСП, что будет способствовать достижению целевых показателей Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»³.

Передовой опыт Южной Кореи и Сингапура может быть использован при создании благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций, ускоренной коммерциализации и продвижения результатов НИОКР малых и средних предприятий на мировой рынок. Опыт этих стран также может быть востребован при разработке программ кредитных гарантий и субсидировании, а также мер стимулирования национального крупного бизнеса и иностранных инвесторов, направленных на создание новых форм ГЧП для финансирования малых и средних предприятий, осуществляющих разработку инноваций и цифровых технологий. Эти меры позволят снизить нагрузку на федеральный бюджет расходов РФ и будут способствовать росту занятости в инновационно-ориентированных МСП.

Южная Корея и Сингапур с наименьшими потерями преодолевают угрозы и нейтрализуют риски, вызванные *COVID-19*. Их опыт при организации «удаленных» форм онлайн-ведения бизнеса и адресных программ поддержки занятости в приоритетных и пострадавших отраслях экономики может быть адаптирован к условиям России. Полезной для РФ является практика Южной Кореи и Сингапура при разработке программ государственной финансово-инвестиционной поддержки занятости инноваторов для обеспечения ускоренной коммерциализации результатов их НИОКР, а также опыт внедрения новых механизмов и схем расширения кредитных гарантий для субъектов МСП в регионах, наиболее пострадавших от *COVID-19*.

Опыт Сингапура может быть использован при создании *B2B*-платформ электронной торговли, позволяющих соединять потенциальных зарубежных покупателей и отечественных продавцов, а также при развитии цифровых технологий.

³ Паспорт Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». https://www.economy.gov.ru/material/file/65c7e743dffad1f3f3a8207e31a0d99/Passport_NP_MSP.pdf (accessed 30.01.2022)

Используемые в Южной Корее и Сингапуре формы и инструменты частно-государственной поддержки инновационной деятельности субъектов МСП и антикризисные меры преодоления последствий COVID-19 могут найти практическое применение не только в РФ, но и в других государствах мировой экономики, нацеленных на повышение доли инновационного малого и среднего бизнеса и его вклада в национальную экономику.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Hervás-Oliver J.-L., et al. 2016. On process innovation capabilities in SMEs: A taxonomy of process-oriented innovative SMEs. *Journal of Small Business Management*. Vol. 54, pp. 113-134. <https://doi.org/10.1111/jsbm.12293>
2. Saunila M. 2017. Innovation capability in achieving higher performance: Perspectives of management and employees. *Technology Analysis & Strategic Management*. Vol. 29, pp. 903-916. <https://doi.org/10.1080/09537325.2016.1259469>
3. Castela B., et al. 2018. Assessing the innovation capability of small-and medium-sized enterprises using a non-parametric and integrative approach. *Management Decision*. Vol. 56(6), pp. 1365-1383. DOI:10.1108/MD-02-2017-0156
4. Amoroso S. 2017. Multilevel heterogeneity of R&D cooperation and innovation determinants. *Eurasian Business Review*. Vol. 7(1), pp. 93-120. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40821-018-00116-3>
5. Nassimbeni G. 2001. Technology, innovation capacity, and the export attitude of small manufacturing firms: A logit/ tobit model. *Research Policy*. Vol. 30(2), pp. 245-262.
6. Romijn A. H., Albaladejo M. 2002. Determinants of innovation capability in small electronics and software firms in southeast England. *Research Policy*. Vol. 31(7), pp. 1053-1067. DOI: 10.1016/S0048-7333(01)00176-7
7. Kafetzopoulos D., Psomas E. 2015. The impact of innovation capability on the performance of manufacturing companies: The Greek case. *Journal of Manufacturing Technology Management*. Vol. 26(1), pp. 104-113. <http://dx.doi.org/10.1108/JMTM-12-2012-0117>
8. Fitz-Koch S., Nordqvist M. 2017. The reciprocal relationship of innovation capabilities and socioemotional wealth in a family firm. *Journal of Small Business Management*. Vol. 55, pp. 547-570. <https://doi.org/10.1111/jsbm.12343>
9. Kim M.-K., Park J.-H., Paik J.-H. 2018. Factors influencing innovation capability of small and medium-sized enterprises in Korean manufacturing sector: facilitators, barriers and moderators. *International Journal of Technology Management*. Vol. 76, pp. 214-235. <https://doi.org/10.1504/IJTM.2018.091286>
10. De Martino M., Magnotti F. 2018. The innovation capacity of small food firms in Italy. *European Journal of Innovation Management*. Vol. 21, pp. 362-383. DOI: 10.1108/EJIM-04-2017-0041
11. Zhang M., Hartley J. L. 2018. Guanxi, IT systems, and innovation capability: The moderating role of proactiveness. *Journal of Business Research*. Vol. 90, pp. 75-86. DOI: 10.1016/j.jbusres.2018.04.036
12. Guo Y., Woo J.J. (eds.). 2016. *Singapore vs Switzerland: Secrets of Small State Success*, World Scientific Pub. Co. Inc., 303 p.
13. Заболоцкая В.В. 2020. Сингапур: государственная поддержка малого и среднего предпринимательства. *Азия и Африка сегодня*. № 2, с. 43-49. DOI: 10.31857/S032150750008472-1
14. Zabolotskaya V.V. 2020. Singapore: government support for small and medium-sized businesses. *Asia and Africa today*. № 2, pp. 43-49. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750008472-1
15. Wang J. 2018. Innovation and government intervention: A comparison of Singapore and Hong Kong. *Research Policy*. Vol. 47(2), pp. 399-412. DOI: 10.1016/j.respol.2017.12.008
16. Tan Khee Giap, Nguyen Le Phuong Anh, Ye Ye Denise. 2015. Development Growth Models for Singapore and Malaysia: A Geweke Causality Analysis. *Journal of Centrum Cathedra: The Business and Economics Research Journal*. Vol. 8(2), pp.165-186. <https://doi.org/10.1108/JCC-08-02-2015-B005>
17. Schwab K. 2019. The Global Competitiveness Report 2019. *World Economic Forum*. http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (accessed 2.12.2021)
18. Kim S. 2021. South Korea's Exports Increase by Most in 10 Years in April. 1.05.2021. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-05-01/south-korea-s-exports-increase-by-most-in-10-years-in-april> (accessed 7.06.2021)
19. Ease of Doing Business rankings. The World Bank. <https://www.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 1.12.2021)
20. Statistics. Ministry of SMES and Startups. <https://www.mss.go.kr/site/eng/02/20204000000002019110624.jsp#> (accessed 08.12.2021)
21. Detailed Statistical Time Series. *Singapore Government Agency. Department of Statistics of Singapore*. <https://www.singstat.gov.sg/find-data/search-by-theme/industry/enterprises/latest-data> (accessed 8.12.2021)
22. Чжэ С.Л. 2015. Крупный семейный бизнес Республики Корея: особенности корпоративного управления и их роль в развитии национальной экономики. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. № 4, с. 27-37.
23. Jae S.L. 2015. Large Family Business in the Republic of Korea: Features of Corporate Governance and Their Role in the Development of the National Economy. *Bulletin of RUDN University. Series: Economics*. Vol. 4, p. 27-37. (In Russ.)
24. South Korean SMEs exports edge down in 2020 despite pandemic. *Bahrain News Agency*. 19.01.2021. <https://www.bna.bh/en/SouthKoreanSMEsexportsedgedownin2020despitepandemic.aspx?cms=q8FmFJgiscL2fwIzON1%2BDuTxBJTL972YmSkSa4j1DUI%3D> (accessed 07.12.2021)
25. Economic Survey of Singapore 2020. *Ministry of Trade and Industry*. February 2021. 98 p. https://www.mti.gov.sg/-/media/MTI/Resources/Economic-Survey-of-Singapore/2020/Economic-Survey-of-Singapore-2020/FullReport_AES2020.pdf (accessed 7.12.2021)
26. Rajaram M., Tan M. COVID-19 Reliefs and Support for SMES in Singapore. *K&L GATES*. 10.04.2021. <https://www.klgates.com/COVID-19-Reliefs-and-Support-for-Small-and-Medium-Enterprises-SMES-in-Singapore-04-10-2020> (accessed 7.06.2021)
27. Lee B. Support for SMEs in Covid-19 Crisis: the case of the Republic of Korea. *European Bank for Reconstruction and Development*. 20.07.2020. <https://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/cse-economists/support-for-smes-in-covid19-crisis-the-case-of-republic-of-korea.html> (accessed 7.12.2021)

28. Schwab K., Zahidi S. 2020. The Global Competitiveness Report. How Countries are Performing on the Road to Recovery. *World Economic Forum*. Special Edition. http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf (accessed 7.12.2021)
29. Wage Credit Scheme (WCS). Singapore Government Agency. Inland Revenue Authority of Singapore. <https://www.iras.gov.sg/irashome/Schemes/Businesses/Wage-Credit-Scheme--WCS/> (accessed 7.12.2021)
30. Asia Small and Medium-sized Enterprise Monitor 2020. *Asian Development Bank*. October 2020. Vol. 1. 278 p. <https://adb.org/sites/default/files/publication/646146/asia-sme-monitor-2020-volume-1.pdf> (accessed 30.01.2022)
31. As Covid-19 lingers, SMEs are looking towards a stronger recovery in 2022. A Perspective by Mr Mervyn Koh, Managing Director and Country Head, Business Banking Singapore. *UOB*. 9.02.2021. <https://www.uob.com.sg/business/insights/pre-budget-article.page?path=data/bb/63&cr=segment> (accessed 1.02.2022)
32. Белозеров С.А., Заболоцкая В.В. 2021. Государственное стимулирование инновационной деятельности в Швейцарии и России. *Современная Европа*. № 1(101), с. 108-120. DOI: 10.15211/soveurope12021108120
33. Belozyorov S.A., Zabolotskaya V.V. 2021. State Stimulation of Innovation Activities in Switzerland and Russia. *Contemporary Europe*. № 1(101), pp. 108-120. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope12021108120

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Заболоцкая Виктория Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия; докторант кафедры управления рисками и страхования, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

Victoria V. Zabolotskaya, PhD (Economics), Associate Professor, Department of World Economy and Management, Kuban State University, Krasnodar, Russia; Doctoral candidate, Department of Risk Management and Insurance, Faculty of Economics St. Petersburg State University, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.08.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 31.01.2022

Принята к публикации
(Accepted) 15.02.2022

«Авраамовы соглашения» между Израилем, ОАЭ и Бахрейном: изменения геополитической реальности Ближнего Востока

© Ликумович Я.Б.^a, Ахматшина Э.К.^b, 2022

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3638-6630; hbk98@list.ru

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0001-6795-3031; enesh.bayramova@gmail.com

Резюме. В статье анализируется геополитическое значение соглашений о нормализации отношений между Израилем, ОАЭ и Бахрейном, подписанных в сентябре 2020 г. и получивших название «Авраамовы соглашения». Авторы исследуют исторические предпосылки данных соглашений, их особенности и отличия от предыдущих актов по арабо-израильскому урегулированию, а также их влияние на геополитическую реальность ближневосточного региона. Кроме того, анализируются возможные перспективы присоединения к соглашениям других государств Персидского залива: Катара, Омана, Кувейта и Саудовской Аравии.

Как отмечают авторы, нормализация отношений между Израилем и двумя монархиями Персидского залива стала возможной благодаря трем основным факторам. Первый фактор - это наличие общего врага в лице Ирана, угрожающего как еврейскому государству, так и монархиям Персидского залива. Второй фактор - это последующее снижение значения палестинского вопроса в глазах монархов Персидского залива, разочарованных упорством палестинского руководства и заинтересованных в сотрудничестве с Израилем. Наконец, в третьих, авторы подчеркивают произраильскую политику Д.Трампа, которая стимулировала ускорение процесса нормализации в регионе.

По мнению авторов, подписание «Авраамовых соглашений» между Израилем, ОАЭ и Бахрейном свидетельствует о коренном изменении геополитической обстановки в ближневосточном регионе и снижении важности и первоочередности палестинской проблемы в глазах стран Персидского залива и арабского мира, в целом. Эти Соглашения могут способствовать ускорению арабо-израильского примирения во всем регионе Ближнего Востока и Северной Африки, как это уже произошло с Марокко и Суданом, которые последовали за ОАР и Бахрейном в нормализации отношений с Израилем.

Ключевые слова: Израиль, Авраамовы соглашения, Персидский залив, ОАЭ, Бахрейн, Саудовская Аравия, Кувейт, Оман, Катар

Для цитирования: Ликумович Я.Б., Ахматшина Э.К. (Санкт-Петербург). «Авраамовы Соглашения» между Израилем, ОАЭ и Бахрейном в контексте изменения геополитической реальности Ближнего Востока. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 64-68. DOI: 10.31857/S032150750016335-0

The Abraham Accords between Israel, UAE and Bahrain in the context of changing of the geopolitical reality in the Middle East

© Yakov B. Liokumovich^a, Enesh K. Akhmatshina^b, 2022

^a HSE University, Moscow, Russia

^a ORCID ID: 0000-0003-3638-6630; hbk98@list.ru

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

^b ORCID ID: 0000-0001-6795-3031; enesh.bayramova@gmail.com

Abstract: The article analyzes the geopolitical significance of the normalization agreements between Israel, UAE and Bahrain, which were signed in September 2020 and became known as the Abraham Accords (the title refers to the Biblical Abraham, who is considered to be the forefather of both Arabs and Jews). The authors examine the historical background of the agreements, their features and differences from the previous acts on the Arab-Israeli settlement, as well as their impact on the geopolitical reality of the Middle East. In addition, the article contains predictions on the possible prospects of the remaining Gulf States (Qatar, Saudi Arabia, Bahrain and Kuwait) joining the agreements.

As the authors note, the normalization between Israel and the two Gulf monarchies has become possible due to three main factors. The first factor is the presence of the common enemy, Iran, which threatens both the Jewish state and the Gulf monarchies. The second factor is the consequential decline of the importance of the Palestinian issue among the Gulf leaders, disappointed with the stubbornness of Palestinian leadership and interested in cooperation with Israel. Finally, the authors underline the pro-Israeli policies of D.J.Trump, which strongly stimulated the acceleration in the normalization process, focusing on the Arab-Israeli normalization before reaching a solution to the Israeli-Palestinian conflict.

Thus, according to the authors, the Abraham Accords have a potential to stimulate an acceleration to Arab-Israeli reconciliation all across the MENA region as it already did with Morocco and Sudan, which followed UAR and Bahrain in normalizing with Israel shortly after the accords were signed.

Keywords: Israel, Abraham Accords, Persian Gulf, UAE, Bahrain, Saudi Arabia, Kuwait, Oman, Qatar.

For citation: Liokumovich Ya.B., Akhmatshina E.K. (St. Petersburg). The Abraham Accords between Israel, UAE and Bahrain in the context of changing of the geopolitical reality in the Middle East. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 64-68. (In Russ). DOI: 10.31857/S032150750016335-0

ВВЕДЕНИЕ

Создание в 1948 г. Государства Израиль вызвало резкую отрицательную реакцию как палестинских арабов, так и в целом в арабском мире, назвавшего Израиль нелегитимным и чужеродным государством. Для сторонников панарабизма, ратовавших за объединение всех (или хотя бы некоторых) арабских стран в единое государство, Израиль являлся инородным телом, «опухолью», образовавшейся в сердце Арабского мира. Действительно, из-за своего географического положения Израиль буквально разделил арабский мир надвое, вынудив также арабских жителей Палестины покинуть свои дома и стать беженцами. Несправедливость, по мнению арабов, заключалась в том, что европейские колонизаторы (а именно так они видели евреев-сионистов) изгнали арабское население с их исконных земель.

Болезненные поражения арабских коалиций в арабо-израильских войнах 1948-1949 гг. и 1967 г. лишь усугубили ненависть и неприятие Израиля в арабском мире, в результате чего Израиль по сей день не признаётся большинством государств ближневосточного региона.

Тем не менее, арабские страны можно условно разделить на непосредственных участников конфликта с Израилем (например, Египет, Иордания, Сирия и Ливан) и государства, не имевших прямых военных конфликтов с Израилем, однако традиционно оказывавшие поддержку палестинцам в контексте общеарабской/общеевропейской солидарности. Именно ко второму типу относятся т.н. арабские монархии Персидского залива: Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Бахрейн, Оман и Кувейт.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Будучи самыми богатыми государствами арабского мира, монархии Персидского залива исторически оказывали палестинцам финансовую, гуманитарную и дипломатическую поддержку, воздерживаясь от прямых столкновений с Израилем, что можно объяснить, в т.ч. альянсом большинства стран Залива с Соединенными Штатами Америки, традиционным союзником еврейского государства. Также, Саудовская Аравия являлась инициатором Арабской мирной инициативы 2002 г., согласно которой арабский мир выразил готовность признать государство Израиль при условии создания палестинского государства в границах 1967 г. Катар, в свою очередь, стал играть роль посредника в переговорах между Израилем и палестинскими движениями ФАТХ и ХАМАС [1].

При этом следует отметить, что страны Персидского залива, несмотря на их членство в закрытой региональной организации ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), не являются «единым лагерем». Экономические, идеологические и даже территориальные конфликты между монархиями препятствуют возникновению общей позиции по ряду вопросов, и в том числе, в отношениях с Израилем. (Наиболее очевидным примером является дипломатический конфликт между Катаром и Саудовской Аравией). Саудовское королевство выделяется среди монархий Персидского залива еще и тем, что в силу своего размера и мощи претендует на политическое и идеологическое лидерство в арабском мире.

Начиная с 80-х гг. XX в. Израиль при посредничестве США начал поддерживать неофициальные связи с ОАЭ, Катаром, Бахрейном и Оманом (главным образом, в военной и разведывательной сферах) [2]. Возникновение данных связей было во многом обусловлено появлением на международной арене нового игрока - Исламской Республики Иран. Режим аятолл, возникший после Исламской революции 1979 г., взял курс на геополитическую и идеологическую экспансию в регионе, угрожая как Израилю, которого иранский лидер аятолла Хомейни назвал «малым сатаной» и «раковой опухолью» [3], так и монархиям Залива, где правящая суннитская элита стала опасаться усиления шиитских группировок, спонсируемых Тегераном. Особенно явно эта угроза видна в королевстве Бахрейн, где суннитское меньшинство фактически управляет шиитским большинством [4].

ДОНАЛЬД ТРАМП И «АВРААМОВЫ СОГЛАШЕНИЯ»

Победа на выборах 2016 г. в США Дональда Трампа оказалась ключевым фактором, изменившим геополитическую ситуацию в ближневосточном регионе и поспособствовавшим значительной активизации попыток нормализовать отношения между Израилем и странами Персидского залива.

Внешняя политика администрации Трампа на Ближнем Востоке с момента инаугурации заключалась в следующем:

а) Безоговорочной и безусловной дипломатической поддержке Израиля. Президент США принял ряд неоднозначных дипломатических решений, которые были встречены ликованием в Израиле и гневом в исламском мире. Самыми примечательными из них являются перенос американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим, признание израильского суверенитета над Голанскими Высотами, а также отказ от осуждения строительства Израилем поселений на Западном берегу реки Иордан¹.

б) Достаточно враждебной политике в отношении Палестинской национальной администрации (ПНА). Указами Трампа была прекращена американская финансовая помощь ПНА, а также было закрыто ее дипломатическое представительство в Вашингтоне. Помимо этого, предложенный США план разрешения палестино-израильского конфликта, получивший название «Сделка века», по мнению экспертов, частично или полностью игнорировал палестинские требования и являлся односторонне произраильским [5].

в) Открытой конфронтации с Ираном. Администрация Трампа в одностороннем порядке вышла из т.н. ядерной сделки, которую заключил с Тегераном предшественник Трампа Барак Обама, ужесточила анти-иранские экономические санкции, а также в начале 2020 г. ликвидировала главу Корпуса стражей исламской революции Касема Сулеймани [6].

Шаги американской администрации можно интерпретировать как своеобразный сигнал Вашингтона о неосуществимости и неактуальности Арабской мирной инициативы² в контексте реальной геополитической обстановки и необходимости консолидации антииранских сил.

Данная стратегия принесла первые плоды уже в августе 2020 г., когда о нормализации отношений с Израилем объявили ОАЭ, а в сентябре к соглашению присоединился Бахрейн. Соглашения, подписанные в Белом Доме, получили название «Авраамовы соглашения» (*Abraham Accords*). Впоследствии данный термин стал использоваться для обозначения совокупности соглашений между Израилем, Объединенными Арабскими Эмиратами и Бахрейном.

И хотя официальным условием, при котором ОАЭ и Бахрейн пошли на нормализацию отношений был отказ Израиля от аннексии части Западного берега реки Иордан, который планировался израильским премьером Нетаньяху, многие эксперты считают, что угрозы аннексии являлись скорее политической игрой, способствующей обоснованию для нормализации в арабском мире, нежели реальными планами³. Благодаря такой «игре», ОАЭ и Бахрейн сумели выставить нормализацию отношений с Израилем как шаг в интересах палестинцев, остановивший израильскую экспансию на палестинских землях, а не циничное действие в собственных интересах.

Как и следовало ожидать, «Авраамовы соглашения» были встречены неприятием со стороны палестинцев. Все палестинские фракции, включая ФАТХ и «Исламский джихад», высказались негативно по поводу соглашений, которые они расценили как предательство. Однако саботировать реализацию соглашений палестинцам так и не удалось. Более того, даже Лига арабских государств (ЛАГ) не стала осуждать ОАЭ и Бахрейн за нормализацию отношений с Израилем, что говорит о резком снижении влияния палестинской проблемы на общеарабскую позицию⁴.

Есть все основания говорить о том, что нормализация отношений Израиля с ОАЭ и Бахрейном имеет значительные отличия от предыдущих мирных договоров еврейского государства с арабскими странами: Египтом в 1979 г. и Иорданией в 1994 г. Отношения Израиля с Каиром и Амманом многие называют «холодным миром»: несмотря на наличие официальных дипломатических отношений, межгосударственное, экономическое, туристическое и культурное сотрудничество между государствами сведено к минимуму вследствие антиизраильски настроенного общественного мнения в Египте и Иордании. Однако в случае с ОАЭ и Бахрейном мы видим совершенно иную картину: с момента подписания соглашений о нормализации, три государства за короткий срок начали полномасштабное и публичное сотрудничество в военной, экономической, научно-технологической, культурной и туристической сферах.

Уже в октябре 2021 г. Израиль и ОАЭ подписали соглашения о безвизовом режиме, сотрудничестве в авиационной и экономической сферах, а также о защите инвестиций. В феврале 2021 г. израильские оборонные компании впервые приняли участие в работе выставки *IDEX 2021*, проходящей в Дубаи, показав

¹ In shift, U.S. says Israeli settlements in West Bank do not violate international law. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2019/11/18/world/middleeast/trump-israel-west-bank-settlements.html> (accessed 09.07.2021)

² Арабская мирная инициатива - официальная инициатива арабских стран, принятая Лигой арабских государств в Бейруте 28 марта 2002 г. и направленная, согласно её тексту, на достижение всеобъемлющего мира с Израилем и окончание арабо-израильского конфликта при главном условии отступления Израиля с оккупированных им в 1967 г. территорий (*прим. ред.*).

³ Netanyahu Drops Troubled Annexation Plan for Diplomatic Gain. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/08/13/world/middleeast/israel-uae-annexation.html> (accessed 09.07.2021)

⁴ In blow to Palestinians, Arab League refuses to condemn Israel-UAE deal. *The Times of Israel*. <https://www.timesofisrael.com/in-blow-to-palestinians-arab-league-refuses-to-condemn-israel-uae-deal/> (accessed 24.04.2021)

достижения израильской военной промышленности, в т.ч. противоракетные системы, используемые израильской армией в конфликтах с палестинскими военизированными группировками⁵. В марте того же года было заключено соглашение между Израилем и Бахрейном об обмене технологиями, связанными с очисткой и опреснением воды, что стало первым научно-технологическим соглашением между Израилем и арабской страной. Кроме того, во время обострения палестино-израильского конфликта в Секторе Газа в мае 2021 г. ОАЭ и Бахрейн не стали приостанавливать наращивание сотрудничества с Тель-Авивом, что можно расценивать как успешную проверку на прочность «Авраамовых соглашений».

Безусловно, о всеобъемлющей арабо-израильской нормализации говорить еще рано. Общественное мнение в арабском мире (и в странах Залива, в частности) все еще настроено антиизраильски. Согласно опросу, проведенному в октябре 2020 г. катарским Центром арабских политических исследований, 88% опрошенных в 13 арабских странах отвергли нормализацию с Израилем в любом ее проявлении⁶. В этом контексте «Авраамовы соглашения», так же, как и мирные соглашения Израиля с Египтом и Иорданией, являются продуктом политической воли арабских лидеров, непопулярным среди населения их стран [7].

Однако на официальном уровне изменения ощутимы: если Египет за мирный договор с Израилем был подвергнут ostracismu и исключен из Лиги арабских государств, ОАЭ и Бахрейн не получили со стороны ЛАГ даже устного осуждения. Кроме того, вслед за ОАЭ и Бахрейном нормализовали отношения с Израилем две другие арабские страны, не относящиеся к региону Персидского залива, но связанные с ним экономически и дипломатически, - Судан и Марокко. Хотя в обоих случаях были задействованы определенные рычаги влияния, которыми обладают США в отношении этих стран, пример ОАЭ и Бахрейна облегчил путь к нормализации для арабских государств в Африке.

Таким образом, можно говорить о «цепной реакции», запущенной «Авраамовыми соглашениями».

ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАЛИЗАЦИИ ДЛЯ ОСТАЛЬНЫХ СТРАН ЗАЛИВА

Остается, однако, один актуальный вопрос: присоединятся ли к соглашению другие страны Персидского залива, а именно Оман, Саудовская Аравия, Катар и Кувейт?

Рассмотрим в отдельности позицию каждой из этих стран.

Оман уже имел официальные контакты с Израилем в 1990-е, а в 2018 г. султанат посетил с визитом израильский премьер-министра Биньямин Нетаньяху. В целом, в ближневосточном регионе Оман имеет репутацию миролюбивого государства, заинтересованного в сотрудничестве со всеми своими соседями: в этом контексте израильско-оманский договор о нормализации вполне вероятен. Препятствием здесь являются лишь близкие отношения Омана с Ираном, главным геополитическим противником Израиля.

В схожем положении находится и Катар: так же, как и Маскат, Доха является союзником Тегерана. В декабре 2020 г. катарский министр иностранных дел заявил, что его страна пока не собирается следовать примеру ОАЭ и Бахрейна, будучи приверженной поддержке палестинцев. Однако со временем катарская позиция может стать более гибкой: особенно, если появится возможность «выторговать» у Израиля уступки в палестинском вопросе.

Перспективы израильско-саудовской нормализации осложняются теократической природой саудовской монархии. Инициативы по примирению с государством, которое, согласно политическому исламу, является врагом мусульман и чужеродным образованием на исламских землях, значительно повредили бы позициям Эр-Рияда в идеологической борьбе за лидерство в мусульманском мире. Несмотря на тенденции к секуляризации саудовского общества и неожиданно теплые высказывания наследного принца Мухаммада бин Салмана в адрес израильтян [8], саудовские политические институты и общество, в целом, остаются в большой степени исламизированными, из-за чего на данный момент шансы саудовско-израильской нормализации невысоки. Тем не менее, учитывая приверженность наследного принца либеральным реформам, после смены правящего монарха можно будет ожидать изменений в саудовской позиции.

Кувейт, наконец, является наименее вероятным кандидатом на нормализацию отношений с Израилем, в первую очередь, в силу неприятия такого решения кувейтским народом. Нормализация с Израилем крайне непопулярна во всем арабском мире, однако, в отличие от остальных государств Персидского залива, Кувейт имеет сравнительно высокий индекс демократии. В стране существует функционирующий парламент, являющийся реальной политической силой и зачастую находящийся в оппозиции правительству. Индекс свободы слова и прессы в Кувейте также выше, чем в других государствах Залива [9]. Наличие реальной парламентской репрезентации и сравнительно высокий для региона уровень свободы и прессы по-

⁵ Idex 2021: First Israeli arms company's debut at defense expo. *The National UAE*. <https://www.thenationalnews.com/uae/index-2021-first-israeli-arms-companies-debut-at-defence-expo-1.1170680> (accessed 04.12.2020)

⁶ The Arab Opinion Index. Main Results in Brief. *Arab Center for Research and Policy Studies*. <https://www.dohainstitute.org/en/Lists/ACRPS-PDFDocumentLibrary/Arab-Opinion-Index-2019-2020-Inbreef-English-Version.pdf> (accessed 10.05.2021)

звolyет кувейтцам в большей степени влиять на решение правительства по сравнению со своими соседями, уменьшая вероятность принятия непопулярных политических решений, таких, как нормализация отношений с Израилем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подписание «Авраамовых соглашений» между Израилем, ОАЭ и Бахрейном свидетельствует о коренном изменении геополитической обстановки в ближневосточном регионе и снижении важности и первоочередности палестинской проблемы в глазах стран Персидского залива и арабского мира, в целом. Импульс, данный этими соглашениями, потенциально может привести к резкому ускорению арабо-израильской нормализации в будущем. В свою очередь, среди стран Персидского залива наиболее вероятно, на наш взгляд, присоединение к соглашениям Омана и Катар.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Bahgat G. 2003. The New Middle East: Gulf Monarchies and Israel. *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*. Vol. 28. № 2, pp. 123-152.
2. Щегловин Ю.Б. ОАЭ - Израиль. Сотрудничество в сфере безопасности. Институт Ближнего Востока. 2013. <http://iimes.ru/?p=18280> (accessed 14.06.2021)
Scheglov Y. 2013. UAE-Israel. Cooperation in the Security Sphere. The Middle East Institute. Moscow. (In Russ.). <http://iimes.ru/?p=18280> (accessed 14.06.2021)
3. Ben-Meir A. 2010. Israel's response to a nuclear Iran. *International Journal on World Peace*. Vol. 27, № 1, pp. 61-78.
4. Jargun A. 2016. The relationship between Iran and the Gulf. Conflict, détente, tensions. Cairo, 303 p. (In Arab.)
5. Amir A. 2016. American initiatives for Arab-Israeli settlement. *Middle Eastern Studies*. Vol. 33, № 1, pp. 1-9 (In Arab.)
6. Nimrod T. Donald Trump's foreign policy from the historical perspective. *Politika: The Israeli Journal of Political Science & International Relations*. 2021. № 29, 2021, pp. 15-33 (In Hebr.)
7. Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М, 2006, с. 362.
Primakov E.M. 2006. Confidential. Middle East on stage and behind the scenes (second half of XX - early XXI). Moscow, p. 362. (In Russ.)
8. Saudi prince says Israelis have right to 'their own land'. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2018/04/03/world/middleeast/saudi-arabia-mohammed-bin-salman-israel.html> (accessed 12.05.2021)
9. Freedom in the world 2020. Kuwait. Freedom House. <https://freedomhouse.org/country/kuwait/freedom-world/2020> (accessed 10.05.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лиюкумович Яков Борисович, стажёр-исследователь, научно-учебная лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Yakov B. Liokumovich, Research Fellow, Laboratory for Monitoring the Risk of Socio-Political Destabilization, HSE University, Moscow, Russia.

Ахматшина Энеш Курбансейидовна, кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра арабской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Enesh K. Akhmatshina, PhD (Political Science), Senior Lecturer, Department of Arabic Philology, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 02.12.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 19.01.2022

Принята к публикации
(Accepted) 11.02.2022

Гендерный вопрос в Тунисе: от политики к практике

© Кашина А.А.^a, 2022

^a Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8696-936X; kash_anechka@mail.ru

Резюме. В вопросе гендерного равенства Тунис остается образцом для других арабских стран. Хотя после «арабской весны» проблема места женщины снова встала на повестку дня при доминировании на политической сцене умеренных исламистов движения «Ан-Нахда», новое законодательство и конституция 2014 г. закрепили светские основы государства и приблизили Тунис к европейским стандартам в области гарантии прав женщин. Тунисские женские организации приобрели свободу действий («демократический феминизм»), новым трендом стало зарождение «исламского феминизма».

В стремлении к паритету полов Тунис наибольшего прогресса добился в сфере образования, в то время как на рынке труда проявлялись признаки половой дискриминации. В области политического участия женщин прослеживались позитивные изменения с учетом растущей доли женщин среди депутатов парламента и министров правительства. Анализ позиции депутатов по отношению к закону о гендерном равенстве наследования продемонстрировал неготовность общества принять такое гендерное равенство, которое будет, по мнению большинства, противоречить религиозным нормам. Иными словами, несмотря на широкую законодательную основу, гарантирующую права женщин, в массовом сознании тунисцев сохранялся комплекс норм, порожденных исламскими традицией и стереотипами. Отсюда проистекало расхождение между законодательными нормами конституции, а также принятыми международными обязательствами, с одной стороны, и реальным положением дел - с другой. В этой связи не вызывает удивления то, что, находясь в первых строчках региональных рейтингов, Тунис отстает в сокращении гендерного разрыва на глобальном уровне.

Ключевые слова. Тунис, феминизм, гендерное равенство, политический ислам, «арабская весна»

Для цитирования: Кашина А.А. Гендерный вопрос в Тунисе: от политики к практике. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 69-76. DOI: 10.31857/S032150750015833-8

Gender Issue in Tunisia: from Politics to Practice

© Anna A. Kashina^a, 2022

^a Diplomatic academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8696-936X; kash_anechka@mail.ru

Abstract. On the problem of gender equality, Tunisia remains a model for other Arab countries. Although since 2011 the issue of women's place has once again been on the agenda considering the dominance in the political scene of moderate Islamists of the Ennahda movement, heated debates between modernists and Islamists over new constitution and legislation framework brought Tunisia closer to world standards of gender equality. After the Revolution for Dignity and Freedom in Tunisia the feminist movement, which was born in the late 1930s, became more active and began declaring its activities as democratic feminism. Besides that, a new trend established itself as Islamic feminism. The analyses of statistical material revealed that most prominent achievements in concern of gender equality Tunisia gained in educational field with almost parity of male and female enrollment. On the other hand, discrimination in labour market gives cause for concern. As for political participation of women, it is still under desired level, but the dynamics is rather hopeful. The investigation of parliamentarians' stances towards a proposed in 2017 bill requiring gender inheritance equality, shew that Tunisian society is still not ready to accept absolute gender equality because in some matters like inheritance it tends to hang upon religious norms and traditions. Thus, stereotypes and traditional perception of gender based on Islam remain a stumbling rock on the way to gender balance in society. Another corresponding problem is discrepancy in provisions of family law and undertaken international commitments dealing with narrowing gender gap. So, it's predictable that while being in the top pf international ratings at the regional level Tunisia's indicators measuring gender equality are rather moderate on the global scale.

Keywords: Tunisia, feminism, gender equality, political Islam, Arab spring

For citation: Kashina A.A. Gender issue in Tunisia: From politics to practice. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 69-76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015833-8

ВВЕДЕНИЕ

Опыт Туниса как исламской страны, где мужчины и женщины уже более полувека обладают практически равными юридическими правами, уникален. В 1956 г. на заре независимости в республике появился Закон о личном статусе, по которому тунисские женщины получили право на образование, работу, самостоятельное вступление в брак. Гендерное равенство в Тунисе с тех пор укреплялось, но «арабская весна» и приход к власти после 2011 г. исламистов вновь вынесли на повестку вопрос о месте женщины в обществе. По улицам столицы замелькали красавицы в хиджабах и парандже, пожалуй, впервые за 50 лет. Однако

кризис поиска идентичности в переломный момент не разрешался триумфом традиционных ценностей. В 2018 г. пост мэра столицы впервые достался не мужчине, а женщине - Суад Абдеррахим, причем депутату от партии исламистов. А в 2021 г. Наджда Боден Ромдан стала первой в истории арабских стран женщиной-премьером.

Однако насколько далеко тунисское общество готово продвинуться в фокусе гендерного баланса?

За основу в работе принят концептуальный подход социолога Муниры Шаррад, которая представляет гендерный фактор в Тунисе как объект постоянной политизации: «...изменения в государственной политике в отношении прав женщин были производным от борьбы между общественно-политическими группами за государственную власть», которая «относилась к правовому статусу женщин в зависимости от того, пыталась ли покончить с колониализмом, дать отпор угрозам, стоящим на пути секуляризации, пойти на уступки исламским фундаменталистам или наоборот им противостоять» [1, р. 285].

Цель настоящей работы - рассмотреть становление женского движения в Тунисе и развитие законодательства в отношении гендерного равенства, определить степень экономического и общественно-политического участия женщин на основе статистических данных, а затем с опорой на качественные и количественные методы и «концепцию репрезентации» Х.Ф.Питкин¹ [2]; проанализировать позицию парламентариев относительно закона о гендерном равенстве наследования; дать оценку восприятию проблемы женской эмансипации в тунисском обществе.

СТАНОВЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУНИСЕ

Первые женские общества в Тунисе зародились в 1930-х гг. Тогда «в моду» вошла книга тунисского философа Тахара Хаддада «Наша женщина в шариате и обществе» (1930 г.), объяснявшего приниженное положение арабской женщины искаженным пониманием религиозных законов, которые, по мысли философа, должны быть нерушимыми и вечными. Но лишь те, что не противоречат изменяющимся условиям действительности и «не вредят исламу», в частности, такие вопросы, как «обращение с рабами и рабынями, многоженство и тому подобные не могут рассматриваться как часть ислама» [4, с. 6]. Многоженство тунисский мыслитель считал пережитком доисламской эпохи - с ним уже во времена Пророка якобы начали бороться, поэтому в аяте 3 суры Корана «Женщины», по мнению Хаддада, речь идет о предостережении не жениться больше, чем на одной, ибо невозможно быть одинаково справедливым к двум, трем или четырем женам одновременно.

Будучи сторонником иджитхада², Хаддад полагал, что и постулат о большей доле наследства для мужчины, чем для женщины, можно легко скорректировать в пользу уравнивания долей, опираясь на принцип о свободе управления имуществом и распоряжения состоянием, изложенный в аяте 32-й же суры Корана.

В 1932 г. из-за обильных дождей и затоплений случился неурожай, и на помощь оставшимся без средств к существованию пришлось образовавшееся по такому случаю благотворительное «Общество мусульманских женщин». Оно сумело при помощи жены тогдашнего генерального резидента Франсуа Монсерона и дочери видного тунисского политика Бешира Сфара провести серию открытых вечеров и собрать средства для пострадавших [4, с. 268]. И, помимо прочего, развернуло кампанию в защиту прогрессивных тунисок, не желавших носить мусульманский платок, и весьма успешно и наглядно отстаивало право женщин на участие в общественной жизни.

Так был заложен первый камень тунисского движения феминисток. Подобные культурно-благотворительные вечера полюбили публике: на них приходили послушать занимательные и довольно убедительные речи о том, как правильно трактовать религиозные нормы и как женщины обязаны нести пользу общественному развитию. В 1936 г. был основан первый тунисский журнал о женщинах - «*Лейла*».

Весной 1938 г., 8 апреля, пионер женского движения Бшира Бен Мрад организовала первую политическую демонстрацию, где около сотни тунисок протестовали в столице у штаб-квартиры генерального резидента против колониальных репрессий. В антиколониальной борьбе женщины сумели доказать свою решительность, и даже бывшие противники женской эмансипации переходили на их сторону, оказывая поддержку женским союзам. Список женских обществ пополнялся новыми названиями - «Союз мусульманских женщин Туниса», «Секция женской ассоциации арабской молодежи», «Клуб тунисских девушек» и «Союз женщин Туниса» и др.

С получением независимости от Франции в 1956 г. расширение прав женщины стало важной частью государственной политики. Было сформировано министерство по делам женщины и семьи, а все женские движения были включены в состав Национального союза тунисских женщин. Так они фактически попали под пол-

¹ Ханна Фенихель Питкин (р. 1931) - феминистка, американский политолог, заслуженный профессор Калифорнийского университета в Беркли (*прим. ред.*).

² Иджтихад («большое старание») - практика пересмотра авторитетным богословом принципов ислама с позиции современной жизни на основании источников мусульманского права (*прим. авт.*).

ный контроль правительства и до самого 2011 г. вынуждены были оставаться в «узких рамках» [6, pp. 307-320]. Эта политика получила название «государственный феминизм» [7] или «институциональный феминизм» [8]. Между тем, в качестве «независимых» организаций были основаны в 1982 г. «Ассоциация тунисских женщин демократок» (*ATFD*) и в 1989 г. - «Ассоциация тунисских женщин для исследования и развития» (*AFTURD*). Обе особенно проявили себя уже после «Революции свободы и достоинства» 2011 г., декларируя свою деятельность как «демократический феминизм» [9, p. 23].

С падением режима Бен Али 14 января 2011 г. женское движение в Тунисе вышло на новый уровень, преодолев свою элитарность. Женские организации привлекли финансирование и создавали разветвленную сеть региональных подразделений. Усилилась активность женщин в партийных структурах и неправительственных организациях, женские движения смогли вести по-настоящему серьезную, порой оппозиционную работу.

Довольно интересным и новым явлением для Туниса постреволюционного периода стал дискурс «исламского феминизма», который воплотился в общественной деятельности мусульманок из происламского движения «Ан-Нахда». Они выступали за социальные гарантии, справедливость и права для женщин не с позиции традиционной для феминисток либеральной парадигмы, но религиозной, а в 2011 г. учредили свою женскую организацию - «Союз свободных женщин».

В качестве актуальных проблем тунисских феминисток можно выделить их структурную и идейную разобщенность, что не дает возможности говорить об окончательном формировании в Тунисе целостного женского движения, у которого бы была ясная повестка [10, p. 7]. Остро стоит вопрос о преемственности поколений в рамках женских организаций, поскольку в подавляющем большинстве их формируются те, кому за 50, а не «революционная молодежь» [11].

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ЭКОНОМИКЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

По Индексу гендерного разрыва, согласно данным Всемирного экономического форума, Тунис в 2021 г. занимал 126-е место из 156 стран мира и 3-е по региону после Израиля и ОАЭ [12], что, учитывая общий социально-экономический климат в североафриканской стране, очень неплохо. Причем в 2018 г. Тунис даже поднимался в региональном рейтинге на вторую строчку, занимая тогда в общем рейтинге 119-е место из 149.

Материалы доклада подтвердили, что самых заметных побед тунисские женщины добились в сфере образования. В высшей школе численность девушек почти вдвое превышала численности юношей в 2018/2019 учебном году: 154 тыс. студенток против 80 тыс. студентов [13, p. 60]. Притом школьницы и студентки, в среднем, обычно успешнее осваивали все области знаний, за исключением технических [14, p. 33]. Вероятно, уже на этом этапе девушки становятся заложницами предрассудков и редко посвящают себя инженерным специальностям или фундаментальным наукам. Они предпочитают сферу услуг, гуманитарные науки или медицину. Среди выпускниц лишь около 29% получают диплом инженерной направленности. Среди профессорско-преподавательского состава в 2012/2013 уч. г. у женщин было только 17% [14, p. 85].

Что касается рынка труда, то здесь гендерный разрыв куда заметнее. Дискриминация рельефно выделяется по критерию занятости на высокооплачиваемых, а также высших управляющих постах, где женщин крайне мало, потому что 85% таких должностей достается мужчинам. У женщин сохраняется большой потенциал для выхода на рынок труда, ведь они составляют лишь 28% рабочих рук [16, p. 20]. И если в Тунисе уровень занятости мужчин (75,5% в 2021 г.) соотносился с аналогичным среднемировым показателем (76,1% [17]), то для женщин этот индикатор (28,1% в 2021 г.) был хотя и выше среднего по арабским странам (21,2%), но заметно ниже среднемирового (50%).

В 1990-е гг. российская востоковед Н.И.Ворончанина обращала внимание, что европейская концепция женской эмансипации не подходит для арабских стран, т.к. подразумевает включение женщины в сферу общественно-полезного труда без учета ситуации, когда на этом рынке «армия безработных мужчин» [18, с. 117]. В отношении Туниса это справедливо и поныне. В 2015 г. уровень безработицы среди мужчин достигал 12,4%, а среди женщин - 22,2%, в 2018 г. это соотношение практически не изменилось: 12,5% против 22,7% [13, p. 109]. Причем официальная статистика принимает в расчет лишь зарегистрированных на бирже труда, но реально ищущих работу больше.

Эти данные могут косвенно свидетельствовать о дискриминации при приеме на работу. «Составляя не более четверти рабочей силы, женщины становятся первыми жертвами кризисов», - пишет тунисский социолог М.Бен Рамдан, указывая, что во время мирового финансового кризиса 2009 г. все 43 тыс. вновь созданных рабочих мест были распределены среди мужчин, а еще 11 тыс. мужчин получили работу в результате увольнения с нее женщин [19, pp. 175-176].

Между тем, вовлеченность женщин в тунисский рынок труда имеет в последние 40 лет пусть не слишком быструю, но устойчивую тенденцию роста. Это - прямое следствие законодательных мер, принятых

тунискими властями в 1990-е гг. Речь идет, прежде всего, о поправках в Закон о личном статусе, внесенных в 1993 г. В частности, в ст. 23 документа формулировка о том, что «женщина должна слушаться во всем своего мужа как главу семьи» была заменена на «женщина обязана вносить вклад в семейный бюджет, если она имеет финансовую возможность». Занимавший тогда пост министра юстиции Садок Шаабан прокомментировал это как «новый, чрезвычайно важный принцип взаимопомощи супругов» [20].

Кроме того, в 1996 г. в Трудовой кодекс (принят в 1966 г.) была добавлена ст. 5, запрещающая трудовую дискриминацию по половому признаку, а из ст. 135 была изъята формулировка касательно специальной «заработной платы для женщины». Закон № 58 от 11 августа 2017 г. о запрете дискриминации против женщин закрепляет принцип равного отношения к гендерам и запрещает «экономическую» и «финансовую» дискриминацию в отношении женщин, в т.ч. ущемление в оплате труда, условиях работы или карьерном росте (ст. 19).

Для защиты своих трудовых прав в 1984 г. в рамках Всеобщего союза туниских трудящихся (ВСТТ, главный профцентр, членами которого являются свыше 650 тыс. туницев) сформировался Комитет женщин-работчих, ставший в 2000 г. составной частью ВСТТ по уставу этой организации. Руководитель комитета участвует в качестве наблюдателя в Национальном управляющем совете ВСТТ. При этом доля женщин в профсоюзе превышает 45%, однако, по данным 2013 г., в его руководстве она составляла не более 5% [15, р. 49].

Избрание в исполком ВСТТ в качестве заместителя председателя в 2017 г. женщины - активистки левых взглядов Наимы аль-Хамаи, впервые за 72 года истории ВСТТ, можно считать по праву значимым событием. Более того, в 2017 г. ВСТТ установил квоту для обязательного включения в состав руководящих органов профсоюза на всех уровнях не менее двух женщин³, а кроме того, провел при поддержке Международной организации труда агитационную кампанию для привлечения новых членов из числа женщин. Результатом стало вступление в профсоюз 13 тыс. новых участниц [21, р. 96].

По уровню женского политического участия Тунис уступает лишь одной арабской стране - ОАЭ, судя по данным Доклада о гендерном разрыве в мире за 2021 г., где, в частности, оценивается гендерное соотношение в парламенте и кабинете министров. В этих государственных структурах Туниса численность женщин редко превышала 30%.

В 1994 г. женщины составляли лишь 7% от общего числа депутатов, избранных в парламент Туниса, что было выше среднего показателя по региону. По итогам парламентских выборов 2009 г., женщины получили уже 27,6% мест (59 из 214), что больше, чем в парламенте предыдущего состава (22,8%). В переходный орган - Национальное учредительное собрание (2011-2014 гг.) вошли сначала 49 женщин (23% мест из 217), но затем их состав расширился. В парламенте 2014 г. созыва доля женщин выросла до 31% (68 мест из 216), за что Тунису была присвоена премия Форума женщин-парламентариев за 2015 г. В парламенте созыва 2019 г. было меньше женщин, чем в предыдущем, большинство из парламентариев оказались депутатами от исламистов.

Что касается состава кабинета министров, то до 2011 г. женщины возглавляли одно-два министерства. Например, в 1984 г. - здравоохранения, в 1999 г. - природных ресурсов, в правительстве 2014 г. под начало женщин перешли министерство туризма и министерство торговли и промышленности. В последующих правительствах количество женщин-министров возрастало, они управляли министерством финансов (2016 г.), энергетики (2016 г.), юстиции (2020 г.) и др. В октябре 2021 г. впервые в истории арабских стран пост премьер-министра заняла женщина - Наджда Боден Ромдан, а всего в ее кабинете министров женщинам досталось 8 министерских портфелей (финансов, юстиции, промышленности и торговли и др.).

Законодательство, касающееся прав женского политического участия, формировалось в течение довольно длительного времени. В июне 1956 г. вышел Закон о выборах в муниципальные советы, наделивший женщин избирательным правом. Вслед за этим конституция 1959 г. закрепила равное право мужчин и женщин избирать и быть избранными. В ст. 21 конституции 2014 г. говорится о равных правах и обязанностях граждан, мужчин и женщин, их равенстве перед законом, равных возможностях и праве на достойную жизнь, а также запрете на дискриминацию, а в ст. 46 - о равных возможностях участия в государственных органах власти. Усилить присутствие женщин на уровне муниципалитетов и партийных структур удалось также благодаря Закону № 16 о проведении выборов и референдумов от 26 мая 2014 г.

Что касается международных обязательств, в 1968 г. Тунис подписал Конвенцию о политических правах женщины 1952 г., в 1969 г. присоединился к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. Тунис в полном объеме принял положения международной Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. (CEDAW), которую первоначально ратифицировал в 1985 г. с многочисленными оговорками. В 2018 г. Тунис подписал «Протокол Мапуту»⁴. Участие в подоб-

³ Предусмотрено, что на исполнение этого обязательства отводится срок продолжительностью 4 года (*прим. авт.*).

⁴ «Протокол Мапуту» о правах женщин в Африке был принят Африканским Союзом в Мапуту (Мозамбик) в 2003 г. в качестве дополнительного протокола к Африканской хартии прав человека и народов (принята в 1981 г., действует с 1986 г.). К 2022 г. документ подписан 42 государствами (*прим. авт.*).

ных международных пактах является важным фактом в силу того, что ст. 20 Конституции 2014 г. гласит о приоритете международного права над местным.

Женщины были вовлечены почти во все важные события, происходившие после «арабской весны». В 2011 г. в президиум Высшей независимой инстанции по выборам (*ISIE*, Центризбирком) 2011 г. вошла Суад ат-Трики (затем ее сменила Хасна Бен Слимани), женщины баллотировались в качестве депутатов и работали наблюдателями на всех местных и общенациональных парламентских выборах.

Вместе с тем, в Тунисе женщина-политик или руководитель - это, скорее, исключение, чем правило. Из ярких, еще не упомянутых примеров, - председатель Тунисской конфедерации промышленности, торговли и ремесел Видад Бушамауи (в 2011-2018 гг.), лидер «Свободной конституционной партии» и депутат Абир Муси, глава «Прогрессивной демократической партии» Майя Джриби (скончалась в 2018 г.). Однако этих героинь можно пересчитать по пальцам. Как и большинство женщин в мире, они должны выбирать между семьей и работой в условиях дефицита социальных структур, помогающих женщинам посвятить себя карьере.

ЗАКОН О ЛИЧНОМ СТАТУСЕ 1956 Г. - НЕ ПОРА ЛИ ЕГО МЕНЯТЬ?

В рамках общего пересмотра законодательной базы в Тунисе после «Революции свободы и достоинства»⁵ 2011 г. и в свете доминирования тогда на политической арене исламистов движения «Ан-Нахда» возникло опасение о вероятном восстановлении шариата. Хорошая иллюстрация к сложившемуся положению - жаркое обсуждение ст. 28 проекта новой конституции, когда исламисты настаивали на формулировке о «взаимодополняемости», а не «равенстве полов». Однако вопреки их нажиму тунисская конституция 2014 г. закрепила «гражданский характер государства» и «верховенство права», статус ислама как государственной религии в ней остался, но без упоминания в качестве официального источника права. Не затронули изменения и Закон о личном статусе (гражданский кодекс). Более того, депутаты от исламистов проголосовали в Национальном учредительном собрании 6 декабря 2011 г. за придание этому закону статуса конституционного, т.е. парламент не может принять решение о внесении в него поправок простым большинством голосов.

Дело в том, что хотя формулировки Закона о личном статусе, введенного декретом от 13 августа 1956 г., были «европейские» по форме, они, по содержанию, основывались на шариате и де-юре не отменяли шариат. В этом состояло главное новаторство первого президента Туниса Хабиба Бургибы, которого по праву называют «освободителем тунисских женщин» - ведь принятие Закона о личном статусе «в одночасье приблизило семейное и общественное положение тунисской женщины к тому, что представительницы слабого пола уже завоевали, но за длительный период в странах Запада» [22, с. 6]. Тем не менее, будучи смелым реформатором, Х.Бургиба не мог изменять предписанное непосредственно в Коране правило наследования: для женщины половина доли мужчины. Неожиданно к этому вопросу вернулись через несколько лет после т.н. арабской весны.

В июне 2018 г. группа специалистов при администрации тогдашнего президента Беджи Каида ас-Себси - Тунисский комитет личных свобод и равенства (*COLIBE*) - разработала и вынесла на рассмотрение парламента серию реформ, изложенных в документе на 233 листах. Вторая часть документа концентрировалась на гендерном равенстве, и среди прочего предлагала упразднить «*махр*» (выкуп при замужестве), запретить притеснение сексуальных меньшинств, а также полностью уравнивать в правах на наследство мужчин и женщин. Вероятно, Б.Каиду ас-Себси, политику эпохи Х.Бургибы, чьим ревностным поклонником он был на протяжении всей жизни, очень хотелось завершить начатое его кумиром. Однако то ли авторитета Б.Каида ас-Себси не хватило, то ли неудачно был выбран момент, но общество было взбудоражено новой инициативой.

Быстро принять законопроект не удалось - обсуждения затянулись. Отношение к нему стало одним из политических маркеров, который разделил тунисское общество на сторонников ориентации на западные ценности и приверженцев традиционного пути развития. Тем временем накал дебатов приближался к точке невозврата, а кризис после вероятного принятия этого закона можно было бы сравнить лишь с кризисом 2013 г. - тогда после политических убийств, в причастности к которым обвиняли исламистов «Ан-Нахды», Тунис фактически оказался над пропастью гражданской войны.

Между тем, «новой революции» в Тунисе не случилось - законопроект так и не увидел свет. В декабре 2018 г. он был передан на обсуждение в парламент и рассматривался в нескольких чтениях, но через полгода, с кончиной президента Б.Каида ас-Себси 25 июля 2019 г., сыграл в долгий ящик. «Законопроект о ра-

⁵ «Революция свободы и достоинства» («Революция достоинства», «(Вторая) Жасминовая революция») началась в Тунисе массовыми протестами 17 декабря 2010 г. и привела к свержению 14 января 2011 г. режима Зина аль-Абидина Бен Али. В 2021 г. тунисское правительство утвердило название «Революция свободы и достоинства 17 декабря 2010 г. - 14 января 2011 г.» и учредило официальный нерабочий день - 17 декабря (прим. авт.).

венстве полов при наследовании кажется невозможным теперь, без Б.Каида ас-Себси», - признавался в августе 2019 г. депутат Рияд Бен Фадель [23].

Значимость демократической инициативы Б.Каида ас-Себси трудно переоценить: она выявила отношение общества к вопросу гендерного равенства - необходимому элементу демократического перехода. Более того, вопрос о равенстве наследования составил едва ли не обязательную часть предвыборной программы партий на президентско-парламентских выборах 2019 г., а затем был поставлен на голосование в парламенте, что предоставило возможность изучить позицию депутатов и получить «миниатюрную карту» отношения тунисского общества к вопросу равенства наследования, а следовательно, идеи абсолютного гендерного баланса. С этой целью было принято допущение, что в условиях относительно демократических выборов и довольно высокой явки тунисский парламент формируют политические силы, транслирующие позиции всего общества. Тогда можно экстраполировать соотношение позиций депутатов, поддержавших или отвергших законопроект о равенстве наследования, на соотношение этих предпочтений в обществе.

Результат этого качественно-количественного анализа по материалам международных СМИ⁶ выявил следующую картину: 154 депутата парламента не поддержали идеи введения поправки о равенстве наследования, 50 - высказались «за» и еще 13 не озвучили свою позицию публично. Примечательно, что еще в ходе предвыборной кампании депутаты некоторых партий демонстрировали бескомпромиссность по вопросу равенства наследования для привлечения электората, а другие, наоборот, уклонялись от четких дефиниций, оставляя право выбора за народом. Скрывать свое мнение, как правило, предпочитали независимые кандидаты и депутаты партий, где не наблюдалось консенсуса. Но даже если учесть эту группу поддержавшихся при голосовании в парламенте в числе поддержавших законопроект, перевес все равно останется на стороне противников.

Какими мотивами руководствовались противники и сторонники законопроекта? Петицию, отвергающую гендерное равенство в наследовании имущества на основании иджтихада, подписал ряд националистических партий - «Движение свободных юнионистов Туниса», «Движение аль-Мурабитун», «Народный блок за Тунис», партия «аль-Гад», «Народное течение» и др. Националисты обращали внимание на то, что, согласно конституции 2014 г., государственной религией в Тунисе является ислам, и поэтому нормы, напрямую противоречащие исламу, не могут иметь силу закона.

Восприятие государства и религии как единого неделимого целого присуще не только националистам. Противниками пакета новых светских реформ выступили, конечно, исламисты движения «Ан-Нахда». Хотя поначалу движение не отвергло проект закона, в итоге же довольно ясно дало понять, что в парламенте за него не проголосует.

От лица занявшей второе место в парламенте созыва 2019 г. центристской партии «Сердце Туниса» ее лидер Набиль Карви одобрил все предложенные либеральные инициативы за исключением равенства в наследовании: оно, по его словам, скорее всего «разделит тунисское общество». Зато «Демократическое течение» не только поддержало принцип равного наследования, но и предложило вынести вопрос на референдум, «учитывая болезненность восприятия вопроса в обществе и во избежание общественного раскола». В свою очередь, председатель либеральной «Свободной конституционной партии» Абир Муси раскрыла законопроект по причине расплывчатых формулировок, которые вместо того, чтобы жестко закрепить принцип равного распределения имущества между наследниками, не исключают традиционного способа раздела.

Между тем, светские круги - главным образом, либералы и левые - казались настроенными довести путь светских реформ до логического конца. Вопрос о равенстве наследования они рассматривали в свете точного воплощения конституционного принципа равенства граждан, и именно в таком качестве он занял важное место в агитационных программах партий «Нидаа Тунис», «аль-Масар», «Народный фронт», движения «Машруа».

Реакция общественных организаций была, вероятно, предсказуемой: традиционные, консервативные и происламские организации полемизировали с либеральными, правозащитными, про-демократическими организациями-оппонентами. На защиту исламских основ встали шейхи мечети аз-Зейтуна и Ассоциации защиты Корана. Более того, идея равенства наследования попала в фокус обсуждения далеко за пределы Туниса. В Египте шейхи аль-Азхара, не желая опасного прецедента, тут же отметили, что законопроект противоречит шариату и неприкрыто нарушает нормы, установленные в Коране.

Удивительно, что самый влиятельный в стране профсоюз ВСТТ также критически отнёсся к законопроекту: якобы законопроект появился «не своевременно». В то же время ВСТТ не опубликовал разъяснения официальной позиции, поскольку в рядах профцентра нашлось как немало противников, так и сторонники абсолютного гендерного равенства, в т.ч. в лице заместителя главы ВСТТ - д-ра Сами ат-Тахри.

⁶ Более 20 СМИ, в т.ч. *Al-Jazeera*, *BBC*, *CNN*, *Aabic*, *Alhurra*, *France 24*, *Orient XXI*, *Tunis Ultra*, *Shems FM*, *Mosaique FM*, *Watan News*, *Independent Arabia* и др. (прим. авт.).

Таким образом, невзирая на то, что Тунис является участником множества международных пактов и конвенций, запрещающих дискриминацию, общество все же оказалось не готово принять его в абсолютной форме. Политические партии использовали риторику в пользу повышения социального статуса женщины, порой, лишь в электоральных целях. Реальные причины сохраняющегося положения, видимо, социально-психологические и состоят в патриархальном укладе и традиционном мышлении в отношении семейных устоев, апеллирующем к религиозным нормам. Иными словами, вопреки прогрессивной законодательной базе, гарантирующей гендерное равенство, в тунисском обществе не произошло качественной культурной трансформации, которая могла бы реально ликвидировать дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После 2011 г. тунисские женские организации приобрели свободу действий (этап «демократического феминизма»), однако их идейная разобщенность остается существенной проблемой. Интересным трендом представляется зарождение в постреволюционном Тунисе «исламского феминизма».

В стремлении к паритету полов наибольшего прогресса Тунису удалось добиться в сфере образования. На рынке труда проявлялись признаки половой дискриминации, вызывая озабоченность высокий уровень безработицы среди женщин. В то же время при экстраполяции существующих тенденций на отдаленную перспективу можно ожидать равного распределения трудовых ресурсов по половому критерию. Проблема женского политического участия стала действительно актуальной в течение последних 10 лет. В этой области прослеживались позитивные изменения с учетом растущей доли женщин среди депутатов парламента и министров правительства.

Несмотря на широкую законодательную основу, гарантирующую права женщин, в массовом сознании тунисцев сохранялся комплекс норм, порожденных исламским правом, стереотипами и традицией. Отсюда происходило расхождение между законодательными нормами конституции, а также принятыми международными обязательствами («Прокол Мапуту» не допускает дискриминации при наследовании имущества), с одной стороны, и реальным положением дел - с другой. Анализ позиции депутатов по отношению к поправке о гендерном равенстве наследования имущества продемонстрировал неготовность общества принять такое гендерное равенство, которое будет, по мнению большинства, противоречить религиозным нормам.

Для улучшения ситуации в Тунисе, который в рамках Повестки дня Африканского Союза на период до 2063 г. пока лишь на 40% выполнил ее 17-ю цель - «Полное гендерное равенство во всех областях»⁷. Необходимо, на наш взгляд, создавать социальные структуры, которые помогут увеличению доли женщин в рабочей силе, проводить разъяснительные информационные кампании в духе реформаторского ислама и усилить контроль за выполнением установленного антидискриминационного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Charrad M.M. 1997. Policy shifts: state, Islam, and gender in Tunisia, 1930s-1990s. *Social Politics*, 4(2). Pp. 284-317.
2. Pitkin H.F. 1967. The concept of representation. Berkley: University of California Press.
3. Амин К. Новая женщина. Пер. со 2-го араб. изд. и предисл. И.Ю. Крачковского. СПб: Типография В.Ф. Киршбаум (отд.), 1912.
4. Amin K. 1912. New woman. Translated by Krachkovsky I.Y. SPb. (In Russ.)
5. Hālid A. View from Tunisia on Tāhir al-Haddād and the fight of generation. Tūnis: al-Dār al-Tūnisīyāʾ lil-Našr, 1985. (In Arab.).
5. Мягкова М.И. Эмансипация в Тунисе. Феномен арабского мира. *Азия и Африка сегодня*. 2010, № 7, с. 51-53.
- Myagkova M.I. 2010. Emancipation in Tunisia. The phenomenon of the Arab World. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 51-53. (In Russ.)
6. Brand L.A. 1998. Women, the state, and political liberalization: Middle Eastern and North African experience. New York: Columbia University Press.
7. Bessis S. 1999. Le féminisme institutionnel en Tunisie: Ben Ali et la question féminine. *Clio. Femmes, Genre, Histoire*, № 9, <http://journals.openedition.org/clio/286>. DOI: 10.4000/clio.286 (accessed 03.07.2021)
8. Murphy E.C. 2003. Women in Tunisia: Between State Feminism and Economic Reform. Doumato E.A., Posusney M.P. (Eds.). *Women and Globalization in the Arab Middle East*. Boulder and London: Lynne Rienner Publishers.
9. Daniele G. 2014. Tunisian Women's Activism after the January 14 Revolution: Looking within and towards the Other Side of the Mediterranean. *Journal of International Women's Studies*. 15(2). Pp. 16-32. <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol15/iss2/2> (accessed 03.07.2021)
10. Marzouki I. 1999. Femmes d'ordre ou désordre de femmes? Tunis: Noir sur Blanc.

⁷ First continental report on the implementation of Agenda 2063. 2020. AU, NEPAD. P. 85. <https://library.unccd.int/Details/fullCatalogue/1412> (accessed 13.07.2021)

11. Raqiq M. Metamorphoses of women's movement in light of democratic transition (2010-2020). Round table, 10.03.2021, CAREP. <https://www.facebook.com/100009219310088/videos/2875428066107809/> (accessed 12.07.2021)
12. Global Gender Gap Report 2021. World Economic Forum, 2021. <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (accessed 03.07.2021)
13. Annuaire Statistique de la Tunisie 2014-2018. Tunis: INS, 2019. <http://www.ins.tn/publication/annuaire-statistique-de-la-tunisie-2014-2018> (accessed 10.07.2021)
14. Les Femme en Tunisie, 2000. Tunis: CREDIF, 2002.
15. Gribaa B., Depaoli G. 2014. Gender Profile of Tunisia. https://eeas.europa.eu/archives/delegations/tunisia/documents/page_content/profil_genretunisie2014_ar_longue_fr.pdf (accessed 12.07.2021)
16. Recensement Général de la Population et de l'Habitat 2014. Vol. 9 : Caractéristiques économiques de la population. Tunis: INS, 2017.
17. World Employment and Social Outlook 2021. The role of digital labour platforms in transforming the world of work. ILO, 2021. https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2021/WCMS_771749/lang--en/index.htm (accessed 10.07.2021)
18. Ворончанина Н.И. Женский вопрос в странах Северной Африки (на примере Алжира и Туниса). *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (Новейшая история, экономика и политика)*. Вып. 3. М.: ИВ РАН, ИИБВ, 1998.
Voronchanina N.I. 1998. Women's issue in North Africa countries. *Arab countries of West Asia and North Africa*. № 3. Moscow. (In Russ.)
19. Ben Romdhane M. 2011. Tunisie: état, économie et société. Ressources politiques, légitimation et régulations sociales. Tunis: Sud Editions.
20. Sraieb N. 1997. Tunisie: La Politique Sociale et Culturelle de 1987 a 1997. *Annuaire de l'Afrique du Nord*, Vol. XXXVI, CNRS Editions, Pp. 47-78.
21. Changing Laws and Breaking Barriers for Women's Economic Empowerment in Egypt, Jordan, Morocco and Tunisia. 2020. OECD/ ILO/ CAWTAR. https://www.ilo.org/africa/information-resources/publications/WCMS_760505/lang--en/index.htm (accessed 01.07.2021)
22. Видясова М.Ф. Джихад без войны. Книга 2. Том 2. М, ИСАА МГУ, 2012.
Vidiasova M.F. 2012. Jihad without war. Part 2, Vol. 2. Moscow. (In Russ.)
23. Ganmy M. 2017. The Decisions of Essebsi in favour of women cause debate in Tunisia. *Alarabiya*. 14.08.2017. <https://alarabiya.net/ar/north-africa/2017/08/14/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%B3%D8%A8%D8%B3%D9%8A-%D9%84%D8%B5%D8%A7%D9%84%D8%AD-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B1%D8%A3%D8%A9-%D8%AA%D8%AB%D9%8A%D8%B1-%D8%AC%D8%AF%D9%84%D8%A7-%D9%81%D9%8A-%D8%AA%D9%88%D9%86%D8%B3> (accessed 03.07.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кашина Анна Анатольевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия.

Anna A. Kashina, PhD (Political Science), Senior Lecturer, Oriental Languages Department, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.07.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 23.01.2022

Китай в глобализованном мире: новая эра политики реформ и открытости

© Нежданов В.Л.^a, 2022

^a Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1533-069X; vn1993@yandex.ru

Рецензия на книгу: **Шэнь Хайсюн. «Си Цзиньпин и политика реформ и открытости»** (пер. с кит. Барабошкина К.Е., Барабошкиной А.В.). М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2021, 799 с. ISBN 978-5-907447-02-8

Ключевые слова: Шэнь Хайсюн, Китай, КПК, глобализация, идеи Си Цзиньпина, марксизм, политика реформ и открытости

Для цитирования: Нежданов В.Л. (Тюмень). Китай в глобализованном мире: новая эра политики реформ и открытости. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 77-80. DOI: 10.31857/S032150750016643-9

China in the globalized world: A new era of reform and opening-up policy

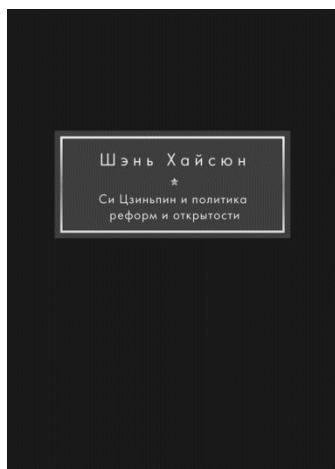
© Vladimir L. Nezhdanov^a, 2022

^a Tyumen State University, Tyumen, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1533-069X; vn1993@yandex.ru

Review of the book: **Shen Haixiong. Xi Jinping and the Reform and Opening-up Policy** (translation from Chinese by Baraboshkin K.E., Baraboshkina A.V., Moscow, 2021. 799 p.) (In Russ.). ISBN 978-5-907447-02-8

Keywords: Shen Haixiong, China, CPC, globalization, Xi Jinping thoughts, Marxism, reform and opening-up policy

For citation: Vladimir L. Nezhdanov (Tyumen). China in the Globalized World: A New Era of Reform and Opening-up Policy. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 77-80. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016643-9

Перевод книги «Си Цзиньпин и политика реформ и открытости» (习近平改革开放思想研究) (пер. с кит. Барабошкина К.Е., Барабошкиной А.В., М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2021, 799 с.) с китайского языка на русский можно всячески приветствовать, поскольку, несмотря на заявления о выходе российско-китайского сотрудничества на стратегический уровень и определение двусторонних отношений как «превышающих уровень союза», работ, позволяющих ознакомиться со спецификой современной политической мысли Компартии Китая, на русском языке крайне мало.

Однако ситуация начинает меняться, и в последнее время стали выходить переводы трудов, посвященных изучению «Идей Си Цзиньпина». В 2017 г. было опубликовано исследование Цинь Юйцай, Чжоу Гупина и Ло Вэйдуна «Один пояс и один путь»¹, в 2019 г. увидел свет перевод книги Чжоу Синьминя «Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая»², в 2020 г. - перевод издания «Истории из уст Си Цзиньпина»³, а в 2021 г. - «Ключевые слова Си

¹ Цинь Юйцай, Чжоу Гупин, Ло Вэйдун. Один пояс и один путь: комментарии. М., 2017. 279 с.

² Чжоу Синьминь. Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая. М., 2019, 184 с.

³ Истории из уст Си Цзиньпина. М., 2020, 398 с.

Цзиньпина»⁴. Тем не менее, основной корпус литературы, составляющий базу современной политической мысли Китая, остается недоступным для читателя, не владеющего китайским языком⁵.

В этой связи значительный интерес представляет опубликованная в журнале «Азия и Африка сегодня» (2020 г., № 10, с. 4-13) статья В.Г.Бурова, доктора философских наук, главного научного сотрудника Института философии РАН - «Новые тенденции в китайской идеологии после XVIII съезда КПК»⁶. В ней - речь о важности изучения новых тенденций в китайской идеологии после XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.), подчеркивая, что в идеологии Компартии Китая происходят серьезные изменения, которые, с возрастанием экономического и политического влияния КНР в мире окажут серьезное влияние на развитие системы международных отношений.

Составитель рецензируемой книги - Шэнь Хайсюн - видный партийный и государственный деятель Китая, занимает ряд ответственных должностей: заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК, генеральный директор Медиакорпорации Китая. Высокие позиции автора в партийно-государственной иерархии КНР позволяют рассматривать рецензируемое издание не только как попытку интеллектуального исследования «Идей Си Цзиньпина» в отношении политики реформ и открытости, но и в качестве толкования современной китайской политической стратегии. Заметим, что на китайском языке книга увидела свет в 2018 г. и была приурочена к 40-летию политики реформ и открытости, тогда как до русскоязычного читателя работа Шэнь Хайсюна дошла с опозданием. Этот аспект важно учитывать в связи с тем, что за период с 2018 по 2021 гг. продолжалось как развитие идей Си Цзиньпина, так и внешнеполитической стратегии КПК.

Книга Шэнь Хайсюна стала первым изданием, предложившим системный анализ речей, выступлений и заявлений председателя КНР Си Цзиньпина о политике реформ и открытости, и сформировала комплекс внутри- и внешнеполитических подходов, обозначенных автором как «Идеи Си Цзиньпина о политике реформ и открытости» (习近平改革开放思想).

Хронологические рамки работы, хотя и сосредоточены на политическом развитии КНР после 2012 г., охватывают всю историю страны после 1949 г. Шэнь Хайсюн отмечает, что «Идеи Си Цзиньпина» не выступают чем-то принципиально новым для китайской политической мысли, однако они открывают возможность внести инновационные подходы в существующую политическую стратегию (с. 3, 5). Автор демонстрирует преемственность политических подходов Си Цзиньпина «идеям Мао Цзэдуна» (с. 37), «теории Дэн Сяопина», а также политическим подходам и теоретическим новациям Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао (председатели КНР в 1993-2003 гг. и в 2003-2013 гг., соответственно) (с. 17-19). Подчеркнутая преемственность «Идей Си Цзиньпина» предыдущим поколениям руководителей КНР выступает инструментом, который позволяет легитимизировать активизацию внешней политики на современном этапе.

Так, демонстрация преемственности «Идеям Мао Цзэдуна» становится инструментом, позволяющим показать, что ключевая цель политики Си Цзиньпина, заключающаяся в «Великом возрождении китайской нации», красной нитью проходит через историю КНР, начиная с 1 октября 1949 г.⁷ Опора на «Теорию Дэн Сяопина» демонстрирует, что «первоначальная цель реформ не забыта, а решимость в их осуществлении по-прежнему крепка» (с. 22). Наконец, преемственность политике и теоретическим новациям четвертого поколения руководителей во главе с Ху Цзиньтао (2003-2013 гг.) указывает, что в тот период «ЦК КПК интенсивно <...> реализовывал стратегию открытости, суть которой заключалась в *присоединении Китая к процессу глобализации*» (курсив - Н.В.) (с. 18). При этом на современном этапе дальнейшее развитие КНР неразрывно с процессами глобализации (с. 170-176).

Другой опорой «Идей Си Цзиньпина» назван марксизм, который в современной культуре Китая выступает ведущей силой по умолчанию (с. 364). Предложен оригинальный взгляд на историю развития левой мысли, автор, отсчитывая развитие мысли от публикации работы Т.Мора «Утопия» в 1516 г., говорит о том, что формирование социализма как системы координат составляет не менее 500 лет (с. 37).

Подобный подход приобретает особое значение в Китае, где активно публикуются книги о современном понимании марксизма, идет работа по развитию теории, ее приспособлению к современным условиям. В вышедшем 26 августа 2021 г. программном докладе «Историческая миссия и вклад КПК» (中国共产党的历史使命与行动价值) указывается, что марксизм выступает путеводной идеологией КПК, марксизм должен использоваться для поиска истины, понимания мира, его закономерностей и его преобразования, а не в качестве жесткой догмы⁸.

⁴ Ключевые слова Си Цзиньпина. М., 2021, 351 с.

⁵ 理论中国. (Theoretical China Network). (In Chin.). <http://www.theorychina.org/llzgxslxzz> 894/ (accessed 30.08.2021)

⁶ Буров Владилен Георгиевич (р. 1931) - профессор МПГУ, член редакционного совета журнала китайской Академии общественных наук «Изучение мирового социализма»; советник Международной Конфуцианской ассоциации (прим. ред.).

⁷ 中华人民共和国大事记.67 (Chronicles of the People's Republic of China). *Xinhua*. 27.09.2019. (In Chin.). http://xinhuanet.com/2019-09/27/c_1125049752.htm (accessed 31.08.2021)

⁸ 中国共产党的历史使命与行动价值. (The Historical Mission and Action Value of the Communist Party of China). *Renmin Ribao*. 27.08.2021. (In Chin.). <http://politics.people.com.cn/n1/2021/0827/c1001-32209828.html> (accessed 01.09.2021)

Издание описывает исторические причины формирования политических воззрений лидера 5-го поколения руководителей КПК-КНР. Демонстрируется связь мышления Си Цзиньпина с исторической памятью Китая (с. 16, 22), а также его приверженность традиционной китайской культуре (с. 38, 363, 398, 400).

Таким образом, система «Идей Си Цзиньпина» базируется на установках марксизма, идеях китаизации марксизма, а также на китайской истории и традиционной культуре (с. 34-42). «Идеи Си Цзиньпина» открывают новую веху в китаизации марксизма, продолжая развитие теории в современных условиях.

Значительное внимание уделено концепции, получившей название «управление». Так, в качестве эпиграфа предложены цитаты из сборника статей и выступлений Си Цзиньпина «О государственном управлении» и выступления на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) о важности укрепления практики управления (с. 12). В дальнейшем речь идет о совершенствовании системы управления внутри страны (с. 63), связи верховенства закона и управления (с. 66), реформах административной и судебной систем КНР (с. 68, 72), предлагается комплексный взгляд на совершенствование механизмов общественного (с. 413-516) и глобального управления (с. 119, 708-729).

Представление о важности укрепления практики управления как на государственном, так и на международном уровне в рамках «Идей Си Цзиньпина» происходит из взглядов руководителей КПК на дальнейшее развитие политики реформ и открытости.

Шэнь Хайсун приводит цитату Си Цзиньпина о том, что дальнейшее развитие КНР сопряжено с ростом проблем, рисков и угроз (с. 21). Подобное высказывание базируется на представлениях о тенденциях мирового развития (трансформация мировой экономики, промышленная трансформация, реструктуризация системы глобального управления) (с. 24-26, 588-589) и тенденциях развития КНР (постепенное замедление темпов экономического роста, необходимость структурной перестройки и трансформации импульсов экономического роста) (с. 29-30, 590).

Важным замечанием выступает то, что Китай становится естественным противником Запада в период трансформации мировой системы, поскольку Запад противодействует тенденциям мирового развития, тогда как КНР не противостоит им, а наоборот - пытается в них встроиться (с. 594).

Далее, рассматривает взгляды Си Цзиньпина на различные аспекты строительства китайского государства - политический, культурный, социальный, экологический. Значительное внимание уделяется специфике экономического развития страны, подчеркивается значение продолжения реформ, анализируется роль государства в рыночном регулировании.

Подобные рассуждения с марксистской точки зрения можно интерпретировать как демонстрацию того, что изменения в экономическом базисе вызывают реакцию и ставят вопрос о «пересборке» общественно-политической надстройки как в национальном, так и в глобальном масштабе.

В этой связи особый интерес представляет «внешнеполитический раздел» издания, который «растворен» в книге, однако отдельно представлены главы, содержащие анализ «Идей Си Цзиньпина» о развитии инициативы «Пояса и Пути» и построении Сообщества единой судьбы человечества.

Так, инициатива «Пояса и Пути» охарактеризована как квинтэссенция стратегического замысла Си Цзиньпина о развитии открытости (с. 585), а также рассматривается как инструмент, который может позволить Китаю перехватить инициативу в международной конкуренции на современном этапе (с. 596).

Говоря о реализации инициативы по совместному развитию «Пояса и Пути», автор называет 5 принципов, для содействия его долгосрочному и устойчивому строительству, а именно: его создание в исключительно мирных целях (с. 622), развитие для взаимного процветания (с. 623), открытости (с. 623), развития инноваций (с. 624), а также его формирование в качестве цивилизационного пути (с. 624).

Как следствие, инициатива «Пояса и Пути» рассматривается не в качестве экономического и транспортно-логистического механизма, а приобретает черты комплексной системы международного сотрудничества.

Шэнь Хайсун говорит о создании многосторонней сбалансированной международной экономической системы, ориентированной на развитие и взаимный выигрыш (с. 649), где Китай готов противостоять всем формам торгового протекционизма (с. 650), должен усиливать институциональные право голоса в глобальном экономическом управлении (с. 654), а также выступать строителем мировой экономики открытого типа (с. 657), в рамках которой «Си Цзиньпин <...> приглашает мировое сообщество сесть на поезд китайского развития» (с. 659).

Что касается концепции «Сообщества единой судьбы человечества», она получает достаточно интересное описание. Отмечается, что ЦК КПК следует тенденциям эпохи, в основе которых лежит «идея о нахождении всех стран мира в одной лодке, <...> выдвигает ряд новых <...> концепций и идей по всем аспектам построения нового порядка в международных отношениях» (с. 655).

Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» изображается в связке с «Китайской мечтой», осуществление которой невозможно без «мирной международной обстановки и стабильного международного порядка» (с. 667). Предложен вариант рассмотрения концепции «Сообщества единой судьбы человечества» как многоуровневой системы, которая состоит из «Сообщества единой судьбы китайской нации»

(КНР, Тайвань, Гонконг, Макао); «Сообщества единой судьбы государств» (все межгосударственные обмены); «Сообщества единой судьбы региона (сообщества Китай - АСЕАН, Китай - Африка, Китай - Латинская Америка); «Сообщества единой судьбы человечества» (общие интересы и развитие всего человечества) (с. 688-689).

В итоге, автор говорит о системе глобального управления, рассматривая его в контексте «Сообщества единой судьбы человечества» и отмечает особую роль ООН, которая выступает площадкой для раскрытия роли Китая в качестве ответственной крупной державы (с. 722).

Шэнь Хайсюн заканчивает книгу главой о партийном руководстве в процессе реформ и открытости (с. 734). Подобное решение не случайно и призвано подчеркнуть ключевую роль не государственного, а партийного аппарата в реализации новых подходов политики реформ и открытости как в ее внутреннем, так и международном масштабе.

На страницах издания присутствует мысль о единстве внутренних и внешних тенденций развития КНР, их взаимосвязанности, что и приводит к сопряжению решения внутренних и внешних задач (с. 110), тогда как Коммунистическая партия Китая становится международной партией, которая «борется за счастье (китайского - Н.В.) народа и за прогресс всего человечества (с. 119).

Несмотря на ценность русскоязычного издания работы Шэнь Хайсюна, оно не лишено ряда недостатков.

Во-первых, в перевод названия книги закралась смысловая ошибка. Китайское название «习近平改革开放思想研究» дословно в переводе на русский - «Изучение идей Си Цзиньпина о политике реформ и открытости», тогда как предложенный издателем - «Си Цзиньпин и политика реформ и открытости» - не в полной мере отражает содержание книги и предполагает в большей степени историческое исследование, а не исследование в сфере политической науки и идеологии.

Во-вторых, своего рода недоработкой можно считать отсутствие предисловия к русскоязычному изданию, а также примечаний по тексту, что осложняет восприятие материала для человека, который не выступает специалистом по современной китайской политической мысли. Недостатком книги выступает отсутствие транскрипций и иероглифического написания китайских терминов в тексте, что осложняет понимание и дальнейший поиск указанных концепций для их более детального изучения.

Несмотря на эти недостатки, перевод книги Шэнь Хайсюна - видного партийного и государственного деятеля Китая - на русский язык можно считать весомым вкладом для более близкого ознакомления российских исследователей, предпринимателей и государственных служащих с современными концептуальными основами внутренней и внешней политики КНР.

Изучение и анализ «Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры» приобретает особую актуальность на современном этапе, поскольку дальнейшее укрепление международных позиций Китая вкупе с продолжающимся противостоянием с США требуют от экспертного и политического сообщества России глубокого и четкого понимания концептуальных основ внутренней и внешней политики Пекина, становящегося все более важным и близким партнером Москвы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Нежданов Владимир Львович, ассистент кафедры истории и мировой политики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; соискатель, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия.

Vladimir L. Nezhdanov, Assistant, Department of History and World Politics, Tyumen State University, Tyumen, Russia; Applicant, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 8.09.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 23.01.2022